

1917 ГОД
В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1937

1917

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1917 ГОД В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1937

Настоящий сборник представляет собой попытку положить начало разработке вопросов истории московской областной партийной организации в период подготовки и осуществления Великой пролетарской революции и является первым выпуском материалов по истории Октябрьской социалистической революции в Московской области.

Двадцать лет назад партийный большевистский центр Московской области — Московское областное бюро РСДРП (большевиков) — охватывал своим руководством работу партийных организаций тринадцати губерний Центрального промышленного района и центральной черноземной полосы России.

И. РАЗГОН

Орехово-зуевцы в борьбе за Великую пролетарскую революцию

Накануне февральской революции

Боевое прошлое многотысячного рабочего населения Орехово-Зуева представляет собой яркую страницу в истории рабочего движения царской России.

Развитие Орехово-Зуева как одного из текстильных центров старой России связано с именем фабрикантов Морозовых. На протяжении целого века семья Морозовых, вышедшая из крепостных крестьян мест-

ного помещика Рюмина, жестоко эксплоатировала рабочих. Морозовы сколотили себе многомиллионное состояние, построили в самом Орехове и в других городах ряд текстильных фабрик.

Еще в конце XIX в. рабочий день текстильщиков доходил на фабриках Морозова до 14½ часов. Не было исключения для женщин и детей. Тонко разработанная система оплаты труда, штрафы, внешне патриархальные отношения с самим хозяином усиливали и без того жестокую эксплоатацию текстильщиков. Заработная плата рабочим, как правило, на руки не выдавалась. Она пускалась в хозяйственный оборот. Взамен денег рабочие получали на определенную сумму особые «харчевые марки». На эти марки они могли брать продукты только в хозяйской харчевой лавке при фабрике.

Жили морозовские рабочие в скученных, грязных фабричных казармах, обычно по нескольку семей в одной небольшой комнатушке. Роль «благодетелей», которую пытались разыгрывать Морозовы, плохо удавалась им. Еще до реформы 1861 г. волнения среди рабочих на фабриках Морозовых были нередким явлением. После реформы борьба рабочих со своими хозяевами принимает организованный характер. В 1865, 1876 гг. морозовские текстильщики требовали сокращения рабочего дня, повышения заработной платы. Они бастовали, но побеждал всегда хозяин — Тимофей Саввич. Наиболее активные рабочие каждый раз после забастовок выбрасывались с фабрик вместе со своими семьями, заносились в «порочную книгу» «за подстрекательство к бунту народному».

Новой вехой в рабочем движении России была знаменитая морозовская стачка, вспыхнувшая в 1885 г. Стачка 1885 г., проходившая под руководством ткачей П. А. Моисеенко и В. С. Волкова, показала, какие силы таит в себе растущий рабочий класс. Ни оружие, пущенное в ход солдатами и казаками, вызванными Морозовым, ни массовые аресты, ни суды над сотней арестованных рабочих не сломили орехово-зуевских

ткачей. Правительству пришлось обратить внимание на «рабочий вопрос». Первые законодательные акты по этому вопросу были вызваны морозовской стачкой.

Вплоть до свержения ненавистного капиталистического строя не утихала борьба орехово-зуевских ткачей со своими угнетателями. В 1905 г. орехово-зуевские рабочие под руководством большевиков с оружием в руках отбивались от казаков и полиции. Годы реакции также не сломили революционный дух орехово-зуевских пролетариев.

Вся жизнь, все будущее этих потомственных пролетариев, несколько поколений которых родилось и выросло в рабочей казарме, у фабричного станка, были кровно связаны с жизнью и борьбой рабочего класса всей России. И они шли в первых рядах бойцов.

Наступили тяжелые годы мировой войны.

Империалистическая бойня ухудшила и без того тяжелое положение орехово-зуевских текстильщиков. Взамен мобилизованных на фронт взрослых рабочих на работу шли женщины, подростки. Заработная плата, бюджет рабочей семьи снижались. Дороговизна росла. Резко ухудшилось продовольственное положение на всех фабриках Орехово-Зуева и в особенности на фабрике Викулы Морозова.

В сентябре 1915 г. под руководством большевистской партийной организации рабочие Орехово-Зуева организовали антивоенную демонстрацию в городе Покрове. У воинского присутствия в это время шел прием мобилизованных ратников ополчения 2-го разряда. К собравшимся призывникам и провожавшим их рабочим и работницам обратился один из «отцов города». Он тщетно призывал рабочих положить свои головы «за веру, царя и отечество». Крики: «Долой войну!», «Мобилизуйте жандармов и полицию!», «Отдайте наших сыновей, мужей и отцов!»— были ответом на речь этого «патриота». Взвился красный флаг. Град камней полетел в окна воинского присутствия. Толпа сорвала дверь. И только угрозой расстрела уда-

лось местному исправнику Шапкину, подошедшему со своим отрядом, спасти воинское присутствие от разгрома, а чиновников, дрожавших в перепуге, от суровой расправы.

Революционное выступление орехово-зуевских рабочих в сентябре 1915 г. напугало предпринимателей. Уже в октябре этого же года фабриканты вынуждены были дать рабочим прибавку в 10% «на военное время».

Однако, росла попрежнему дороговизна, надвигался голод. К началу 1916 г. положение рабочих еще более ухудшилось. «Военные» прибавки не соответствовали возросшим ценам на продукты первой необходимости. Правление фабрик в этот же период сняло со снабжения не работающих членов семьи рабочих.

Возбужденные рабочие вновь выступили с требованием прибавки. 12 марта началась новая забастовка. Ткачи требовали:

«1) Чтобы были для рабочих и их семейств все продукты в достаточном количестве, как то: мука, мыло, масло, крупа в хорошем качестве, но не как сейчас тухлая, сахар, картофель, капуста и мясо.

2) Рабочим прибавить в процентном отношении до 80 коп. на рабочий рубль. Прибавить в расценках на военные и прочие товары до 40 коп. на кусок.

3) Рабочие, желающие вписывать детей, родителей, сестер и братьев, которые находятся на их иждивении, чтобы харчи писались и на этих людей. Ткачам ниточного корпуса писать харчи в ниточном корпусе отдельно»[1].

Это выступление рабочих не носило, однако, достаточно организованной формы. Забастовка быстро закончилась. Она была по существу сорвана. Партийная организация большевиков в Орехово-Зуеве ока-

---

[1] «Московская провинция в семнадцатом году», «Московский рабочий», 1927 г.

залась в то время еще слабой и не сумела возглавить и довести забастовку до конца.

И тем не менее реальным результатом этой, хотя и не вполне удавшейся забастовки было то, что правление фабрики Викулы Морозова вынуждено было увеличить прибавку на «военное время» еще на 10%, увеличить наградные к «пасхе» 1916 г. с 5 до 10% к заработку рабочих. В развешенном 14 марта 1916 г. по фабрикам об'явлении правление фабрики сообщало об очередной «милости» и выражало надежду, что рабочие всеми силами будут стремиться к тому, чтобы дать возможность товариществу «с честью провести тяжелое время войны в непрерывной и аккуратной работе».

Но орехово-зуевские рабочие, руководимые своей большевистской организацией, были против войны.

«Мы будем вести неустанную пропаганду социальной революции как среди всей массы рабочих и особенно среди тех товарищей, которые идут на войну»[1], — заявляли в своей листовке орехово-зуевские большевики. И их слово не расходилось с делом.

Большевистская организация Орехово-Зуева протестует против приговора над большевиками, депутатами Государственной думы, открыто и смело голосовавшими в Думе против войны.

«Долой войну, да здравствует мир, долой тиранов, да здравствует международный социализм!» — зовут орехово-зуевские большевики в той же листовке.

Организация готовилась к первомайской забастовке. И неожиданно накануне самого 1 Мая партийная организация подверглась разгрому. Провал организации был вызван предательством Чернышева и Анны Ясовой. Начались аресты, высылки из Орехова. Организация была обезглавлена. Усилились репрессии по отношению к рабочим. Несмотря на это, в июне на морозовских фабриках вспыхнула новая забастовка.

---

[1] Истпарт МК ВКП(б), Тверская и северная группы, стр. 168, «Московский рабочий», 1930 г.

Вновь рабочие требовали увеличения заработной платы, улучшения продовольственного снабжения из фабричных харчевых лавок. Забастовка длилась около трех недель и кончилась 3 июля, после того, как Морозовы повысили расценки еще на 10%. Таким образом, в результате ряда забастовок заработок рабочих в общей сложности по сравнению с 1914 г. был повышен на 35%, и вместе с тем цены на продукты поднялись за это же время больше чем на 200%. Боясь возобновления стачек, учитывая растущее недовольство рабочих, грозивших лишить хозяев огромных военных прибылей, правление фабрики Морозовых с 1 октября 1916 г. увеличило прибавку в зарплате еще на 10%, т. е. всего до 45%. Однако, через несколько месяцев, зимой 1916—1917 г., положение с продовольствием еще более ухудшилось. Резко сократился подвоз продовольствия, около фабричных харчевых лавок огромные очереди стали обычным явлением. Недовольство рабочих росло. Казалось, вот-вот снова вспыхнет забастовка.

Так было в Орехово-Зуеве накануне февральских дней 1917 г.

„Власть советам"

О свержении самодержавия орехово-зуевские рабочие узнали только 3 марта от приехавших из Москвы солдат. Черносотенные заправилы Орехово-Зуева пытались скрыть факт победы революции в Питере и Москве. Еще 28 февраля им стало известно о свержении самодержавия и о формировании Временного правительства. Рабочие же, лишенные газет, питались слухами. И только 3 марта, когда радостная весть о революции с быстротой молнии облетела всех рабочих Орехово-Зуева, они немедленно прекратили работу. У конторы фабрики на Никольской улице был организован митинг. Разоружили и арестовали полицейских и жандармов. Поездом отправили арестованных в Москву. В знак победы над самодержавием по

предложению рабочих был об'явлен трехдневный праздник.

К моменту февральской революции партийная организация Орехово-Зуева была сильно разгромлена. Ее слабостью в первые дни революции воспользовались местные буржуазные элементы. В первые же дни ими был создан «комитет общественной безопасности». В него вошли: судебный следователь Альбицкий, фабричный инженер Кудрявцев, владелец местных гимназий Белавин, купцы Маслов, Палладин, трактирщик Бобров, инженер Лоханько и др. Из местных гимназистов — детей торговцев, служащих была организована милиция. Начальником ее был назначен Альбицкий. Комитет через два дня в том же составе переименовал себя в «исполнительный комитет» и стал органом власти — представителем Временного правительства. В одном из первых обращений к населению комитет писал: «...всякие забастовки в настоящее время излишни, так как они затрудняют положение нового правительства... рабочих фабрик исполнительный комитет особенно просит не оставлять работ и соблюдать дисциплину» [1].

Первый совет рабочих депутатов в Орехово-Зуеве был создан 12 марта. Организация совета проходила при активном участии и с помощью эсера Ланге, приехавшего в Орехово-Зуево в качестве представителя Московского совета. В составе первого совета в подавляющем большинстве были лица из фабричной администрации, служащие, чиновники и даже купцы. Рабочих в составе совета было явное меньшинство. Председателем совета был избран рабочий-прядильщик Мочалин Ф. Д., беспартийный, скоро об'явивший себя меньшевиком. Фактическое руководство советом находилось в руках секретаря совета инженера Лоханько — кадета, ставленника фабричной администрации. Понятно, что такой совет не мог защищать инте-

---

[1] «На баррикадах революции», сб. к 10-й годовщине Октября, стр. 66, Орехово-Зуево, 1927 г.

ресы рабочих. «Временный исполнительный комитет» продолжал существовать и вел свою работу. Чтобы обезопасить себя от выступления рабочих, он ввел в свой состав несколько рабочих, в том числе и председателя совета рабочих депутатов Мочалина.

Однако, господство кадетов и меньшевиков в совете продолжалось не долго. Вышедшие из подполья одиночки-большевики быстро организовались. Работавший в правлении больничной кассы при фабрике В. Морозова активный член партийной организации т. Липатов Алексей Иванович, связанный с большевистской организацией Замоскворечья в Москве, поехал в Москву и попросил здесь помощи. Замоскворецкая организация послала группу товарищей в Орехово-Зуево. С их помощью в первых же числах марта распыленная группа большевиков Орехово-Зуева была оформлена в партиную организацию. Был выбран партийный комитет. К моменту выборов комитета организация насчитывала всего 17 человек. Было решено созвать собрание рабочих и потребовать доклада о работе совета. Собрание состоялось в помещении рабочего театра, переполненного доотказа рабочими. Был заслушан отчет президиума совета. Делал его секретарь совета инженер Лоханько. Бурно обсуждался этот доклад. В результате собрание постановило большинством голосов считать совет распущенным. Здесь же были намечены кандидаты в новый совет.

19 марта на многотысячном собрании был избран новый совет. К выборам во второй совет фабричная администрация не была допущена. В члены совета прошли в подавляющем большинстве рабочие. Новый совет избрал исполнительное бюро и президиум из трех человек. Председателем совета был избран большевик Липатов. Перевыборы совета явились переломным моментом во всей дальнейшей борьбе орехово-зуевских рабочих за власть советов. Под руководством оформившегося партийного комитета все растущая орехово-зуевская организация большевиков

превратила Орехово-Зуево в пролетарскую твердыню. На собраниях, где происходили выборы совета, были избраны и фабрично-заводские комитеты. Как и в совете, подавляющее большинство в фабзавкомах получили большевики. Был принят устав фабрично-заводских комитетов. Устав предписывал фабрично-заводским комитетам активно вмешиваться в дела предприятия. Так, § 11 говорил, что «наем и увольнение рабочих производятся с согласия фабрично-заводского комитета», § 12 устава поручал фабзавкомам следить за правильным и достаточным снабжением рабочих продуктами из лавок предприятия. Последнее было важно еще потому, что харчевые лавки, где рабочие покупали необходимые им продукты, принадлежали фабрикантам и являлись составным звеном в системе эксплоатации, применяемой Морозовыми и др. В § 21 указывалось, что во всей своей работе фабрично-заводские комитеты должны руководствоваться интересами рабочих данного предприятия «в согласии с интересами всего рабочего класса». Особые пункты устава говорили о связи и подчиненности в работе фабзавкомов совету рабочих депутатов. Фабзавкомы превратились в опорные пункты совета рабочих депутатов на предприятиях.

Примерный устав фабзавкомов свидетельствовал о высокой политической зрелости орехово-зуевских рабочих.

22 марта совет потребовал от фабрикантов освободить от работы членов исполнительного комитета совета и правления фабзавкомов, сохранив за ними заработную плату и квартиры. Орехово-зуевские фабриканты на своем совещании решили сначала отвергнуть это требование совета. Однако, через некоторое время предприниматели пошли на уступки.

30 марта совет заведующих фабриками сына Саввы Морозова сообщил совету рабочих депутатов:

«Совет рабочих депутатов нами признается как существующая организация, признанная и Временным правительством, каковое в свою очередь признано и

армией и всей Россией. Что же касается ФЗК, то возникновение таковых мы считаем целесообразным постольку, поскольку они не считают свои решения безапелляционными. В настоящее время все постановления комитета делаются без участия и согласия администрации фабрик; они могут приниматься последней к сведению и исполнению, если они не вносят ломки в общие условия работы. Если же эти постановления будут неприемлемы для администрации, то они должны вноситься в комиссию, состоящую из уполномоченных от рабочих и администрации фабрик, для общего обсуждения. Присланный устав ФЗК составлен односторонне, без участия другой стороны, т. е. владельцев предприятий, а потому и не может признаваться нами правильным. Функция ФЗК, по нашему мнению, — смягчать разногласия между администрацией фабрик и рабочими и служить посредниками между ними. Несмотря на это, правление, сочувствуя организации рабочих, согласно уплачивать рабочим, состоящим в бюро ФЗК, в количестве 5 человек, по среднему заработку, а также и на сохранение за ними хозяйских квартир на все время пребывания в комитете. Ф. Карпов, Былинкин» [1].

Вслед за правлением фабрик Саввы Морозова на уступки пошли и другие фабриканты Орехово-Зуева.

В противовес большевистским совету рабочих депутатов и фабзавкомам представители фабричной администрации организовали в Орехове «союз служащих». Руководителем его был инженер Лоханько (кадет). «Союз» этот с первых же дней своего существования вступил в резкий конфликт с рабочими организациями. Он отказывался признавать совет рабочих депутатов. Для работы совета было занято помещение арестованного жандармского подполковника, принадлежавшее правлению фабрик Саввы Морозова. Занятие этого помещения вызвало конфликт с правлением фабрики.

---

[1] «На баррикадах революции», сб. к 10-й годовщине Октября, стр. 77, Орехово-Зуево, 1927 г.

Была вызвана даже воинская часть для освобождения помещения от «захватчиков». Однако, конфликт кончился в пользу совета. Рабочие и солдаты защищали совет.

5 апреля совет решил занять для своих нужд клуб служащих при фабрике Саввы Морозова. В этот клуб был вхож высший и средний административный персонал. Рядовые служащие туда попасть не могли. Большая часть помещения почти всегда пустовала, меньшая была занята столовой и бильярдом. Столовую служащим оставили, а остальное помещение было занято советом. «Союз служащих», руководимый Лоханько, обратился с жалобой в губернский центр Владимир и в Москву. Московское областное бюро советов рабочих и солдатских депутатов прислало в ответ на эту жалобу запрос Орехово-зуевскому совету, квалифицируя занятие помещения как «захват» и называя «союз служащих» демократической организацией. В своем ответе Московскому областному бюро Орехово-зуевский СРД протестует против того, что Московское областное бюро советов называет «союз служащих» демократической организацией. «Местный СРД и ИК не может признать этот союз демократической организацией, так как руководящую роль в этом союзе играет администрация фабрики. Этот союз никак, очевидно, не может примириться с тем, что большинство ИК принадлежит рабочим, и поэтому союз, вместо того, чтобы признать ИК за орган местной демократии, ищет всякие способы подорвать ИК» [1].

Орехово-зуевский совет рабочих и солдатских депутатов продолжал развертывать свою работу. «Исполнительный комитет» — орган «комитета общественной безопасности», созданный в первые дни февральской революции и считавший попрежнему себя органом власти, затруднял работу СРД. Большевистская организация приняла решение легальным «демократическим» путем, изнутри взорвать исполнитель-

---

[1] МОАУ, ф. 94, оп. 2/380, л. 9.

ный комитет. С этой целью была потребована реорганизация ИК на основе пропорционального представительства. Это означало, что в состав исполнительного комитета в подавляющем большинстве должны войти рабочие.

Временный исполнительный комитет пытался уклониться от этой реорганизации, ссылаясь на то, что его работа касается всех групп населения и что «продуктивность работы будет тем выше, чем полнее эти группы будут представлены». В ответ на требование о реорганизации он обратился к совету рабочих депутатов «с горячим призывом не углублять того рва, который стараются вырыть между рабочими и остальным населением, не вносить раздоров и споров в среду сынов одной матери России»[1]. Однако, требованию совета, имевшего за собой поддержку всех рабочих, пришлось подчиниться. В новом составе ИК, построенном на «пропорциональном» представительстве, рабочие получили 46 мест, остальные группы населения — 3 места. Председателем орабоченного ИК был выбран большевик. Против этого ИК и боролся «демократический» «союз служащих» под руководством Лоханько. Орабочение ИК облегчило орабочение и милиции. ИК превратился в ненужный придаток к совету рабочих депутатов, так как вся полнота власти в Орехово-Зуеве фактически сосредоточилась в руках совета. Исходя из этого, совет постановил распустить исполнительный комитет.

Существовал совет на добровольные отчисления от заработка рабочих, решивших ежемесячно отчислять полпроцента в фонд совета. Предприниматели отказались было выполнять решение рабочих и не хотели выдавать этих денег совету, но им пришлось подчиниться.

Уже к концу марта рабочие организации Орехово-Зуева начали наступление на предпринимателей.

---

[1] «На баррикадах революции», сб. к 10-й годовщине Октября, стр. 75, Орехово-Зуево, 1927 г.

28 марта фабзавкомы от имени рабочих пред'явили требования о повышении сдельной и поденной оплаты на сто процентов, оплаты сверхурочных в двойном размере и сокращения рабочего дня до 8 часов. Ореховские фабриканты решили не уступать. Правление Т-ва Никольской мануфактуры Саввы Морозова в ответ на требование о введении 8-часового рабочего дня прислало постановление Московского биржевого комитета, где говорилось, что этот вопрос не может быть рассматриваем как вопрос взаимного соглашения между предпринимателем и рабочими, так как он имеет общегосударственное значение. Больше того, по мнению правления фабрик Саввы Морозова и Московского биржевого комитета, вопрос о введении 8-часового рабочего дня не может быть предметом даже временного законодательства, он должен быть решен волею народа в правильно образованных законодательных учреждениях. «Ввиду вышеизложенного представители промышленности считают, что всякое разрешение этого вопроса в ином порядке, кроме законодательного, было бы посягательством на права народного представительства, почему не признают для себя возможным разрешать его в данный момент...» [1] К этому предприниматели присоединяли такое принципиальное возражение против введения 8-часового рабочего дня, как невозможность проведения его в военное время. «Всякое сокращение рабочего дня в данный момент было бы опасным, принимая во внимание громадный недостаток ценостей в стране и потребности в них армии и народа» [2]. От повышения сдельной и поденной оплаты фабриканты тоже отказались.

В ответ на это 10 апреля совет рабочих депутатов пригрозил: в случае невыполнения требований, рабочие прекращают работы и 8-часовой рабочий день будет введен явочным порядком. Угроза подействовала. Че-

[1] МОАУ, ф. 94, д. № 1, л. 51, 1917 г.
[2] Там же.

рез несколько дней Морозовы заявили о согласии на введение 8-часового рабочего дня, увеличение надбавки на дороговизну на 80% вместо требуемых 100% и оплату сверхурочных в двойном размере. Уступка фабрикантов явилась результатом роста организованности и сознательности рабочих масс.

К середине апреля 1917 г. в Орехово-Зуеве создается об'единенный центральный фабзавком. К этому времени большевистская организация, имевшая в момент своего оформления всего 17 человек, насчитывала несколько сот человек. На I Московской окружной конференции РСДРП(б) (17 апреля 1917 г.) делегация Орехово-зуевского района представляла 300 членов партии [1]. Руководимая большевиками-ленинцами орехово-зуевская организация вела за собой рабочих, поднимая их на борьбу с фабрикантами и Временным правительством. Характерным для всей парторганизации в этот период, как и для рабочих Орехово-Зуева, является то, что они не поддались угару «революционного» оборончества. Организация твердо шла за Лениным. «Орехово-зуевский комитет РСДРП(б) по постановлению общего собрания членов партии шлет пролетарский привет передовому борцу революционной армии Интернационала, оставшемуся верным ему, несмотря на всеобщий угар», — писали ореховцы в приветствии Ленину через несколько дней после его приезда в Россию [2].

Оформляются также и профессиональные организации рабочих Орехова. Были организованы союзы текстильщиков и металлистов. 11 апреля на общем собрании профсоюза металлистов после доклада «О роли профсоюзов в борьбе пролетариата с капиталом» единогласно был принят устав Московского профсоюза металлистов. 16 апреля об'единенное собрание правления союзов текстильщиков и металлистов решило слить оба союза в один профсоюз текстиль-

---

[1] «Социал-демократ» № 40 от 9 мая (26 апреля) 1917 г.
[2] «Правда» № 31 (26), апрель 1917 г.

щиков. Было избрано правление нового союза. На первом заседании правления были делегированы два представителя в совет. Тут же решили поручить совету рабочих депутатов отобрать штрафные капиталы у предпринимателей [1].

Организовавшийся профсоюз потребовал 20 апреля от фабрикантов, чтобы наем рабочей силы производился только через биржу труда, открытую при профсоюзе. 29 апреля правление профсоюзов постановляет считать обязательным прохождение всех конфликтов через правление профсоюзов. По решению профсоюза, фабзавкомами было удалено с фабрики свыше 20 ставленников администрации, отличавшихся своим враждебным отношением к рабочим. Это вызвало опять конфликт с «союзом служащих». За подписью Лоханько, председателя «союза», полетели телеграммы в Питер — Временному правительству, в Москву. За «обиженных» вступилось Временное правительство в лице министра труда «социалиста» Скобелева и его заместителя Гвоздева. Министры-«социалисты», едва успев взять в руки министерские портфели (в начале мая), занялись этим делом. Московский совет получил предписание уладить конфликт. Скобелев лично обращается в «союз служащих» с успокаивающей телеграммой. Рабочие не уступили, и бывшим полицейским, урядникам, любезно устроенным на фабриках в качестве «рабочих», чтобы отвести от них гнев народный, а также черносотенным инженерам и мастерам не пришлось вернуться на фабрики.

Борьба за рабочий контроль и третейский суд

Орехово-зуевский совет стал фактической властью в городе. Одним из первых мероприятий совета была организация рабочего контроля. Прежде всего совет

[1] МОАУ, ф. Союза текстильщиков Орехово-зуевского района, оп. 2, д. № 63, л. 3.

организовал контроль над снабжением города продовольствием. Вслед за этим 11 апреля совет потребовал сведения об обеспеченности предприятий сырьем и топливом.

17 апреля совет отменил практиковавшиеся на предприятиях обыски рабочих.

25 апреля совет рабочих депутатов решил послать на фабрики по два представителя совета, которые должны были сообщать совету о повышении и понижении производства на предприятиях, а также о всяком решении, связанном с условиями рабочего быта.

Совет подтвердил обязательность найма рабочих только через биржи труда. Совет также обратился к администрации фабрик Саввы и Викулы Морозовых с требованием снять с работы принятых жандармов и городовых, грозя в противном случае снять их самому.

Это решение совета последовало вслед за новыми требованиями, пред'явленными рабочими фабрикантам. 24 апреля рабочие потребовали установления минимума заработной платы в размере 2 р. 50 к. для получающих от 43 коп. до 1 руб.; для остальных рабочих было предложено увеличение заработной платы до 200%.

Фабриканты отказались вести переговоры. Требование орехово-зуевских рабочих нашло поддержку у воинских частей, расквартированных недалеко от Орехова. Стоявший в 20 верстах от Орехово-Зуева, в уездном городе Покрове, 21-й пехотный запасный полк поддержал требования рабочих. Совет солдатских депутатов 21-го пехотного запасного полка 28 апреля обратился с заявлением в правление фабрик. В нем он пишет: «Узнав о вашем ответе, в котором вы отказываетесь вести по этому вопросу переговоры и слагаете с себя всякую вину за могущие произойти конфликты, и выяснив, что положение рабочих слишком угнетенное, мы требуем немедленно пойти на уступки и виновными будем считать не рабочих, а вас

и окажем первым поддержку в их законных требованиях»[1].

В Орехово-Зуево были делегированы представители советов солдатских депутатов городов Владимира и Покрова. На совместном с ними собрании рабочих 30 апреля было решено требовать немедленного и полного удовлетворения пред'явленных 24 апреля требований.

1 мая правление фабрик обратилось с письмом к Орехово-зуевскому совету, советам солдатских депутатов городов Владимира и Покрова и к совету солдатских депутатов 21-го пехотного полка в Покрове. В нем оно заявляет, что не может удовлетворить требования рабочих ввиду того, что это повлечет остановку предприятий за недостатком средств. Правление решило перенести этот вопрос в областную примирительную комиссию, но с тем, чтобы до решения его в комиссии работа на фабриках не прекращалась.

Борьба разрасталась. Орехово-зуевский партийный комитет и совет рабочих депутатов совместно с профсоюзом текстильщиков об'единили вокруг пред'явленных фабрикантам требований рабочих близлежащих к Орехову районов.

Текстильщики фабрик Зимина на Подгорной, Ликинской мануфактуры, рабочие-текстильщики Богородска, Павлово-Посада, ряда других фабрик, более 75 тыс. человек, по примеру и под руководством орехово-зуевцев пред'явили подобные требования к своим фабрикантам. Фабриканты об'единившись коллективно обратились в исполнительный комитет московских общественных организаций, предлагая передать требования рабочих в авторитетную конфликтную комиссию. Ответ фабрикантов еще более возмутил рабочих.

3 мая Орехово-зуевский совет совместно с делегатами советов солдатских депутатов городов Владимира и Покрова послал фабрикантам ультиматум: «Тре-

---

[1] МОАУ, ф. 25, Московского совета рабочих и солдатских депутатов, д. № 381, ч. 1, оп. 2, л. 5.

буем полного удовлетворения пред'явленных требований, на что даем вам срок десять часов. В случае вашего отказа ваши предприятия берем под контроль рабочих, к таковому приступаем через 10 часов после подачи настоящей телеграммы»[1]. Решение это было вынесено после обсуждения орехово-зуевскими организациями создавшегося положения. На заседании Орехово-зуевского совета при обсуждении этого вопроса было признано, что в рамках капиталистического строя, когда аппарат государственной власти не находится еще в руках советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, пока банки находятся в руках капиталистов, захват и обобществление орудий и средств производства являются мерой утопической, обреченной на неудачу. Необходимо бороться за власть советов, организуя рабочий контроль явочным порядком.

Решение совета говорит о высокой политической зрелости орехово-зуевских пролетариев и их большевистских руководителей. Совет еще накануне посылки своего ультиматума фабрикантам принял действенные меры к осуществлению своего решения о рабочем контроле. 2 мая он предложил начальнику станции Орехово Московско-нижегородской железной дороги не принимать к отправке грузы от фабрик Саввы и Викулы Морозовых без разрешения созданной контрольной комиссии при Орехово-зуевском совете рабочих депутатов и делегатов от владимирского и покровского гарнизонов.

Насколько совет на деле являлся властью и какой силой являлись его распоряжения, показывает поведение начальника железнодорожной станции Орехово. Получив устное распоряжение совета не отправлять и не принимать товаров для отправки от фабрик без разрешения совета и возвратить сданный для отправки товар, он ответил представителям совета, что

---

[1] МОАУ, ф. 25, Московского совета рабочих и солдатских депутатов, д. № 381, ч. 1, оп. 2, № 17.

«согласно общего устава Российских железных дорог никаких словесных заявлений и требований он не исполняет». Получив в тот же день письменное предписание совета, он дал на него следующий письменный ответ: «без распоряжения Временного правительства в лице министра путей сообщения отказывать кому бы то ни было в приеме к отправлению грузов я не имею права»[1]. Совет пригрозил принять меры. В тот же день начальник станции распорядился выдать обратно сданный фабрикантами к отправке груз и сообщил фабрикантам и в Управление дороги, что ввиду могущих быть конфликтов с рабочими фабрики он не будет отправлять грузы впредь до выяснения дела. Взяв под контроль железнодорожную станцию, совет получил в свои руки сильнейшее орудие в борьбе против предпринимателей.

На другой день после пред'явления фабрикантам ультиматума — 4 мая — были остановлены все фабрики. 18 тыс. рабочих и работниц под открытым небом собрались обсудить создавшееся положение. Выступали на собрании делегаты Московского совета рабочих депутатов, представитель Московского окружного комитета РСДРП(б), орехово-зуевские рабочие. Все требовали немедленного удовлетворения справедливых требований рабочих. Но вместе с тем рабочие признавали, что сейчас бастовать несвоевременно. Забастовка могла быть наруку предпринимателям, пытающимся сорвать рабочий контроль над производством. Работу нужно было продолжать, обеспечив правильный ход ее и гарантию от злоупотреблений со стороны фабричной администрации. Рабочие требовали установить фактический контроль над предприятиями, призывали обратиться в Центральный комитет РСДРП(б) за руководящими указаниями — как продолжать дальнейшую борьбу с капиталом. В конце собрания было решено послать приветствие от

---

[1] МОАУ, ф. 25, Московского совета рабочих и солдатских депутатов, д. № 381, ч. 1, оп. 2, л. 60.

собравшихся 18 тыс. рабочих и работниц вождю революционного пролетариата товарищу Ленину.

Решения многотысячного собрания были приняты единогласно: «1) Подтвердить справедливость всех пред'явленных требований и необходимость немедленного их удовлетворения. 2) Ведение переговоров по этому вопросу поручить Московскому совету Р. Д. и комиссии из 12 рабочих всего района, 12 представителей Московского совета Р. Д.; дать комиссии десятидневный срок. 3) Для обеспечения правильного хода работ и гарантии от всяких злоупотреблений со стороны администрации установить фактический контроль над всеми фабриками, складами и конторами. 4) В случае неудовлетворительности переговоров оставить за собой свободу действий, для чего сейчас же обратиться в Московский окружной комитет большевистской партии и ЦК РСДРП(б) за руководящими директивами»[1]. Передача конфликта на разрешение Московского совета была наруку предпринимателям. Московский совет, в большинстве своем в этот период меньшевистско-эсеровский, предполагал ограничиться только решениями рекомендательного характера. Разбор конфликта на «нейтральной» почве Москвы, вдали от орехово-зуевских рабочих, идущих за своим большевистским советом, вселял уверенность в благоприятном для фабрикантов исходе. Однако, большевистская настойчивость и непримиримость орехово-зуевских пролетариев опровергли эти расчеты. Конфликтная комиссия начавшая работу 9 мая, не достигла соглашения об увеличении заработной платы. В процессе обсуждения предприниматели и рабочие вносили новые предложения и контрпредложения. В конечном результате фабриканты предлагали увеличить зарплату на 210% к довоенной, но отменив выдачу по удешевленным ценам продовольствия из харчевых лавок. Последнее сводило на-нет прибавку, так

---

[1] МОАУ, ф. 25, Московского совета рабочих и крестьянских депутатов, д. № 381, ч. 1, оп. 2, л. 61.

как дороговизна росла и цены на продукты намного обгоняли повышение зарплаты. В свою очередь в добавлениях, сделанных от имени рабочих Орехово-зуевским советом, вводятся такие пункты, как ограничение работы подростков в возрасте до 16 лет шестью часами, оплата прогулов из-за простоя машин не по вине рабочих и др.

Рабочие все время были в курсе работы комиссии. 16 мая 25-тысячное общее собрание рабочих и работниц обсуждало итоги переговоров. Было решено согласиться с предложением Московского совета о передаче вопроса в третейский суд, состав которого должен был быть определен Московским советом и Орехово-зуевским советом рабочих депутатов. О положении дела в Орехово-зуевском районе было решено довести до сведения Центрального комитета РСДРП(б) и получить от него директивы как для себя, так и для представителей рабочих в третейском суде. В случае необходимости, собрание постановило перенести вопрос на рассмотрение Всероссийского с'езда советов рабочих депутатов.

Успешная борьба орехово-зуевских рабочих с фабрикантами в период март—май 1917 г., фактическое сосредоточение власти в руках совета явились результатом партийной работы. Большевистская партийная организация росла. Особенно сильно росла организация в мае, после Всероссийской апрельской конференции. Твердая позиция и руководство партии в борьбе с фабрикантами, с органами Временного правительства, фактическое введение рабочего контроля усиливают авторитет партийной организации. Партийная организация имела небольшой, но крепкий костяк партийцев, руководивших в совете, фабрично-заводских комитетах, в профсоюзе текстильщиков. Первомайская демонстрация была грандиозной. Она длилась около 9 часов, и в ней приняло участие свыше 50 тыс. человек. Она проходила под руководством и под лозунгами большевистской партии. В ней участвовали также военнопленные — немцы и австрийцы.

Празднование прошло с большим под'емом. В первомайское празднование были вовлечены и торфяники окрестных торфяных болот. Был открыт рабочий клуб. Организовали библиотеки при партийном клубе, в казармах. Ежедневно Орехово-Зуево получало около 500 экземпляров Московской большевистской газеты «Социал-демократ», на страницах которой периодически освещались жизнь и борьба орехово-зуевских рабочих. Была создана своя школа агитаторов. Устраивались митинги; лекторов вызывали из Москвы.

Успеху борьбы орехово-зуевских рабочих много содействовала помощь, оказанная им воинскими частями, расположенными в окрестностях Орехова. Солдатские делегации требовали от фабрикантов выполнять выставленные рабочими условия. Не случайно наиболее активными помощниками в борьбе были солдаты 21-го пехотного запасного полка, стоявшего в городе Покрове, в 20 верстах от Орехово-Зуева, и его совет. В первые дни своего существования партийный комитет учел важность работы среди солдат. Он посылал в Покров большевиков для работы среди солдат. Представители 21-го запасного полка (Покров) и 215-го запасного полка (Владимир) были введены в Орехово-зуевский совет.

Передача дела орехово-зуевских рабочих в третейский суд свидетельствовала о силе сопротивления их своим фабрикантам. Морозовы, Смирновы, Зимины наживали на военных поставках огромные прибыли. Заработная плата рабочих была крайне низка и не поспевала за ростом цен на продукты первой необходимости. Добравшись до власти, буржуазия пользуется ею для еще большего ухудшения положения рабочих. Вот как обстояло, например, с заработной платой рабочих фабрик Саввы Морозова в 1914—1917 гг.[1].

---

[1] МОАУ, ф. Союза текстильщиков Орехово-зуевского района, д. № 11, оп 8, л. 38, 1917 г.

Группа рабочих	1914 г.	1917 г.
1. Подметальщицы, съемщицы и запасные рабочие	от 30 коп. до 75 коп.	от 87 коп. до 1 р. 75 к.
2. Ткачи и прядильщики	от 76 коп. до 1 р. 60 к.	от 1 р. 76 к. до 3 руб.
3. Рабочие механического и красильного отделов	от 1 р. 50 к. до 2 руб.	от 3 до 5 руб.

Наиболее значительная и определяющая группа рабочих на текстильных фабриках — ткачи — получает у всех ореховских фирм в среднем в 1914 г. 1 р. 13 к., в 1917 г. — 2 р. 22 к. Еще ниже заработная плата ткача была у ряда фирм неподалеку от Орехова. В Богородске она была ниже на 25%. По всем группам среднее увеличение заработной платы в 1917 г. достигало всего 115—125% довоенного. Наименее возросла заработная плата главной массы рабочих — ткачей.

По всем фабрикам рабочие-ткачи требовали увеличения заработной платы до 5 руб. в день. Фабриканты предлагали повысить заработную плату ткачей до 3 р. 98 к. Это было ниже фактической заработной платы, получаемой рабочими к моменту конфликта, так как рабочие получали прибавки «на военное время». Предлагая увеличить заработную плату на 180%, фирма Зимина (Зуево) фактически уже платила 260%, т. е. на 80% больше, чем предлагали фабриканты. Такое же положение было на фабриках Саввы Морозова и др. Поддерживая предложение о передаче вопроса в третейский суд, предприниматели потребовали, чтобы супер-арбитр был выделен единогласно совещанием министров финансов, торговли и промышленности, труда и земледелия Временного правительства. В адреса этих министров 18 мая была отправлена исполнительным комитетом Московского совета соответствующая просьба. Совещанием министров: финан-

сов — Терещенко, земледелия — Чернова, труда — Скобелева, временно управляющего министерством торговли и промышленности — Степанова, в качестве супер-арбитра третейского суда был предложен С. Н. Прокопович. Обращаясь к Временному правительству с просьбой о выделении супер-арбитра, фабриканты не ошиблись. Поставив во главе третейского суда одного из «социалистов», Временное правительство надеялось его авторитетом, поддержкой, соглашательскими советами преодолеть сопротивление орехово-зуевских рабочих. Выбор с точки зрения интересов промышленников был сделан удачно. Никто так, как Прокопович, «знаток» промышленности, не мог бы защитить их интересы. Но и орехово-зуевские рабочие знали, кто такой Прокопович, знали его, как идеолога российского экономизма, защитника политических интересов русской буржуазии. В. П. Ногин, член президиума Московского совета, телеграфировал в Петроград предложение частным образом сообщить Скобелеву, что назначение Прокоповича в качестве третейского судьи, вследствие установившихся взаимоотношений, будет нецелесообразно [1]. Прокопович и сам знал отношение к нему большевистски настроенных орехово-зуевских рабочих.

В тот же день министр труда Временного правительства Скобелев в срочной телеграмме сообщил Московскому совету, что Прокопович отказывается быть супер-арбитром ввиду «неопределенности предложения». Попросту Прокопович побоялся пойти в супер-арбитры решением только четырех министров. В телеграмме Скобелев сообщает, что Прокопович мог бы принять участие только в качестве выбранного непосредственно сторонами третейского суда или уполномоченного министерства труда, как официальный представитель Временного правительства. «Рекомендуем вам следовать по одному из указанных

---

[1] МОАУ, ф. 25, Московского совета рабочих и крестьянских депутатов, д. № 381, ч. 1, оп. 2, л. 69.

путей», — поучал министр труда Московский совет[1].

Московский совет, состоявший в большинстве из соглашателей, использовал этот совет, и Прокопович стал супер-арбитром третейского суда. Орехово-зуевские рабочие в качестве членов третейского суда выделили только большевиков. Представителями их в суде были: т. Скворцов-Степанов А. И. — от исполнительного комитета Московского совета рабочих депутатов, т. Барышников и др. — от Орехово-зуевского совета рабочих депутатов.

Суд должен был рассмотреть требования рабочих о повышении заработной платы, об увеличении размера выдаваемых квартирных денег и ряд других вопросов, по которым не было достигнуто соглашение в конфликтной комиссии Московского совета.

Конфликт между рабочими и фабрикантами Орехово-Зуева вовсе не был конфликтом местного значения. К этой стычке между рабочими и фабрикантами были направлены взоры всей русской буржуазии. Для обеспечения победы буржуазной стороны было мобилизовано все — не только помощь таких организаций, как Московский биржевой комитет, как Общество фабрикантов и заводчиков,—само Временное правительство возглавило поход против орехово-зуевских рабочих. Упорная борьба орехово-зуевцев, наряду с борьбой рабочих Донбасса, Сормова, Баку и др., происходившей в этот же период, свидетельствовала, что рабочие поднимаются по всей стране, что они идут за большевиками.

Доверив представителю Временного правительства свои интересы, фабриканты 3 июня писали суду: «Считая грозящую русской промышленности разруху от непрерывно возникающих на фабриках конфликтов общегосударственным бедствием, признавая единственно правильным путем для устранения этого бедствия

---

[1] МОАУ, ф. 25, Московского совета рабочих и крестьянских депутатов, д. № 381, ч. 1, оп. 2, л. 77.

подчинение отдельных классовых интересов — высшим интересам государства... мы вверяем беспристрастному рассмотрению комиссии нижеследующие основные интересы: 1) размер повышения заработной платы, 2) техническая организация труда, определяющая продуктивность выработки, и 3) отношение рабочих к фабричной администрации»[1].

Чтобы не было сомнений, как понимать поставленные вопросы, фабриканты на другой же день сделали к своему принципиальному заявлению дополнение: «размеры увеличения заработной платы могут быть решены только в связи с решением о харчевом довольствии и о квартирных деньгах». Вопросы технической организации труда они рассматривают как сохранение порядка, существовавшего до февральской революции, в смысле количества машин и отдельных орудий, приходившихся на одного рабочего. Сюда же входят выработка мер воздействия при нарушении правил для работы, «необходимых для регулярного и успешного производства»[2].

Требования фабрикантов были направлены в сторону восстановления всех дореволюционных порядков. Добиться этого при существующих в Орехово-Зуеве условиях было невозможно без разгрома рабочих организаций. Рабочий контроль вторгся в производство и крепко ущемил интересы фабрикантов. Приводим ряд наиболее характерных фактов на Никольской мануфактуре Саввы Морозова, изложенных в об'яснительной записке, поданной правлением мануфактуры суду[3]. В апреле комплектные смотрители, явившись на фабрику, вызвали исполняющего обязанность (вместо отстраненного рабочими) ткацкого мастера и заявили ему, что они избрали и назначают его ткацким мастером. Тут же они назначили ему помощников и потребовали немедленного совместного с ними рас-

---

[1] МОАУ, ф. 94, д. № 1, л. 11, 1917 г.
[2] Там же, л. 31, 1917 г.
[3] Там же, л. 99, 1917 г.

пределения станков по комплектам, с расчетом, чтобы в комплекте вместо 52—54 станков было не более 36—38. Уговоры администрации на рабочих не подействовали. Во избежание остановки фабрики, требование смотрителей было выполнено. Заработок при уменьшении станков остался неизменным. Вслед за выполнением требований о понижении количества станков в комплекте рабочие пред'явили требование об уничтожении расходных норм на гонки, так как правление отпускало гонки из плохой кожи и уложиться в нормы расхода их рабочие не могли. Ткачи, работавшие на трех станках, в апреле явочным порядком перешли на два станка. Правление в своей записке жалуется, что наблюдается много случаев отказа ткачей от отдельных сортов пряжи. В дополнение к введенному 8-часовому рабочему дню таскальщики ткацких товаров, возильщики пряжи и ряд других групп рабочих, занятых на переброске товаров, потребовали увеличения их числа на 30%. Участились случаи категорического отказа от замещения запасными рабочими из числа чернорабочих по двору не вышедших рабочих фабрики. Был ряд случаев, когда артель таскальщиков (12 человек) требовала немедленно нового рабочего взамен неявившихся, отказываясь продолжать работу. Не действовали обещания уплатить заработок отсутствующего всей артели. Правление Никольской мануфактуры признается, что все эти случаи — результат «недоверчивого отношения ко всему, что так или иначе причастно к администрации фабрики»[1]. Требования рабочих сопровождаются угрозами уволить лиц, тормозящих выполнение пред'явленных требований.

В механическом отделе фабрики рабочие заставили администрацию прибавить еще одну смену, грозя в противном случае оставить работу, что привело бы к остановке фабрики. Накануне самого суда — 4 июня — рабочие явочным порядком ввели еще одну сме-

[1] МОАУ, ф. 94, д. № 1, л. 99, 1917 г.

ну. Такой же случай произошел на центральной электрической станции и в ряде других цехов. Некоторые отделы фабрики принуждены были, под воздействием рабочих, перестроить всю систему распределения рабочей силы.

Большое количество требований рабочих выполнено не было. Орехово-зуевские фабриканты, как и буржуазия всей России, пытались саботажем, вредительством, приостановкой производства ответить на вмешательство рабочих в производство, на рабочий контроль. Буржуазия надеялась, что рабочие сами не справятся со сложным хозяйством фабрики.

Директоры фабрик в Орехове, некоторые заведующие, мастера бросали фабрики, надеясь этим дезорганизовать производство. Однако, рабочие прекрасно справлялись с контролем над всеми отраслями производства. Контрольные отделы совета взяли на себя контроль и наблюдение над жизнью предприятия. В середине июня контрольный отдел Орехово-никольского комитета сообщил в Московский совет, что он осуществляет контроль и руководство производством на фабриках Саввы и Викулы Морозовых. Контрольный отдел «...1) заботится о заготовке достаточного количества торфа и дров, а для сего, ввиду начавшегося отлива специалистов-торфяников, образует торфяников из рабочих фабрик, 2) заботится о достаточном снабжении фабрик хлопком и прочим сырьем, 3) распределяет вырабатываемый товар и следит за выпуском товара в вольную торговлю, стремясь в целях уничтожения спекуляции заменить вольных торговцев кооперативами и продовольственными комитетами, и 4) следит за ходом производства, за исправностью машин и за работой руководящего персонала» [1]. Такова была обстановка в Орехове к моменту разбора конфликта в третейском суде.

Представители рабочих использовали суд, чтобы еще раз продемонстрировать силу и организованность

---

[1] МОАУ, ф. 370, оп. 3, д. № 113, л. 1, 1917 г.

орехово-зуевских рабочих, силу авторитета и руководства большевиков, об'единивших вокруг себя и поведших в бой против буржуазии сотни тысяч ореховских текстильщиков. На третейском суде, несмотря на то, что буржуазия и Временное правительство приняли все меры, ореховские фабриканты были разбиты. Суд постановил сделать 110-процентную прибавку к расценкам и поденной оплате с марта 1917 г., включая и прибавку на дороговизну и наградные по расчету за этот же месяц. Суд установил минимум оплаты женщин за поденную работу в 3 руб. Была установлена квартирная плата в размере 12 руб. ежемесячно. По вопросу о переходе рабочих с трех станков на два, о введении явочным порядком новых смен и т. д. суд признал необходимым сохранить производительность труда на высоте довоенного уровня. Последнее рабочих не пугало. В комиссиях суда выяснилось, что переход на два станка не отразился ни на производительности труда, ни на заработке рабочих.

Победа рабочих в третейском суде была бы невозможна, если бы к моменту решения суда фактическая власть в Орехово-Зуеве не находилась в руках рабочих. Членам суда со стороны фабрикантов и суперарбитру Временного правительства приходилось считаться с фактическим положением вещей в Орехове. Чтобы не потерять всего, надо было пойти на уступки.

За диктатуру пролетариата

В июне в Орехове была создана Красная гвардия,— необходимо было иметь свою вооруженную силу для надлежащей защиты от всяких покушений на рабочие организации Орехова. В связи с третейским судом Временному правительству стала известна обстановка в Орехове. Имелись сведения, что оно собирается разогнать захвативший в Орехове власть совет рабочих депутатов, арестовать ореховских большевиков. В самом Орехове воинских частей не было. Покровский и Владимирский гарнизоны далеко от города. Нужно

было создать свою вооруженную силу. Организация Красной гвардии происходила в строго секретном порядке.

23 июня вопрос о Красной гвардии был обсужден общим партийным собранием. Собрание поручило комитету партии организацию Красной гвардии и разработку всех вопросов, связанных с ней.

Оружия в Орехове не было. Оружие достали благодаря связи с гарнизоном Покрова. Было получено 300 винтовок и 61 тыс. патронов.

До корниловских дней Красная гвардия использовалась главным образом как охрана во время митингов, собраний. Военного обучения почти не практиковалось.

Июльские события нашли широкий отклик в Орехово-Зуеве. 4 и 5 июля в Орехове были проведены многочисленные вооруженные демонстрации. Рабочие с лозунгами «Вся власть советам», «Долой грабительскую войну» заняли все улицы. Под охраной вооруженной Красной гвардии и милиции рабочие демонстрировали свою солидарность с питерскими пролетариями.

Ореховская буржуазия, купцы попрятались. Город находился в руках рабочих. Июльские дни в Орехове еще сильнее сплотили ореховских рабочих вокруг партии и рабочих организаций, ею руководимых.

28 июля 25-тысячное рабочее собрание постановило: «В виду того, что совет рабочих депутатов строго стоит на страже рабочих интересов, проводя идеи рабочего класса в жизнь, мы, рабочие, еще раз подчеркиваем, что согласны на самообложение в фонд совета рабочих депутатов и требуем от конторы фабрик Саввы и Викулы Морозовых ежемесячно, включая сюда февраль, март и т. д., отчислять с заработка рабочих 1%»[1]. Собрание постановило посылать регулярно большевистскую литературу и газеты солдатам в окопы.

---

[1] «На баррикадах революции», сб. к 10-й годовщине Октября стр. 90, Орехово-Зуево, 1927 г.

В июле в Орехове начала выходить своя газета. 3 июля вышел первый номер газеты «Известия Орехово-зуевского совета рабочих депутатов». Газета была большевистская и главное внимание направляла на раз'яснение рабочим смысла происходящих событий. В июле же произошла в Орехове организация социалистического союза рабочей молодежи.

Этот вопрос решался на общем партийном собрании. Организованный союз рабочей молодежи позже об'единился с московским союзом молодежи, принял его программу и наименование. Он стал называться «Союз рабочей молодежи III Интернационала».

Август дал новую победу большевикам Орехова. Происходила кампания по выборам в городскую думу. Для Орехова это было явлением чрезвычайно знаменательным. Это были первые выборы во вновь организуемую городскую думу. За месяц до этого, по ходатайству совета рабочих депутатов, местечко Никольское, погост Орехово и село Зуево были переименованы в город Орехово-Зуево.

Давно сросшиеся вместе Никольское, Орехово и Зуево имели 100 тыс. жителей. Крупный пролетарский центр давно имел право именовать себя городом. Царское правительство противилось появлению нового пролетарского города. Так, до революции стотысячное рабочее население жило в местечке, в селе, лишенное тех элементарных прав граждан, которыми они могли бы воспользоваться.

На выборах в думу были выставлены пять списков:

№ 1 — социал-демократов большевиков и совета рабочих депутатов;

№ 2 — об'единенного демократического союза (местная буржуазия, фабричная администрация и верхи служащих во главе с кадетом инженером Лоханько);

№ 3 — социалистов-революционеров;

№ 4 — социал-демократов меньшевиков;

№ 5 — об'единенцев-интернационалистов (небольшая группа отколовшихся от большевиков после июльских дней).

В избирательной программе партийного комитета и совета рабочих депутатов были требования прекращения войны, всеобщего избирательного права для граждан, достигших 18 лет, национализации земли, поимущественного налога и т. д.

Программа требовала передачи городской думе телефона, водопровода, освещения. Много внимания уделялось вопросам образования и воспитания, здравоохранения и т. д.

Совет рабочих депутатов и партийный комитет провели большую работу вокруг этой программы.

Еще до выборов эсеры пытались образовать в Орехово-Зуеве свое ядро и взять руководство в свои руки.

В период подготовки к выборам в городскую думу они развернули среди рабочих агитационную работу. Эсеровская газета «Земля и воля» приводит большую корреспонденцию ездившего в Орехово-Зуево члена эсеровского областного комитета. По его словам, ему удалось вовлечь в эсеровскую партию несколько сот человек. Он выражает надежду, что социалисты-революционеры в Орехово-Зуеве будут иметь полный успех.

На другой день этот эсер убедился, что полный успех имели не эсеры, а большевики. На состоявшихся 20 августа выборах в думу большевики получили подавляющее большинство мест. Эсеры и демократический союз получили всего 5 мест, меньшевики — 2 места, об'единенцы-интернационалисты — ни одного [1].

Борьба с корниловщиной еще более сплотила орехово-зуевских пролетариев вокруг большевистской партии. Уже в дни московского совещания парторганизация вывела на улицу ореховских рабочих и работниц. «Долой контрреволюционное московское совеща-

[1] «Социал-демократ» № 139 от 28 августа (5 сентября) 1917 г.

ние!», «Долой смертную казнь!» было написано на знаменах ореховских текстильщиков.

О выступлении генерала Корнилова в Орехово-Зуеве стало известно 27 августа в 12 часов дня. На экстренном совместном заседании партийного комитета и исполбюро совета рабочих депутатов было решено защищать завоевания революции и революционные рабочие организации от контрреволюции.

Решили немедленно снять всех красногвардейцев с работы и занять железнодорожную станцию, мосты, телеграф, телефон, банк, взяв на себя охрану фабрик. Были усилены посты милиции в городе.

Вопрос о корниловщине обсуждался 27 августа на общегородском партийном собрании. Решением партийного собрания был организован революционный комитет, в состав которого вошли представители партийного комитета, исполбюро совета рабочих депутатов.

Окрепла в эти дни и Красная гвардия. Свыше 300 красногвардейцев, во главе которых стоял штаб Красной гвардии, охраняли революционный порядок в городе.

2 сентября на общем собрании рабочих, после официального уведомления Временного правительства о «ликвидации» корниловского мятежа, была принята резолюция, в которой давалась правильная большевистская оценка корниловщины и говорилось, что «...виновными в последних событиях оказались и те социалистические партии, которые сами тянули к власти предателей из кадетской партии... Мы считаем своим долгом продолжать борьбу со всеми происками буржуазии и поддерживаем революционных рабочих Петрограда. Мы немедленно требуем: передачи власти органам революционного пролетариата и беднейшего крестьянства; ареста всего ЦК кадетской партии; немедленного освобождения товарищей большевиков и интернационалистов; предания всех контрреволюционных генералов суду с участием в нем представителей петроградского пролетариата. Будем поддерживать и

выйдем по первому призыву ЦК РСДРП большевиков»[1].

Боевое настроение ореховских рабочих крепло. Городское самоуправление твердо находилось в руках рабочих.

10 сентября состоялось открытие думы. Имея 56 мест из 74, большевики явились решающей силой. Президиум думы был выбран большевистский.

В зачитанной от имени фракции большевиков декларации говорилось, что гласные-большевики все свои способности, силу и энергию направят в сторону защиты главным образом рабочего населения, испытывающего на себе более других тяжелые последствия неустройства городской жизни.

На этом же заседании меньшевики, эсеры и представители демократического союза заявили, что всякую ответственность за работу думы они с себя слагают и работать в ней не будут.

Была принята телеграмма созываемому в Петрограде демократическому совещанию с требованием полного разрыва с буржуазией, передачи власти в руки рабочих, солдат и беднейшего крестьянства, немедленного вооружения рабочих, чистки командного состава и т. д.

На втором и третьем заседаниях городских гласных Орехово-Зуева обсуждаются и решаются вопросы, волнующие рабочих Орехова. Огромное внимание уделяется продовольственному вопросу. Принимается ряд мер к улучшению продовольственного дела. Одним из первых решается вопрос об образовании. Было постановлено перевести высшее начальное училище в помещение земской или церковно-приходской школы, сделать обученье в нем совершенно бесплатным, принять все меры, чтобы занятия проходили бесперебойно[2].

---

[1] «На баррикадах революции», сб. к 10-й годовщине Октября, стр. 94, Орехово-Зуево, 1927 г.

[2] Моск. партархив, ф. Орехово-зуевского РК, д. № 6, св. 1, 1917 г.

Дети рабочих, ранее учившиеся премудрости церковно-приходской школы, получили возможность овладеть подлинными знаниями.

Мощную поддержку оказали ореховские рабочие организации пролетариям соседнего Ликина в тяжелые для них дни.

С марта тянулся конфликт рабочих Ликинской мануфактуры с ее владельцем Смирновым. По примеру ореховских рабочих, ликинские требовали увеличения расценок и ряда улучшений в своем положении. Смирнов отказал. Отказался он и от разрешения конфликта в третейском суде. Рабочие начали вводить контроль. В ответ последовал злостный саботаж со стороны фабрикантов, не остановившихся перед разгромом своей собственной фабрики. А затем, имея поддержку Временного правительства, Смирнов А. И. (он сам был государственным контролером Временного правительства), с целью борьбы против революционных требований рабочих, применил локаут и закрыл свои фабрики. Тысячи рабочих оказались выброшенными на улицу. Десятки тысяч человек, женщины, дети обрекались на голод.

Неоднократно рабочие посылали делегацию в Москву в разного рода органы Временного правительства.

Костлявая рука голода сжимала горло ликинских рабочих. Фабрика стояла. Обращения в Московский и Владимирский советы ничего не давали. Даже больше, Владимирский губпродком заявил, что рабочим ликинской мануфактуры продовольствие больше отпускаться не будет, так как фабрика стоит. Тогда решили обратиться за помощью к ореховским рабочим.

18 сентября делегация ликинцев просила Орехово-Зуевский совет оказать помощь голодающим ликинцам.

19-го многотысячная колонна ликинских рабочих пришла в Орехово-Зуево. На их знаменах было написано: «Мы голодаем, наши дети голодают», «Требуем организации общественных работ». В этот день были остановлены все фабрики Орехова.

На тридцатитысячном митинге выступавшие представители рабочих организаций говорили о необходимости дальнейшей борьбы против фабрикантов. Было решено отчислить в помощь ликинским рабочим полдневный заработок. Рабочие фабрики Зимина тут же передали ликинским рабочим 500 руб. Был проведён кружечный сбор. После митинга ореховские рабочие повели голодных ликинских рабочих по домам, где накормили их. Примеру ореховцев последовали рабочие и других фабрик и заводов. Кольчугинский завод, чаеразвесочная Губкина — Кузнецова и др. отчислили однодневный заработок в помощь ликинцам.

Рабочие Ликинской мануфактуры получили подкрепление для дальнейшей борьбы. Конфликт их с фабрикантами тянулся вплоть до октября.

В первые же недели существования советской власти Ликинская мануфактура была национализирована и пущена в ход. Во главе ее было поставлено правление из рабочих.

В Орехове в сентябре рабочие добиваются увеличения заработной платы сверх установленного третейским судом в июне.

Учитывая возможность со стороны отдельных фабрикантов саботажа и остановки фабрик и т. д., правление профессионального союза текстильщиков Орехово-зуевского района приняло ряд мер. В случае остановки фабрики фабрикантом фабричный комитет должен был пустить фабрику, уведомив об этом экономический отдел совета рабочих и солдатских депутатов.

Рабочие окрестных фабрик боролись, по примеру ореховцев, за дальнейшее улучшение своего положения.

В конце сентября и начале октября были случаи кратковременных стачек. Характерно, что накануне великой пролетарской революции общество фабрикантов Орехово-зуевского и Богородско-глуховского районов, председателем которого был небезызвестный бывший царский и будущий деникинский министр

А. Кривошеин, еще борется с рабочими на основании царских законов.

Рассмотрев 16 октября требования рабочих Подгорной мануфактуры об уплате им за день простоя фабрики, вызванного частичной забастовкой некоторых ее отделов, совет общества признал: «Ввиду не отмененных до сего времени постановлений ст. 61 п. 8 и 106 и примеч. Уст. о пром. труде и решения Правит. сената по гражд. кассац. дел № 1 (1906 г.), а также ввиду циркуляра Союза об'единенной промышленности за № 349... уплата производиться не должна» [1].

Через десять дней после этого решения восставший пролетариат России, свергнув буржуазное правительство, уничтожил навсегда все царские законы и законы временного правительства, за которые цеплялась буржуазия в борьбе с рабочим классом.

В начале октября Красной гвардии был придан военный порядок. Все красногвардейцы и коммунисты были на строгом учете. Были запрещены отлучки из города.

За несколько дней до восстания партийным комитетом, совместно с исполбюро совета рабочих депутатов был организован Военно-революционный комитет. Как только началось в Москве восстание, все красногвардейцы были сняты с работы и переведены на казарменное положение. Немедленно ревком взял власть в свои руки. Красная гвардия заняла железнодорожную станцию, городской банк, почту, телеграф, телефон. Были выставлены красногвардейские посты около фабрик и заводов. Сопротивления не было. Красногвардейцы рвались в Москву. Но Орехово-зуевский ревком получил из Московского окружного комитета РСДРП(б) предписание временно воздержаться от посылки отрядов в Москву, держа Красную гвардию в боевой готовности.

---

[1] МОАУ, ф. Союза текстильщиков Орехово-зуевского района, д. № 11, оп. 8, л. 37, 1917 г.

На Орехово-Зуево была возложена задача не пропускать в Москву контрреволюционные подкрепления. В эти дни между ревкомом и штабом Красной гвардии произошел тяжелый конфликт. Без ведома ревкома и совета штаб Красной гвардии начал производить обыски и реквизиции у купцов и зажиточных жителей якобы для нужд Красной гвардии. Реквизировались конфеты, печенье, изюм и др., продукты безответственно расхищались. Большинство штаба отказалось подчиниться требованию ревкома о прекращении самочинных обысков и реквизиций. Штаб Красной гвардии повел агитацию против якобы неправильной линии ревкома. Посыпались обвинения ревкома в трусости, в защите купцов и фабрикантов. Штаб пытался захватить власть в городе в свои руки. По его распоряжению были арестованы руководители милиции, разоружены милиционеры. Все ходы и выходы у здания совета были заняты красногвардейцами.

Штаб Красной гвардии об'ективно превратился в оплот контрреволюции. Член штаба Самейт предлагал даже расстрелять «оппортунистов» из исполбюро совета и ревкома. Авантюра не удалась. Обманутым своими руководителями красногвардейцам раз'яснили всю преступность замысла штаба, и Красная гвардия не пошла за ним.

На следующий день Красная гвардия была распущена. Оружие у нее было отобрано. Немедленно был произведен новый набор Красной гвардии. Новая Красная гвардия составилась из надежных, дисциплинированных бойцов. Общее собрание рабочих, созванное по этому вопросу, постановило арестовать старый штаб Красной гвардии. Были арестованы и после октябрьских событий отправлены в Москву Шатилов, Зверев и Самейт.

Как только возобновились после перемирия военные действия в Москве, из Орехова было вызвано подкрепление. Отряд Красной гвардии, прибыв в Москву, получил боевое задание пробиться в Хамовнический район.

В Хамовниках отряд орехово-зуевцев защищал Бородинский мост, участвовал в штурме 5-й школы прапорщиков на Смоленском рынке. Позже этот отряд вместе с другим ореховским отрядом был послан на борьбу с калединщиной.

И в гражданской войне ореховцы показали себя преданными до конца большевиками. Некоторые из них погибли героями на фронтах. Погиб на фронте т. Барышников Владимир Архипович — лучший представитель ореховских рабочих.

Вступил в партию т. Барышников в Орехово-Зуеве в 1905 г. Был два раза в ссылке в Енисейской губернии. Один из руководителей ореховских рабочих в борьбе за Октябрь, он после победы октябрьской революции был одним из организаторов советской власти в районе. Был выбран во ВЦИК. Ушел на фронт, где был членом Реввоенсовета 8-й армии. Попал в плен к деникинцам и убит ими.

Погиб на фронте и другой старый ореховский большевик, участник борьбы за Октябрь, т. И. Б. Куликов. Член партии с 1904 г., он за свою революционную работу в 1905—1906 гг. в Московском окружном комитете был арестован и сослан на вечное поселение в далекую Сибирь. В 1918 г. пошел добровольцем в Красную армию, был взят в плен бандами генерала Краснова и убит. Их имена, имена рабочих-орехово-зуевцев, погибших на баррикадах Октября и в гражданской войне, должно знать и молодое послеоктябрьское поколение орехово-зуевцев. Лучшим памятником им является победоносная стройка социализма в нашей стране, осуществляемая под руководством большевистской партии и ее вождя — великого Сталина.

Т. В. ШЕПЕЛЕВА

1917 год в Тульской губернии

Наряду с преобладающим сельским хозяйством в Тульской губернии до революции были развиты металлообрабатывающая промышленность, каменноугольная (Подмосковный угольный бассейн), кустарные промыслы.

До войны 1914 г. в губернии насчитывалось около 1 500 промышленных заведений с 23 тыс. рабочих.

Основную массу рабочих составляли потомственные пролетарии оружейного (около 7 тысяч рабочих), патронного и меднопрокатного заводов (около 5 тыс. человек). Рабочие здесь в большинстве своем, особенно на тульском оружейном заводе, работали десятками лет, никуда не уходя. Прочно обосновавшись в Туле, многие имели свое небольшое личное хозяйство, огород, корову, домик. Низко оплачиваемые рабочие, кроме работы на заводе, занимались еще на дому кустарным ремеслом, «выгоняя» за счет отдыха дополнительный заработок.

Около половины всего состава тульских рабочих было занято на железнодорожном узле, Судаковском чугуноплавильном заводе, двух сахарных заводах, каменноугольных копях, на небольших самоварных фабриках и оружейных заводах.

В 1912—1913 гг. в Тульской губернии насчитывалось около 50 мелких оружейных заведений, имевших от 2 до 10 рабочих. Примерно столько же было самоварных фабрик, выпускавших десятки тысяч самоваров в год.

Наличие в деревне избытка рабочих рук приводило к развитию кустарного промысла и значительному отходничеству.

В среднем ежегодно в отходе было около 180 тыс. мужчин и 90 тыс. женщин, т. е. 15% всего коренного населения губернии.

По данным земской переписи 1910—1912 гг. в кустарной промышленности Тульской губернии, кроме Тулы, было занято 12 748 хозяйств с 16 320 лицами. Кроме того, по обследованию строительного отдела бывшей губернской земской управы, в 1913 г. в Туле насчитывалось 5 108 кустарей, из них 1 778 человек, или 34%, металлистов и 1 047, или 20%, гармонщиков.

В губернии была особенно развита кустарная промышленность в самоварном производстве.

В 1912 г. в губернии насчитывалось 1 544 кустаря, причисленных к самоварным фабрикам, и 1 758 кустарей, работавших на дому из своего материала.

Сельское хозяйство Тульской губернии отличалось наличием значительного помещичьего землевладения с сохранением в нем старых полукрепостнических отношений труда.

В Тульской губернии были расположены имения царских сановников — Гагарина, Волконского, Шереметьевых, братьев Войнич, известного черносотенца Бобринского, Балашова и др.

В первые дни февральской буржуазно-демократической революции здесь купил себе имение председатель совета министров князь Львов.

В 1910—1912 гг. всего удобной земли в Тульской губернии числилось 2 539 238 десятин, из них на долю крестьянского общинного землевладения приходилось 50,6%, на долю частного, главным образом помещичьего, владения — 44,1%.

Вокруг промышленных предприятий и кустарных промыслов концентрировался значительный слой торговцев-купцов, комиссионеров, скупщиков.

★

Империалистическая война вызвала большие изменения в экономике Тульской губернии и в самом составе тульского рабочего класса.

Резко сократилась промышленность, работающая на нужды потребления, и расширилось производство на оборону. Сократились кустарные промысла. Кустари уходили на заводы. Некоторые кустарные заведения переводились для работы на оборону.

6 июля 1915 г. Тульский военно-промышленный комитет обсуждал вопрос о том, чтобы «из армии были возвращены, для работы по государственной обороне, кустари»[1].

Вот цифры, говорящие об изменениях в производстве предметов потребления за четыре года после 1913 г. (см. табл. 1 на стр. 48).

---

[1] «Тульская молва» № 2306 от 18 июня 1915 г.

Таблица 1

Производство самоваров (в %)		Производство замков (в %)		Производство скобок (в %)		Выработка хлопчатобумажных тканей (в аршинах)		Производство сахара (в пудах)	
1913 г.	1917 г.	1913 г.	1917 г.	1913 г.	1917 г.	1913 г.	1917 г.	1913 г.	1917 г.
100	13	100	13	100	20	33 240	7 412	281 529	146 013

Таблица 2

Горная и горно-заводская промышленность. Число предприятий и рабочих		Химическая промышленность, производство кислот (в %)	
1913 г.	1917 г.	1913 г.	1916 г.
7 предприятий 2 432 рабочих	19 предприятий 6 717 рабочих	100	154

В то же время увеличивались производства, обслуживающие нужды войны (см. выше, табл. 2).

Влияние войны особенно сказалось в значительном повышении удельного веса рабочих оружейного и патронного заводов в общей массе рабочих Тульской губернии.

Если в 1913—1914 гг. рабочие оружейного и патронного заводов составляли 55%, а рабочие прочих предприятий — 45% всех рабочих, то в 1917 г. рабочие этих двух ведущих заводов, работавших целиком на войну, составляли уже 67%, а рабочие прочих предприятий — 33%.

В 1917 г. на Тульском оружейном заводе работало уже 24 тыс. рабочих, около 15 тыс. было на патронном заводе, железнодорожный узел об'единял 7 тысяч рабочих, Судаковский завод — 5 тыс., сахарный — 3 тыс. рабочих [1].

[1] Мособлархив, д. № 3, оп. 2, л. 37.

Красногвардеец и матрос
С карт. Максимова

Основным контингентом, за счет которого росла армия тульских рабочих, были молодежь, женщины (особенно увеличился процент женщин на патронном и меднопрокатном заводах), а также кустари, торговцы, кулаки, стремившиеся укрыться от мобилизации на военных предприятиях.

Проверка военнообязанных на патронном заводе, проведенная в июне 1917 г., выявила физиономию этих «тружеников на оборону».

Так, за несколько дней до призыва поступил на завод в штыковую мастерскую Власов — собственник слесарного заведения, Рыбин — содержатель публичного дома, Горшков — владелец мануфактурного магазина. В инструментальной мастерской работал Н. Сентерев — собственник водопроводного заведения, С. Сентерев—капиталист, Афанасьев — владелец самоварного заведения, Аршинов — крупный землевладелец, Чекмарев — сын помещика[1].

★

Война вызвала упадок сельского хозяйства. В первую очередь это сказалось на крестьянском хозяйстве.

В Тульской губернии к 1917 г. 48,5% работающих в сельском хозяйстве ушло на войну.

В феврале 1916 г. в губернской земской управе состоялось совещание с представителями уездных земских управ. На совещании было выяснено, что недостаток рабочих в наступающем 1916 г. определяется в 25—30 тыс. Конечно, этот недостаток наиболее остро ощущался в крестьянском хозяйстве. Недостаток рабочих рук в помещичьем хозяйстве пополнялся трудом воинских частей, трудом военнопленных. Крестьянское же хозяйство приходило в упадок, деревня голодала, росло недовольство крестьян.

С каждым днем войны положение в стране и, в частности, в Тульской губернии становилось все напря-

---

[1] «Тульская молва» № 2874 от 24 июня 1917 г.

женнее. Положение рабочих ухудшалось, рост зарплаты сильно отставал от роста дороговизны. Цены на рынке росли непрерывно. Исчезновение продуктов и затруднения со снабжением городов вызвали закрытие ряда мелких и крупных магазинов в Туле. С большим трудом доставали муку, крупу и мясо. С рынка исчезли керосин и другие продукты. «Цены на дрова растут,— пишет корреспондент «Тульской молвы»,—на всех местных складах с трудом достанешь ⅛ куба дров... Сахар совершенно исчез с рынка».

В феврале 1917 г. губернатором была снята твердая цена на хлеб и разрешен ввоз муки, крупы и пшена, что усилило спекуляцию и еще более снизило реальную зарплату рабочих.

В то же время в огромных размерах возрастает прибыль владельцев предприятий, работающих на оборону.

«Тульские меднопрокатные заводы» до войны давали от 1 700 тыс. до 2 800 тыс. руб. чистой прибыли. В 1914/15 г. они дали 8 390 тыс., а через год — в 1915/16 г. — 15 510 тыс. руб. чистой прибыли.

Растет недовольство рабочего класса. Притихшие было стачки возобновляются в первый год войны на почве дороговизны, продовольственных затруднений, постепенно приобретая массовый и политический характер.

Перед большевиками Тулы стояла задача направить рост недовольства масс в русло организованной политической борьбы за превращение войны империалистической в войну гражданскую.

Аресты и высылки, произведенные в начале войны царским правительством, ослабили деятельность тульских большевиков. В связи с приездом в Тулу Николая II последовали новые аресты. Но все же большевики, сохранив свое ядро, выступили против войны и развернули на заводах подпольную работу.

«Ленинцы, приобревшие доминирующее значение в партии, — сообщалось в одном из донесений царской полиции,— имеющие за собой в России преобладающее большинство подпольных социал-демократических организаций, выпустили с начала войны в наиболее крупных своих центрах (Петроград, Москва, Харьков, Киев, Тула, Кострома, Владимирская губерния, Самара) значительное количество революционных воззваний с требованием прекращения войны, низвержения существующего правительства и устройства республики, причем эта работа ленинцев имела своим осязательным результатом устройство рабочими забастовок и беспорядков»[1].

Большевики имели свои сплоченные группы на Тульском оружейном заводе, патронном заводе.

Кроме того, опорным пунктом в работе большевиков был Тульский союз металлистов.

В 1915 г. правление союза металлистов в основном своем составе было меньшевистским. Но уже к началу 1916 г. тульские большевики завоевали влияние в союзе металлистов. Проведенные в мае выборы в правление союза металлистов дали большевикам преобладающее большинство.

Огромную помощь в работе большевиков оказывала больничная касса патронного завода, которой руководил старый большевик Сергей Иванович Степанов.

В доме Шурдукова на набережной реки Уфы помещалась подпольная типография тульских большевиков. Там печатались листовки, воззвания.

Большевики Тулы не работали обособленно. Они поддерживали связь с Петроградом, Москвой (в частности, с «Северной группой»).

В годы войны в Туле нелегально работали тт. Шверник, Шкирятов, местные товарищи: С. И. Степанов, Михеев, Бесфамильный, Колесников и др.

---

[1] «История гражданской войны в СССР», т. I, стр. 37—38.

К октябрю 1916 г. в Туле создался подпольный большевистский центр. Под видом загородных экскурсий большевики проводят ожесточенные политические дискуссии против меньшевиков и эсеров по вопросу о войне.

В мае 1916 г. такая экскурсия была устроена в Ясную Поляну, где организовали дискуссию о Циммервальдской конференции.

Меньшевики, используя классово незрелые новые слои рабочих, развернули работу в Туле. Они распространяли в количестве 1 тыс. экземпляров газету «Наш голос», издававшуюся самарскими меньшевиками. В начале 1916 г. они повели кампанию за избрание представителей рабочих в военно-промышленные комитеты. В апреле в чайной состоялось собрание актива работников союза металлистов, большевиков и меньшевиков. На этом собрании приехавший из Петрограда меньшевик Кузьмин, член Центрального военно-промышленного комитета, предлагал принять и одобрить как поведение, так и декларацию рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, оглашенную на II Всероссийском с'езде военно-промышленных комитетов. Кузьмин предлагал принять участие в работе Тульского военно-промышленного комитета и избрать туда своих представителей. Большевики выступили с критикой группы, деятельность которой, говорили они, является предательской и противоречит интересам международной пролетарской солидарности. Большевики призвали к организации и собиранию сил для борьбы с самодержавием.

Меньшевикам не удалось провести ни одного из своих предложений. Рабочая группа в Тульский военно-промышленный комитет так и не была выбрана.

Потерпев здесь поражение, меньшевики, по указанию рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, открыли кампанию за организацию рабочего кооператива. Часть тульских большевиков отнеслась к этому отрицательно. Другая часть большевиков настаивала на необходимости использовать

рабочие кооперативы. Перевес взяла вторая точка зрения. Тульские большевики приняли участие в выборах рабочих кооперативов и успешно использовали эти легальные организации в своей работе в массах.

★

26 июня 1915 г. забастовал патронный завод. Работницы патронной, снаряжательной и пачечной мастерской бросили работу, требуя повышения расценок.

Администрация согласилась на добавочное вознаграждение от 10 до 20 коп. мужчинам и 13 коп. женщинам в день.

К вечеру 25 июня прекратило работу уже 10 748 человек. На другой день забастовал весь завод. Стачка проходила под руководством большевистской группы патронного завода.

В результате стачки рабочие добились прибавки зарплаты.

Стачка подняла авторитет тульских большевиков среди рабочих. Это сказалось и на росте влияния большевиков в тульском союзе металлистов.

В начале 1916 г. правление его, как мы уже сказали, становится большевистским. К 1916 г. выросло количество членов союза металлистов — с 200 в 1915 г. (начало) до 1 тыс. человек в 1916 г. Стачка на патронном заводе вызвала дальнейшие репрессии полиции против большевиков. Вынужден был оставить Тулу работавший здесь нелегально т. Шверник. Подвергся аресту ряд товарищей, из которых некоторые были высланы в Иркутскую губернию. Но эти аресты не прекратили деятельность тульских большевиков, умело конспирировавших свою работу, имевших старые большевистские кадры и привлекавших рабочую молодежь.

В январе 1916 г. большевики снова призывают рабочих патронного завода к забастовке. Недовольные незначительной прибавкой в июньской стачке, растущей дороговизной, продовольственными затруднениями, чрезмерной эксплоатацией, рабочие пред'явили 19 ян-

варя ряд требований и прекратили работу. Вот коротенькая хроника этой забастовки: «20-го вывешено от администрации об'явление о возобновлении работ. 21-го приступили к работе частично. Латунный отдел не приступил. 22 января в латунном отделе вывешено об'явление об увольнении 1-й смены и о призыве всех военнообязанных. 25 января администрация об'являет расценки. 26 января рабочие вновь прекратили работу. 27 января патронный завод закрыт. Прекратили работу из солидарности рабочие меднопрокатного завода. Все рабочие уволены. 2 февраля об'явлен новый набор»[1].

Январская забастовка рабочих патронного и меднопрокатного заводов сильно встревожила не только местные, но и центральные власти.

Министр внутренних дел Хвостов в письме к Штюрмеру обращает его внимание на революционный, пораженческий характер настроений рабочих. Центральная власть дала губернской предписание, не делая рабочим никаких уступок, подавить движение. При подавлении забастовки 60 рабочих было арестовано. 28 рабочим было запрещено жить в Тульской губернии, новобранцы досрочных призывов 1914, 1915, 1916 гг. были отправлены в армию.

Из большевиков, руководивших стачкой рабочих патронного завода, многие были арестованы и высланы из пределов губернии.

В мае 1916 г. бастуют железнодорожники Тульского узла, требуя прибавки на дороговизну. К концу 1916 г. тульским большевикам удалось раскачать рабочих оружейного завода.

Забастовка на оружейном заводе началась на почве продовольственных затруднений. Экономические требования вырабатывались в союзе металлистов, где

---

[1] Тульский краеведческий музей, Историко-революционный отдел.

собирались уполномоченные мастерских от оружейного завода. В конце января в мастерской появилось воззвание большевиков с призывом к забастовке.

27 января началась забастовка в ствольной мастерской оружейного завода. 1 февраля бастовал весь завод.

Забастовка на Тульском оружейном заводе, одном из крупнейших военных заводов царской России, имела колоссальное революционизирующее значение для всей страны. Самодержавие приложило все силы, чтобы немедленно покончить с начавшейся забастовкой.

На требования, выставленные делегацией рабочих, генерал Третьяков заявил, что «замок повешу на оружейный завод, а требований, пред'являемых рабочими, не удовлетворю».

3 февраля, в 12 часов дня администрация об'являет о закрытии завода. В приказе генерала Третьякова говорилось, что рабочие должны получить расчет. Сообщалось также, что в ближайшие дни начнется новый набор рабочих и что рабочие молодых возрастов, пользующиеся отсрочкой как досрочно призванные, увольняются и передаются в распоряжение воинского начальника.

На завод вслед за генералом Кубасовым, приехавшим в день об'явления забастовки в целях выяснения требований рабочих, были водворены воинские части.

«Полиция была поставлена на ноги. Конные стражники и казаки разгуливали по заводу... и было везде много шпиков» — вспоминает один рабочий.

С завода было уволено «1 800 человек досрочников и 300 человек наиболее революционно настроенных рабочих» [1].

По этому поводу тульские большевики в своей прокламации писали:

«Товарищи. Вот уже несколько дней, как мы пред'явили некоторые требования, но сытая администрация

---

[1] Тульский краеведческий музей, Историко-революционный отдел.

ни на какие уступки не хочет итти... Неужели мы снова встанем на работу на прежних невыносимых условиях...

Каждый день угоняют наших отцов, братьев и сыновей на войну. Посылают молодых и старых, чтобы они ни за что подставляли свои головы под пули.

Администрация хочет забрать у нас всех молодых, хочет одеть их в серые шинели и отправить на позиции. Она хочет забрать у нас всех, которые за нас стоят грудью и жертвуют за нас своей жизнью... которые распространяют свет среди нас и смело и открыто защищают наши интересы... Нет, товарищей не отдадим. Станем смело на защиту своих прав и интересов... Требуем, чтобы ни один из наших товарищей не пострадал за то, что он нас защищал...»[1]

Закрытие завода и об'явление о снятии военнообязанных и отправке их на фронт подействовали на менее устойчивую часть рабочих-оружейников — крестьян, поступивших в начале войны, рабочих-стариков, бывших кустарей, ремесленников, не говоря уже о «тружениках на оборону», которые укрывались на заводе от войны. С об'явлением администрации о новом наборе они пошли на завод и тем сорвали борьбу передовой части рабочих оружейного завода. Прием рабочих администрация производила с отбором. Все рабочие, более или менее активно проявившие себя в забастовке, на работу не принимались. Снова начались массовые аресты и высылки большевиков из Тулы. 8 февраля полиция разгромила легальный центр большевистской работы — Тульский союз металлистов. Меньшевики Тулы подняли голову. Усилению их влияния способствовали примиренческие настроения среди некоторых большевиков (Бригадиров, Вепринцев).

Несмотря на репрессии против тульской большевистской организации в связи с забастовкой на оружей-

---

[1] Тульский краеведческий музей, Историко-революционный отдел.

ном заводе, тульские большевики сохранили свое боевое ядро и свои глубокие связи с рабочими массами.

Тульский комитет большевиков в своем обращении к рабочим, солдатам и беднейшему крестьянству писал:

«Наша партия — партия революционных рабочих города и деревни. Мы против войны, потому что она есть война грабительская, захватная. Мы за мир общий и демократический, потому что такой мир — самый верный выход из хозяйственной и продовольственной разрухи.

Соглашательство с буржуазией оттягивает войну, обостряет разруху и голод. Мы против политики соглашательства, потому что она, охраняя барыши капиталистов, срывает дело революционного вмешательства рабочих в хозяйственную жизнь страны. Мы за то, чтобы вся власть была передана в руки революционных рабочих, солдат и крестьян.

Только такая власть способна положить конец затянувшейся грабительской войне. Только такая власть способна наложить руку на барыши капиталистов и помещиков для того, чтобы двинуть вперед революцию и уберечь страну от полнейшей разрухи» [1].

Тульская губернская власть всеми способами старалась задержать опубликование сведений о событиях в Петрограде и Москве. 27, 28 февраля и 1 марта Тула не получила центральных газет. Но утром 2 марта из коротеньких корреспонденций из Петрограда и Москвы в «Тульской молве» рабочие Тулы узнали правду о происходящих событиях. Весть о свержении самодержавия с молниеносной быстротой облетела тульские заводы. На оружейном заводе небольшой группой старых подпольных партийных работников

---

[1] Тульский краеведческий музей, Историко-революционный отдел.

было созвано общее собрание сначала некоторых мастерских, потом общезаводские митинги; на собраниях было решено пойти в Кремль. Были избраны представители рабочих от мастерских. Большевики патронного завода организуют митинг рабочих своего завода, принимают решение об организации демонстрации и выделяют делегацию на оружейный завод, чтобы призвать к совместному выступлению. В Кремле рабочие патронного и оружейного заводов, к которым на пути следования присоединились рабочие и кустари мелких промышленных заведений, устроили грандиозный митинг.

На митинге меньшевики призывали к мирным формам борьбы. Они говорили о выделении делегации для переговоров с губернатором о том, чтобы рабочие были допущены в казармы, и об освобождении арестованных.

Большевики призывают рабочих немедленно идти в казармы, освободить запертых в них солдат, освободить политзаключенных из тюрем и арестовать всех деятелей царизма в Туле.

После митинга у дома губернатора ночью часть демонстрантов направилась в тульскую тюрьму, из которой освободила политзаключенных, другая часть направилась в казармы.

«Когда подходили к Петровским казармам, — вспоминает один из рабочих,—был целый ряд провокаторских выкриков, что солдаты вооружены и нас встретят залпом. Наиболее активная часть рабочих-передовиков с красным знаменем двинулась к воротам казарм. Ворота оказались закрытыми, свет погашен. Смотрим, ударом штыков выбиваются стекла, выходят солдаты с винтовками и сливаются с массой. Оттуда пошли в Воронежские, потом Суровские казармы» [1].

В ночь с 2 на 3 марта демонстранты арестовали губернатора Тройницкого, вице-губернатора Шенити-

---

[1] Стенограмма воспоминаний участников гражданской войны от 31 марта 1934 г.

нова, начальника жандармского отделения Исмита-фон-Вольского, его помощника Павлова; было арестовано большинство полицейских во всех участках г. Тулы.

В то время как рабочие и солдаты г. Тулы вершили революцию, местная буржуазия, земцы взяли в свои руки инициативу организации власти. Уже вечером 2 марта в помещении союза кредитных и ссудосберегательных товариществ собрались члены правления продовольственного комитета при Тульском обществе сельского хозяйства, где был поставлен вопрос о немедленном образовании временного комитета. Окончательное формирование городской власти произошло 3 марта на митинге в городской думе. Здесь были генерал Бандровский с офицерами, представители местной буржуазии Гольденблат, Иванов, Зверев, Смирнов и др., земцы во главе с Дзюбиным. Видный земский деятель, меньшевик Дзюбин возглавлял собрание.

«Когда я пробрался в городскую думу как представитель 30-го полка, — вспоминает работник «военки», — я застал такую картину. Дзюбин — председатель и руководит собранием. За столом сидел генерал Бандровский с офицерами, в уголке приютились оружейники и патронники... Я влез на стол и давай ораторствовать против Бандровского, который выразился, что он также приветствует Временное правительство, но только теперь война и необходимо отстранить солдат от революции» [1].

Выступление большевиков заставило генерала Бандровского и часть офицерства покинуть митинг. В состав образованного на митинге в городской думе временного исполнительного комитета общественных организаций вошли: «по 3 депутата от рабочих каждого крупного завода, по 3 депутата от каждой воинской части, по 3 — от кооперативов и организаций

---

[1] Стенограмма воспоминаний тульских большевиков от 2 марта 1937 г.

губернского значения и по 1 депутату от всех прочих организаций, которые пожелают избрать своих представителей».

В состав комитета вошли кадеты, меньшевики, эсеры, большевики. Преобладающее влияние получили меньшевики.

Для руководства работой комитета был избран президиум из 7 человек: комиссар г. Тулы — меньшевик Дзюбин, Бригадиров (меньшевик), Лейтейзен (об'единенец), Вослянский (эсер), Арсентьев (меньшевик) и др. Выбранному комитету общественных организаций постановлено было передать всю полноту власти в городе.

В тот же день из делегатов, выделенных на рабочих собраниях и митингах в городскую думу, было созвано по инициативе меньшевиков совещание, которое об'явило себя советом рабочих депутатов г. Тулы.

Собрание постановило: «Настоящий состав считать временным впредь до выборов на местах в следующем порядке: от фабрично-заводских и прочих промышленных предприятий, а также разного рода учреждений по 1 человеку от 100 до 500 человек. Предприятия же, насчитывающие крупный контингент рабочих, имеют представительство на каждые 500 человек по 1 человеку» [1].

В данном составе совета большевики имели всего 13 мест. Преобладающее влияние получили меньшевики и эсеры.

На собрании было принято решение об организации милиции, причем организация последней поручалась комитету общественных организаций (право контроля сохраняется за советом рабочих и солдатских депутатов), о выемке документов из охранного отделения, о посылке приветственной телеграммы социал-демократической фракции Государственной ду-

---

[1] Тульский отдел Мособлархива, ф. Протоколы заседаний совета рабочих и солдатских депутатов, л. 1, 1917 г.

мы. По просьбе исполнительного комитета общественных организаций совещание приняло решение о выпуске воззвания к рабочим г. Тулы. Эсеро-меньшевистское большинство совета охотно пошло на передачу всей полноты власти буржуазии в лице исполнительного комитета общественных организаций и поддержку его.

«...Товарищи рабочие города Тулы, — говорится в воззвании Совета, — по устранении народом и армией представителей старого режима временный комитет общественных организаций принял власть над г. Тулой. Великий момент, переживаемый родиной, властно обязывает нас исполнить свой долг перед ней. Исполнительный комитет и совет рабочих депутатов предлагают товарищам рабочим с сегодняшнего дня стать на работу, сохраняя спокойствие и порядок, отложив манифестации до того времени, когда в этом представится надобность.

Совет рабочих депутатов г. Тулы».

Тульская буржуазия, генералы, офицерство всеми способами старались отстранить солдат от участия в революции. Между тульской буржуазией и рабочим классом развертывается борьба за гарнизон. В Туле в это время стояли 30, 31, 76 и 77-й полки. В запасных частях было удвоенное количество людей, так что каждый батальон имел по 500—600 человек. Гарнизон в целом составлял примерно 30 тыс. человек. Здесь происходило формирование маршевых рот и отправка их на фронт.

На заседании Тульского совета рабочих депутатов 4 марта рабочие депутаты заявили недовольство тем, что выборы в совет солдатских депутатов еще не производятся, что исполнительный комитет общественных организаций стремится оттянуть выборы в войсковых частях под предлогом невыясненности вопроса. Они предложили «немедленно принять экстренные меры к тому, чтобы к следующему заседанию совета рабочих депутатов, назначенному на 5 сего марта в 3 часа дня, были произведены выборы делегатов от воинских

частей по системе, назначенной советом на заседании от 3 марта сего года».

5 марта на заседание совета рабочих депутатов был приглашен президиум исполнительного комитета общественных организаций.

В своем об'яснении по вопросу о выборах в совет солдатских депутатов президиум сослался на единоличные действия коменданта гарнизона Компани, который, задерживая постановление совета, издал приказ об отобрании оружия у солдат, даже у караула, идущего на охрану пороховых складов, что вызвало волнение среди частей гарнизона[1].

Сообщение это исполнительный комитет совета рабочих депутатов принял к сведению и вынес решение о немедленном аресте Компани. Здесь Тульский совет рабочих депутатов действовал как власть, подчиняясь требованиям, идущим от рабочих масс.

К 6 марта, после выборов солдатских депутатов, окончательно сконструировался Тульский совет рабочих и солдатских депутатов. 6 марта на заседании совета рабочих и солдатских депутатов был избран постоянный президиум.

★

В некоторых уездах Тульской губернии вести о событиях в Петрограде были получены раньше, чем в самой Туле. Так, в Белеве о революции стало известно 28 февраля, в Кашире — 1 марта.

Уже к 7 марта Тульский исполнительный комитет общественных организаций получил телеграммы об образовании уездных комитетов и разоружении полиции из гг. Алексина, Каширы, Венева, Одоева, Белева, Черни, Епифани, Богородицка, Ефремова,—словом, со всех уездов Тульской губернии. Также как и в Туле инициатива организации новой власти на местах оказалась в руках купечества, чиновников, земских дея-

---

[1] Мособлпартархив.

телей, более организованных, сумевших использовать происходящие события в своих классовых интересах.

«Известия Тульского губернского исполнительного комитета» № 3 от 11 марта 1917 г. так описывают ход событий в Кашире:

«На следующий день по получении известий о революции в Питере (известие получено 1 марта) организовался исполнительный комитет, в который вошли: земская управа, городская управа и правление Каширских об'единенных кооперативов. Был избран комиссаром Н. Г. Федоров — акцизный чиновник.

В тот же вечер толпой демонстрантов разоружены полиция, стражники и освобождено из тюрьмы 6 арестованных. 3 марта комиссар Федоров собрал учащихся реального училища, женской гимназии, высших начальных училищ и пригласил их принять участие в организуемой уездным исполнительным комитетом манифестации. Во время манифестации толпой горожан были арестованы исправник, его помощник и пристав».

В некоторых уездах старая власть пыталась организовать сопротивление.

Так, «в Богородицке полиция вооружила значительное число военнопленных и организовала погром. Из Тулы был отправлен военный отряд для подавления беспорядков» [1].

В том же уезде, «в имении графа Владимира Алексеевича Бобринского во время восстания 8—9 марта крестьяне и солдаты, пришедшие сделать у него обыск, встретили со стороны графа и бывших в его распоряжении военнопленных сильное сопротивление. По ним был открыт сильный огонь из ружей и пулеметов, вследствие чего пришлось потребовать из Тулы артиллерию, и только после этого солдаты и крестьяне могли войти в имение. Им представилась следующая картина: нашли 40 пулеметов, много оружия, полные амбары хлеба, в ометах соломы нашли

---

[1] «Правда» № 7 от 25 марта 1917 г.

около 800 сгнивших овец, которых Бобринский отбирал у крестьян для отправки в действующую армию. Бобринский успел скрыться, а военнопленные сказали, что граф их накануне предупреждал о восстании, что мужики и солдаты идут их бить и чтобы они защищали его, и платил им жалование по 25 руб. в день»[1].

Получив в свои руки власть в силу недостаточной организованности рабочего класса, буржуазия стремится сохранить старый аппарат власти.

6 марта на заседании губернского комитета общественных организаций обсуждался вопрос об организации власти в уездах. Приняв решение об учреждении по уездам исполнительных комитетов, комитет записал в отношении волостей: «Состав волостных комитетов должен определяться по соглашению с губернским продовольственным комитетом. Должность земских начальников сохраняется впредь до разрешения этого вопроса центром. Обязанность уездных и волостных комитетов соблюдать строжайший порядок и не допускать насилий»[2].

Эта политика сохранения старых отношений, старого аппарата власти со стороны комитета общественных организаций, где заправилами оказались те, кто до сих пор угнетал народ, вызвала волну протеста снизу.

10 марта на собрании рабочих оружейной фабрики А. Н. Кузнецова по обсуждении постановления комитета общественных организаций было принято следующее решение:

«...По поводу второго параграфа — об оставлении земских начальников у власти, хотя бы с ограничением, рабочие, большинство которых из крестьян и хорошо осведомлены об этом ненавистном для крестьян институте свергнутой старой власти, просят исполнительный комитет отменить это постановление и заме-

---

[1] «Правда» № 16 от 23 марта 1917 г.

[2] Тульский отдел Мособлархива, ф. Тульского горсовета рабочих депутатов, д. № 16/1, 1917 г.

нить земских начальников крестьянским судом с непременным присутствием членов комитета рабочих и солдатских организаций»[1].

В Богородицке после захвата власти местной буржуазией (3 марта) состоялось собрание горожан до тысячи человек. Был избран уездный исполнительный комитет общественных организаций в следующем составе: председатель земской управы Емельянов, городской голова Кобяков, директор мужской гимназии Делекторский, акцизный чиновник Новиков, судебный следователь Бируля, зав. земской кассой мелкого кредита Бибикова и мещанин В. В. Бибиков.

«Крестьяне прямо заявили, — пишет корреспондент «Известий Тульского губернского исполнительного комитета общественных организаций», — что не признают избранный 3 марта уездный комитет».

6 марта в г. Кашире на базарной площади состоялся митинг, на котором присутствовало около 5 тыс. человек. На митинге народ требовал переизбрания комитета на более демократических началах. В Ефремове попытка Тульского губернского исполнительного комитета общественных организаций назначить уездным комиссаром председателя земской управы вызвала демонстрацию. Тульские меньшевики посылают своих представителей на места с призывом подчиниться образованной власти. Та́к, в Богородицк был послан один из видных тульских меньшевиков, Арсентьев. Все же здесь, несмотря на его приезд, назначили новые выборы.

Выступая по этому поводу 15 марта на заседании комитета общественных организаций, Арсентьев вынужден был признать, что «многие комитеты построены неудовлетворительно, не пользуются должным авторитетом».

Недовольство трудящихся масс составом и политикой губернского и уездных комитетов заставило ту-

---

[1] «Известия Тульского губернского исполнительного комитета» № 2 от 9 марта 1917 г.

бернский комитет общественных организаций специально обсудить вопрос о взаимоотношении с советом рабочих и солдатских депутатов в смысле получения от последнего полной поддержки и помощи.

16 марта на заседании губернского комитета общественных организаций был поставлен вопрос о взаимоотношениях с советом рабочих и солдатских депутатов. Причиной постановки данного вопроса, как указано в журнале заседания, явилось «начавшееся брожение среди рабочих, порожденное неопределенностью политического положения, недостаточной организованностью рабочей среды, несогласованностью деятельности комитета и совета рабочих и солдатских депутатов»[1].

Губернский комитет принял следующее решение по этому вопросу:

«а) Для взаимного информирования делегировать в совет рабочих депутатов 3 членов комитета и просить сделать то же СРД.

б) Необходимы совместные заседания президиумов комитета и совета рабочих и солдатских депутатов.

в) ...совместные заседания однородных комиссий.

д) Поручить президиуму войти в переговоры с президиумом СР и СД о совместном выпуске воззвания к рабочим»[2].

В своем большинстве меньшевистско-эсеровский Тульский совет рабочих и солдатских депутатов откликнулся на решение губернского комитета общественных организаций.

24 марта на заседании совета рабочих и солдатских депутатов было принято при 17 воздержавшихся решение, в котором говорится:

«Оба учреждения должны действовать в полном согласии, для достижения которого необходимо:

---

[1] «Известия Тульского губернского исполнительного комитета» № 7 от 25 марта 1917 г.

[2] «Известия Тульского губернского исполнительного комитета» № 8 от 30 марта 1917 г.

1. Чтобы аналогичные комиссии совета и исполнительного комитета работали совместно.

2. Чтобы президиумы устраивали периодически соединенные совещания.

3. Чтобы все постановления совместных комиссий утверждались комитетом по мере их поступления.

4. Одобрение постановлений комитета советом Р и СД имеет только моральную силу.

5. Совет рабочих и солдатских депутатов избирает из своей среды представителей в комитет в числе 5 человек».

Таким образом, Тульский совет рабочих и солдатских депутатов еще раз подтвердил, что действительная полнота власти остается за органами власти Временного буржуазного правительства.

Уже на заседании 4 марта на сообщение о том, что в некоторых мастерских оружейного завода вынесены постановления «устранить с завода лиц, игнорирующих интересы рабочих», совет заявил, что «необходимо по возможности избегать таких отдельных постановлений и вообще относиться к такого рода постановлениям более осмотрительно» [1]. Когда в совет поступают сведения о том, что администрация заводов отказывается платить членам совета за дни заседаний, совет поручает президиуму обратиться по этому вопросу в комитет общественных организаций.

21 марта на требование рабочих о повышении зарплаты большинством принимается следующая резолюция:

«Вопрос о зарплате принципиально может быть решен лишь законодательным путем... в данный момент временное соглашение об увеличении заработной платы должно быть перенесено на местные комитеты, которые в каждом отдельном случае решат его практически и по соглашению с администрацией данного завода или предприятия». И дальше в постановлении

---

[1] «Известия Тульского губернского исполнительного комитета» № 8 от 30 марта 1917 г.

говорится, что «СР и СД полагает, что увеличение зарплаты должно осуществляться с крайней осторожностью и настаивать на нем можно лишь в случаях крайней необходимости» [1].

Постановление лишает цеховые комитеты права самостоятельно решать вопросы о зарплате.

В борьбе с требованиями рабочих буржуазия старается использовать еще не изжитые оборонческие настроения масс, противопоставляет тыл фронту, солдат — рабочим. Тульский совет рабочих депутатов не дает должного отпора этим попыткам.

На заседании Тульского СР и СД 27 марта от имени губернского комитета общественных организаций, даже от его «рабочей группы» выступил меньшевик Матвеев с призывом «отбросить все партийные разногласия», отложить на время осуществление части своих экономических требований. Это выступление было прелюдией для архивоинствующей речи очередного «офицера с фронта», который призывал «до максимума повысить производительность труда».

Выступивший далее прапорщик М. Аланченко прямо заявил, что совет «своими экономическими требованиями 8-часового рабочего дня возбуждает недовольство в воинских частях Тульского гарнизона». Выступавшие эсеры и меньшевики оправдывались и уверяли, что вопрос о 8-часовом рабочем дне совсем еще не поднимался, что «производительность на заводах в настоящее время повышается и если она понизилась, то из-за недостатка топлива и металла и отвлечения рабочих к организационному строительству» [2].

Обсуждавшиеся на заседании совета вопросы о войне и об отношении к Временному правительству

---

[1] Тульский отдел Мособлархива, Протоколы Тульского совета рабочих и солдатских депутатов, л. 20.

[2] Материалы Тульского отдела Мособлархива, ф. 36/1, Протоколы Тульского совета рабочих и солдатских депутатов, лл. 26—27.

как бы подвели итог политической линии Тульского совета.

В решении совета по первому вопросу было сказано о необходимости «давления на правительство, дабы оно немедленно в согласии с союзниками начало переговоры о мире на указанных выше условиях».

А по отношению к Временному правительству «Тульский СР и СД находит необходимым поддержать продолжающуюся борьбу нового правительства со старым порядком за укрепление нового, оказывая свою поддержку постольку, поскольку Временное правительство выполняет требование революционного народа...»

12 марта в Туле в Новом театре состоялось общее собрание Тульского союза металлистов. В избранное правление в большинстве прошли старые его деятели. большевики — Денисов и др., хотя председателем правления был избран меньшевик Ефремов. В тот же день состоялось общее собрание рабочих всех типографий г. Тулы, на котором председателем правления был избран большевик.

Впоследствии правлению союза печатников удается захватить в свои руки губернскую типографию и наладить выпуск органа тульских большевиков, газеты «Пролетарская правда».

В марте на местах стали организовываться фабрично-заводские комитеты.

19 марта Тульским СР и СД было опубликовано «Положение о местных фабрично-заводских и районных комитетах».

По положению, ФЗК организовывались «при всех фабрично-заводских предприятиях с числом рабочих более 16 человек, предприятия же, насчитывающие менее 16 человек, об'единялись по районам в районные комитеты».

Задачи фабрично-заводских комитетов положением определялись следующим образом: а) представительство рабочих и служащих данного предприятия в их сношениях с правительственными и общественными учреждениями; б) формулировка мнений по вопросам общественно-экономической жизни рабочих и служащих данного предприятия, в) разрешение вопросов, касающихся внутренних взаимоотношений между рабочими и служащими, с одной стороны, и данным предприятием или его администрацией — с другой, прием, увольнение или перемещение с работы на работу рабочих и служащих, оценка их трудоспособности, а также разрешение вопросов, касающихся установления правил внутреннего распорядка, изменения расценков, установления сверхурочных и т. д.; г) представительство от рабочих и служащих перед администрацией заводов, фабрик или учреждений и владельцами предприятий по вопросам, касающимся обеих сторон.

В центральных фабрично-заводских комитетах оружейного и патронного заводов руководство захватили меньшевики и эсеры. В отдельных, большевистски настроенных мастерских заводов работой цеховых фабрично-заводских комитетов руководили большевики.

Создавая свои организации, тульский пролетариат стремится разрешать вопросы, связанные с его социально-экономическим положением. Он ставит вопрос о 8-часовом рабочем дне, о повышении заработной платы, об увольнении с заводов неугодных лиц из администрации. Так, рабочие оружейного завода устроили, несмотря на протест Тульского СР и СД, вывоз на тачках отдельных лиц администрации. В ответ на рост организованности рабочего класса тульская буржуазия укрепляет старые и создает новые организации торгово-промышленников.

8 марта в Туле собрался экстренный с'езд углепромышленников Средней России под председательством товарища председателя Совета с'ездов К. П. Воропае-

ва. На с'езде были избраны представители «во все местные организации для участия в решении вопросов, связанных с текущим моментом и касающихся продовольствия, рабочего вопроса»[1].

В ответ на требования рабочих буржуазия начинает производить массовые увольнения рабочих, саботировать производство. Так, администрация патронного завода под видом недостатка в топливе и сырье производит сокращение производства, в связи с чем на заседании Тульского совета рабочих и солдатских депутатов 19 марта был поставлен большевиками-депутатами вопрос о реквизиции завода.

С первых дней февральско-мартовской революции в губернии вспыхивает аграрное движение. В апреле, мае и июне преобладают «мирные» формы борьбы с помещиками, вытекающие из еще не изжитого доверия к Временному правительству.

14 марта на с'езде представителей кооперативов Тульской губернии был поставлен вопрос об организации Тульского губернского земледельческого союза. Эсеры и кадеты, окопавшиеся в кооперативах, создают организационное бюро, которое в своем обращении к крестьянству, пытаясь предотвратить дальнейший рост и размах аграрного движения, писало: «Бюро обращается к населению с горячим призывом воздержаться от всяких мер насилия и не портить актами захвата и погрома светлых дней нарождающейся народной свободы... Земля — дар божий и принадлежать должна всему народу, но дело это очень сложное, очень трудное. Уравнять, разверстать землю, никого не обидевши в целом государстве, может только Учредительное собрание, выбранное от всего народа. Как оно решит, так тому и быть. Решать же

---

[1] «Тульская молва» № 2789 от 9 марта 1917 г.

его по волостям или обществам, отняв у помещиков или купцов землю и поделив ее между собой, нельзя». Так, прикрываясь пышными фразами, эсеры вместе с кадетами отстаивали помещичью и кулацкую собственность. Они далее поучали, что делать с теми, кто призывал к организованному захвату помещичьих земель, не ожидая Учредительного собрания: «Не слушать их надо, а сдавать милиции для отправки в город под конвоем...»[1]

5 апреля губернский комитет общественных организаций созвал с'езд крестьянских депутатов Тульской губернии. Уже на этом с'езде крестьянство, вопреки своим руководителям, пытавшимся разрешать аграрный вопрос в духе указанного воззвания, идет дальше в своих требованиях. Признавая еще, что земельный вопрос может быть разрешен Учредительным собранием, крестьянский с'езд постановил все же «ходатайствовать о приостановлении продажи и залога земли впредь до разрешения вопроса о земле в Учредительном собрании».

В частности, волостным исполнительным комитетам предлагалось принять все необходимые меры для засева посевной площади. Между владельцами, сдающими землю в аренду, и действительно обрабатывающими ее лицами не должно быть никаких посредников. Площадь невспаханной земли поступает в распоряжение волостных комитетов без оплаты арендной стоимости владельцу. Пользование этой землей должно быть оплачено волостным комитетом по установленной им стоимости на нужды общественные. Арендные цены устанавливаются волостным земельным комитетом и утверждаются уездными земельными комитетами.

Это облаченное в законные формы посягательство на интересы помещиков и кулаков-арендаторов вызвало протест со стороны бюро крестьянского союза.

---

[1] Мособлархив, ф. Тульского отдела МОАУ, д. № 12/15, л. 12.

В воззвании «К тульскому крестьянству» от 12 апреля бюро об'явило решения крестьянского губернского с'езда по земельному вопросу незаконными.

«Пусть все волостные комитеты помнят, — грозит воззвание, — что если из занятых или чужих земель некоторые земли окажутся незасеянными... они будут отвечать перед народом и государством, при этом они должны помнить, что если такие земли будут обработаны частным владельцем, то все равно ввиду хлебной монополии весь хлеб поступает государству».

Так под видом защиты «свободной России» от германцев кулацкий союз защищал помещичью и кулацкую собственность на землю.

А между тем революционная борьба крестьян уже в апреле разрывает «мирные» рамки. Начинаются разгромы имений, захваты земель, лугов.

18 апреля в министерстве внутренних дел имелись сведения, что в Ефремовском уезде Тульской губернии разгромлено 19 имений, в некоторых не осталось камня на камне, движение против помещиков растет [1].

Перед большевиками стояла задача вырвать из-под влияния мелкобуржуазных партий массы рабочих и крестьянской бедноты, разоблачить корыстную цель трескучих эсеро-меньшевистских фраз о «свободной России», об «обороне революции».

Тульская организация большевиков насчитывала в своих рядах к февральско-мартовским дням около 70 человек, плюс небольшая группа большевиков—латышей и поляков.

Отдельные члены большевистской организации, слабо ориентируясь в происходящем, поддались об'единенческим настроениям. Бригадиров, Вепринцев и Лейтейзен возглавили эти об'единенческие настроения.

25 марта на собрании тульских социал-демократов в доме губернатора был избран об'единенный социал-

[1] См. «Аграрное движение в 1917 г.».

демократический комитет из меньшевиков, интернационалистов, большевиков.

По мастерским заводов и предприятий, в учреждениях стали возникать цеховые социал-демократические комитеты. В коробочной мастерской Тульского оружейного завода об'единенная социал-демократическая группа насчитывала в это время 135 человек.

При Тульском социал-демократическом комитете возникла военная организация, где руководящее влияние имели большевики.

Тульской большевистской военной организацией руководил т. Шкирятов, работавший в то время в Москве и приезжавший в Тулу.

Группа большевиков — поляков и латышей не присоединилась к об'единенной социал-демократической организации и, продолжая сохранять самостоятельность, поддерживала связь с Москвой.

С первых же дней работы об'единенной социал-демократической организации в ней началась ожесточенная борьба между большевиками и меньшевиками. Группа товарищей (Денисов, Шурдуков и др.) еще до создания об'единенной организации противостояла об'единенческим настроениям, а затем развернула работу по выделению самостоятельной большевистской организации, стремясь при этом отвоевать всех рабочих-большевиков, в той или иной мере поддавшихся об'единенческим настроениям.

Опубликование тезисов В. И. Ленина явилось переломным моментом в борьбе тульских большевиков за выделение в самостоятельную организацию.

Расплывчатым, неясным требованиям «демократии» большевики противопоставляют четкие, ясные лозунги — об отношении к войне и Временному правительству, к советам рабочих и солдатских депутатов, аграрному вопросу. Основное, куда направляют внимание тульские большевики, это Тульский совет рабочих и солдатских депутатов — центр эсеро-меньшевистского влияния и их деятельности.

В Тульском музее сохранились следующие данные

о социальном и партийном составе первого Тульского совета: рабочих — 40%, солдат — 36%, служащих — 10%, прочих — 14%; из них: меньшевиков — 22,1%; эсеров — 10,4%, большевиков — 9,9%, народных социалистов — 1,6%, анархистов — 1,3%, интернационалистов — 1,3%, беспартийных — 13,5%, неопределенных — 39,7%.

Прошедшие в конце апреля по постановлению Тульского совета рабочих и солдатских депутатов от 21 апреля выборы в совет усилили в нем влияние эсеров, уравняв их по количеству мест с меньшевиками, и несколько усилили влияние большевиков. Вместо 13 депутатов в прошлом составе большевики получили 22 места (из 420) в этом составе.

Несмотря на свою малочисленность и наличие об'единенной фракции, большевики в Тульском совете рабочих и солдатских депутатов выступали с самостоятельной платформой.

Что почва под ногами у меньшевиков в совете была зыбкой уже в начале революции, показывает следующий факт.

В течение двух дней, 21 и 22 апреля, Тульский совет обсуждал вопрос о ноте Милюкова союзникам. В ходе собрания большевики поставили вопрос о недоверии товарищу председателя Куприянову, неправильно лишившему голоса большевистского оратора. При голосовании Куприянов получил 90 голосов за, 9 против, 43 воздержалось. Количество последних вызвало удивление эсеро-меньшевистского президиума.

На заседании Тульского совета рабочих и солдатских депутатов 27 мая большевики выступили со своими докладами и резолюциями по основным вопросам порядка дня — об отношении к войне, по аграрному и рабочему вопросам. Резолюция об отношении к войне, вскрывающая ее империалистический характер и указывающая революционный выход из нее, предложенная большевиками, собрала 39 голосов из почти 200 присутствующих. Резолюция большевиков по аграрному вопросу собрала 30 голосов.

Предложенную большевиками резолюцию по рабочему вопросу пленум совета не посмел отклонить. Резолюция большевиков и предложения по этому вопросу меньшевиков были приняты как материал к руководству делегатам на Всероссийском с'езде.

Среди солдат Тульского гарнизона, рабочих мастерских патронного, оружейного заводов, железнодорожников, среди трудового крестьянства раз'ясняли большевики свои позиции по всем вопросам текущего момента. С их работой росла и тульская организация большевиков.

Окончательное выделение тульских большевиков из об'единенной организации произошло 28 мая на общегородском собрании членов об'единенной организации.

Доклад делал вдохновитель тульского об'единенчества Г. Лейтейзен, заявляя, что для единства партии ни устав, ни программа значения не имеют; главное, чтобы была общность тактической платформы.

Тезисы Лейтейзена отвергаются большинством 161 голоса против 131 при 16 воздержавшихся, но вместо них приняты большинством шовинистические резолюции о войне и об отношении к Временному правительству. Большевикам Тулы воочию наконец стало ясно, в какой компании они очутились по вине таких горе-руководителей, как Г. Каминский. Будучи командирован Московским областным бюро в Тулу для руководящей работы, Г. Каминский занял антиленинскую позицию примиренчества к меньшевикам.

Большевистская группа покинула это собрание и в тот же день, обсудив создавшееся положение, приняла следующее решение:

«1)...произведенный раскол необходимо организационно закрепить и избрать немедленно отдельный комитет.

2) Необходимо мобилизовать вокруг этого комитета все силы и для этого повести раскол организации по районам для руководства дальнейшей рабо-

той. На этом же собрании был избран первый комитет большевистской организации»[1].

Группа латышских большевиков и польские революционные социал-демократы, насчитывавшие вместе 50 человек, присоединились к большевистской организации, выделив своих представителей в общегородской комитет.

Выделившись в самостоятельную организацию, тульские большевики поставили своей первейшей задачей провести размежевку сил по фабрикам и заводам.

Уже на следующий день, 29 мая, из об'единенной организации коробочной мастерской оружейного завода выделилась группа большевиков в 20 человек, имевшая в своих рядах опытных старых работников.

Для организации и руководства работой были созданы Чулковский, Зареченский и Железнодорожный (или Привокзальный) районные комитеты с центрами на патронном, оружейном заводах и в железнодорожных мастерских.

Тульские большевики развернули кропотливую будничную работу в массах тульского пролетариата, среди солдат Тульского гарнизона и крестьянства.

В борьбе за революционную мобилизацию масс они столкнулись с сильной здесь меньшевистской организацией. Основное засилие меньшевиков было на Тульском оружейном заводе, особенно в инструментальной мастерской, где работали меньшевики Николау, Коган.

Во главе тульской организации меньшевиков стояли Ахматов — член ЦК меньшевиков, Александров — лидер меньшевиков-железнодорожников, Арсентьев, Пестун и др.

Влияние тульских меньшевиков зиждилось на том, что за годы войны значительно изменился качественный состав тульского пролетариата. Передовая часть

---

[1] «10-я годовщина Октября», сб. статей и воспоминаний Тульского Истпарта, стр. 9, 1927 г.

кадровых рабочих была отправлена на фронт, на заводы пришли из деревень новые люди, пришли кустари. Несомненно, имело влияние и то положение, что значительная часть тульских рабочих, особенно оружейного завода, была привязана к своему подсобному хозяйству, домику и ремеслу на дому.

Но жизнь на каждом шагу подтверждала правильность большевистских лозунгов.

Массы убеждались, что действия Временного правительства и его агентов — меньшевиков и эсеров — на местах только внешне отличались от действий царского самодержавия. Война продолжалась. Росли голод и разруха. Условия труда рабочих ухудшались.

«На этой неделе вводится карточная система на хлеб, — пишет инструктор Московского областного бюро СР и СД из Тулы, — продовольственное дело еще не совсем налажено — большие хвосты. Топлива нет, материала тоже... Условия труда плохие, работают по воскресеньям, заработная плата недостаточна, частичная безработица. По словам рабочих, на оружейном заводе угрожает даже забастовка...» [1]

Требования об увеличении пайка солдаткам и об усилении снабжения лиц физического труда оставались в исполнительном комитете СР и СД без внимания. В то же время тайком вывозилось продовольствие из Тулы, и на складах продукты питания гнили.

На заседании совета рабочих и солдатских депутатов 8 июня был заслушан доклад по продовольственному вопросу. В докладе констатировалась бездеятельность Тульского продовольственного комитета. Требование большевиков опубликовать доклад и решение совета большинством было отклонено. Заработная плата, и так стоявшая на низком уровне, своевременно не выдавалась. Особенно тяжело было положение железнодорожников. В своем докладе Московскому

[1] Мособлархив, ф. 370, д. № 7, оп. 3, св. 4, л. 82.

областному бюро совета рабочих и солдатских депутатов А. Котлер (меньшевик) сообщал, что «на железной дороге до сих пор 45 рабочих дней в месяц, вырабатывают слесаря около 90 руб. в месяц в среднем. Вопрос об улучшении материального положения рабочих стоит особенно остро и угрожающе на железнодорожном узле»[1].

1 июня железнодорожники в ультимативной форме заявили в Тульский совет рабочих и солдатских депутатов, что в случае, если не будет увеличена заработная плата, они об'являют забастовку. Меньшевистский совет, вместо помощи железнодорожникам, большинством принял решение о посылке к ним делегации для предотвращения забастовки и о выпуске воззвания к железнодорожникам, в котором «выяснить положение в стране и указать, к чему могут привести сейчас всякие выступления»[2].

Все учащающиеся конфликты рабочих с предпринимателями оставались неразрешенными. Советы рекомендовали ждать выборов в новую городскую думу. Организовавшиеся в свои союзы фабриканты распоясывались.

Политика соглашательского совета рабочих и солдатских депутатов, июньское наступление на фронте, отправка маршевых рот на фронт усиливали рост недовольства в частях Тульского гарнизона. В губернии усиливалась крестьянская борьба за землю.

Растущая вширь и вглубь тульская организация большевиков все усилия направила на руководство нарастающим недовольством масс. К первой половине июня тульские большевики насчитывали в своих рядах уже 500 членов. В предстоящей муниципальной кампании они решили выступить самостоятельно. Организовали агитаторско-пропагандистскую коллегию.

---

[1] Мособлархив, ф. 370, д. № 3, оп. 2, л. 37.

[2] Тульский отдел Мособлархива, ф. 361, Протоколы Тульского совета рабочих и солдатских депутатов, л. 106.

9 июня Тульский городской комитет большевиков устроил в здании бывшего «Благородного собрания» при переполненном зале (было продано 1 500 билетов) лекцию на тему: «Наши разногласия». Лекцию читал товарищ, приезжавший из Московского областного бюро ЦК. Меньшевики пытались сорвать лекцию выкриками, замечаниями, попыткой покинуть собрание.

В июне тульские большевики из союза печатников по примеру Питера и Москвы возглавили борьбу за заключение нового тарифного договора, который им и удалось заключить и ввести в силу с 1 июля. Несмотря на то, что со дня революции заработная плата рабочих печатного дела была увеличена к этому времени на 300%, в то время как у металлистов она поднялась лишь на 35—40%, печатникам удалось ее еще повысить и закрепить договором. В тарифном договоре был предусмотрен пункт о положении ученичества, о сверхурочных работах, рабочем дне, в общем был принят тарифный договор, аналогичный петроградскому.

Этот момент деятельности тульских большевиков наглядно доказывал тульским рабочим, как обстоит дело тогда, когда во главе борьбы стоят большевики.

На саботаж предпринимателей большевики ответили организацией рабочего контроля. При заводском комитете оружейного завода в конце мая была избрана контрольная комиссия.

Функции контрольной комиссии сводились главным образом к снабжению завода в целях сохранения производства.

Большевикам приходилось выдерживать острую борьбу с меньшевистским засилием в центральном заводском комитете оружейного завода. Их пример, инициатива, борьба за сохранение производства открывали глаза рабочим-оружейникам. Та же картина наблюдается на других заводах.

Тульские большевики развернули работу среди молодежи. Под влиянием их деятельности в Туле в июне

было заложено основание организации союза рабочей молодежи «III Интернационал».

Молодежь под руководством большевиков взяла на себя распространение газет и листовок, подготовку к демонстрациям и др.

По линии руководства крестьянским движением тульские большевики поставили своей задачей охватить своим влиянием Тульский совет крестьянских депутатов и создать на местах большевистские группы.

В ряде уездов (Новосильском, Веневском, Богородском, Чернском) удалось организовать при помощи местных большевистских групп работу среди крестьян.

Тульские эсеры на своей 2-й губернской конференции в августе, подводя итог работы, вынуждены были признать растущее с каждым днем влияние большевиков. Они говорили, например, что по Веневскому уезду, «когда началась революция, никаких организаций не было. Никто не знал сущности революции. Ни о каких партиях не было и речи. Через некоторое время организовался уездный исполнительный комитет и возникла организация с.-д. Появились также большевики, и крестьяне пошли за ними»[1].

На губернской конференции тульских эсеров говорится о развернувшейся деятельности большевиков в Новосильском уезде. С первых дней революции, говорил на конференции эсер Знаменский, в селе Кочетах появились большевики и успешно повели работу под руководством кронштадтского матроса[2].

Огромную роль в развитии крестьянского движения в Тульской губернии и росте влияния большевиков сыграл I крестьянский всероссийский с'езд. Речь В. И. Ленина по аграрному вопросу с призывом к крестьянам самостоятельно разрешить земельный вопрос, не дожидаясь Учредительного собрания, нашла отклик среди крестьян Тульской губернии. Крестьяне

---

[1] «Земля и воля» № 29 от 12 августа 1917 г.
[2] «Земля и воля» № 30 от 13 августа 1917 г.

внимательно выслушивают ораторов-большевиков. На многочисленных собраниях крестьян успешно выступают большевики.

Влияние большевиков в частях Тульского гарнизона также способствовало распространению их влияния на крестьянство Тульской губернии. Надо сказать, что фронтовик-солдат и матрос являлись в деревнях опорой местных большевиков в их работе среди крестьянства. В одном из сообщений губернского комиссара от 21 июня о положении в уездах Тульской губернии говорится, что туда прибыл матрос из Кронштадта. Местный крестьянин с писарем начали пропаганду немедленного раздела земли как помещичьей, так и кулацкой.

О солдатах, как зачинщиках и организаторах крестьянского движения, сообщается и из других уездов. Так, жалобщик кулак Телков деревни Пронинцевой Ефремовского уезда указывал на «Василия Семенова с братом и еще двух солдат, заметно временно отпускных, звать не знаю»[1], как на зачинщиков аграрных беспорядков.

Выступление В. И. Ленина на I крестьянском с'езде, раз'яснительная работа большевиков находят все больший отклик в Тульской губернии. Так, «в Ефремове под влиянием неизвестных агитаторов сельские сходы и комитеты снимают рабочих, отбирают инвентарь, с постановлением правительства не считаются»,—говорится в телеграмме землевладельцев от 14—16 июня.

В июньских сообщениях губернских и уездных комиссаров, а также землевладельцев все чаще и чаще говорится о «самочинных» захватах живого и мертвого инвентаря, или лугов и пастбищ, или земли. Это особенно имеет место в Чернском, Крапивинском, Богородицком, Ефремовском уездах, причем в ряде мест во главе этого движения стоят земельные комитеты, превратившиеся под влиянием крестьянских масс из

---

[1] Архив Октябрьской революции, «Крестьянское движение в 1917 г.», стр. 86, 1917 г.

органов содействия Временному правительству в органы противодействия ему.

О том, какую остроту принимает крестьянское движение, свидетельствуют решения II губернского с'езда крестьянских депутатов, созванного 10 июня.

На с'езде, по предложению Тульского губернского совета, совета военно-крестьянских депутатов, где влияние имели левые эсеры и отчасти большевики, было принято решение «о немедленном проведении в жизнь проекта Главного земельного комитета о временном землепользовании, не дожидаясь его формального утверждения» [1].

По вопросу о переходе незасеваемых земель в ведение земельных комитетов с'езд пошел дальше и записал необходимость немедленного перехода помещичьих земель в ведение земельных комитетов. Решения крестьянского с'езда обсуждались на заседании губернского исполнительного комитета общественных организаций 23 июня. Губернский исполнительный комитет общественных организаций вынужден был под страхом все разрастающегося крестьянского движения признать, что «совет крестьянских депутатов имеет полное право выносить какие угодно постановления и проводить в жизнь путем влияния на все правительственные органы» [2].

29 июня совет крестьянских депутатов получил телеграмму от министра земледелия Чернова с протестом против постановления крестьянского с'езда, в то же время губернским исполнительным комитетом, губернским земельным комитетом и советом крестьянских депутатов была получена телеграмма с протестом Главного земельного комитета, которую подписал за министра земледелия Ракитников. В телеграмме говорилось, что «Главный земельный комитет решительно

---

[1] «Известия Тульского губернского исполнительного комитета» № 63 (79) от 2 июля 1917 г.
[2] Там же.

протестует против постановления Тульского совета крестьянских депутатов, который принял к исполнению предварительный проект правил, еще не утвержденный Главным земельным комитетом... Просьба сообщить во все уездные комитеты настоящее требование не руководиться указанным постановлением Тульского совета крестьянских депутатов как незаконным...» [1]

Губернский комиссар меньшевик Дзюбин телеграфирует в центр об отставке, так как резолюция Исполнительного комитета совета крестьянских депутатов о передаче земли в распоряжение местных земельных комитетов, не дожидаясь распоряжений Временного правительства, «лишила выборного губернского комиссара власти, особенно необходимой в улаживании земельных недоразумений, без которой занятие этой должности является излишним и вводящим в заблуждение правительство» [2].

Министр-председатель князь Львов телеграфировал Дзюбину: «Прошу вас оставаться на ответственном и трудном посту. В ближайшие дни будет издан закон, регулирующий земельные отношения» [3].

Чем об'яснял совет крестьянских депутатов принятие такого решения? В наказе делегации, отправленной к министру земледелия для раз'яснения причин принятого решения, говорится:

«а) Остро вставшие вопросы аграрного характера, особенно укоса травы и распределения земли под озимые посевы, потребовали немедленного создания руководства по решению этих вопросов среди населения.

б) Отсутствие со стороны Временного правительства всяких руководств или инструкций земельным комитетам по аграрному вопросу неизбежно толкнуло население на путь произвола и анархии.

---

[1] «Тульская молва» № 2879 от 1 июля 1917 г.

[2] «Известия Тульского губернского исполнительного комитета» № 63 (79) от 2 июля 1917 г.

[3] «Известия Тульского губернского исполнительного комитета» № 61 (77) от 29 июня 1917 г.

в) Исполнительный комитет совета крестьянских и военно-крестьянских депутатов, учитывая все создавшееся на местах положение, нашел, что всякое промедление в урегулировании обострившихся земельных отношений угрожает серьезной опасностью со стороны аграрных беспорядков и произвола в населении».

«Постановление свое, — говорится в заключении,— совет расценивает как единственное средство вывести население с пути полного произвола и самовластия».

Так оправдывался Тульский совет крестьянских депутатов в санкции им большевистской резолюции по земельному вопросу, принятой II с'ездом советов крестьянских депутатов.

Массы принимали большевистские резолюции.

Соглашательские партии, под напором требований масс вынужденные маневрировать, иногда санкционировали их, чтобы на другой день бороться против их проведения. Но принятое крестьянским с'ездом решение крестьянство подхватывает и начинает проводить в жизнь.

Происходивший в июле Тульский уездный с'езд выносит недоверие Временному правительству и приветствует решение губернского с'езда крестьянских депутатов о переходе земли в ведение земельных комитетов до Учредительного собрания.

Меньшевики и эсеры используют все средства вплоть до физического насилия, чтобы парализовать работу и рост влияния большевиков.

В своем воспоминании один из рабочих пишет: «Во время распространения наших газет (по оружейному заводу) со стороны меньшевиков и эсеров и несознательной части рабочих приходилось сталкиваться со случаями физического насилия: бросали грязные концы со стружками, металлическими шариками в тех, кто распространял литературу, но, несмотря на это, мы продолжали не только распространять эту свою газету (речь идет о «Пролетарской правде»), большевистскую газету, но и читали ее среди групп рабочих».

8 июня на заседании Тульского комитета РСДРП(б) с представителями районов был поставлен вопрос, как лучше организовать назначенную ЦК партии на 10 июня демонстрацию.

Было принято решение высказаться в совете рабочих и солдатских депутатов за участие во всероссийской демонстрации; все большевистские организации, в которые входят социал-демократические организации латышей, поляков и военная организация, выступают впереди колонн в час и день, назначенный РСДРП(б). Лозунги на знаменах: «Да здравствует III Интернационал», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», «Требуем мира без аннексий и контрибуций», «За переход власти в руки СР и СД», «За немедленный переход земли в руки крестьянам», «За декрет о 8-часовом рабочем дне» и другие лозунги, намеченные в «Правде». Кроме того, для Зареченского района был выделен лозунг «О рабочем контроле», для Чулковского района, где предприниматели под видом недостатка топлива и сырья саботировали производство на патронном заводе, — «Долой анархию в промышленности и локаутчиков-капиталистов» [1].

Эсеро-меньшевистское большинство I Всероссийского с'езда советов отменило большевистскую демонстрацию и назначило демонстрацию на 18 июня, чтобы провести ее под соглашательскими лозунгами.

ЦК большевиков согласился с решением с'езда о дне демонстрации.

15 июня вопрос о демонстрации 18 июня обсуждался на общем собрании Тульского совета рабочих и солдатских депутатов, где большинством была принята резолюция, предложенная меньшевиком Пестуном. В ней говорилось: «не устраивать манифестации 18 июня, так как условия и настроения Тулы говорят, что коллективного выступления не будет» [2].

---

[1] Тульский отдел Мособлархива, д. 36/3, Протоколы заседания комитета РСДРП(б), л. 14.

[2] Тульский отдел Мособлархива, ф. 36/1, Протоколы Тульского совета рабочих и солдатских депутатов, л. 122.

Несмотря на запрещение Тульского совета рабочих и солдатских депутатов, тульская организация РСДРП(б) распространила по городу воззвания, призывающие к демонстрации 18 июня. Тогда совет рабочих и солдатских депутатов 17 июня постановил обратиться к населению с специальным воззванием против демонстрации. Демонстрация все же состоялась.

После голосования большевистская фракция с частью солдат покинула заседание совета.

В происходивших в конце июня выборах в городскую думу меньшевики и эсеры, в целях отстранения от выборов революционно настроенных рабочих, не включали их в списки избирателей.

30 июня на заседании Тульского совета рабочих и солдатских депутатов было заявлено муниципальной комиссией, что целые рабочие кварталы не внесены в списки избирателей.

Так верой и правдой служили эсеры и меньшевики российской буржуазии. Кадетствующие Дзюбины, Пестуны, Вослянские (лидер тульских эсеров) хорошо отражали и боролись за интересы буржуазии. Понятно, почему кадеты не выступили с самостоятельным списком на выборах в городскую думу.

Из 104 человек в городскую думу были избраны: от блока меньшевиков и эсеров — 85 человек, от большевиков — 5 человек, от партии народников-социалистов — 7 человек, от домовладельцев — 2, от торгово-промышленного класса — 2, от Бунда — 2, председателем думы был избран эсер Буланже.

Силы революции продолжали нарастать. Ни одна задача революции в стране еще не была разрешена. Продовольственные затруднения возрастали, останавливались фабрики и заводы. В деревне быстро нарастала аграрная революция, росло недовольство в армии, которое проявлялось все более резко в отказе воевать.

В июле буржуазия провоцирует преждевременное выступление пролетариата, чтобы задушить растущее влияние большевиков.

События 3—5 июля в Петрограде совпали с выступлением против Временного правительства в частях Тульского гарнизона.

Губернский комитет общественных организаций, комиссар г. Тулы Дзюбин готовили вывоз на фронт революционных 30 и 31-го пехотных запасных полков. Узнав о готовящейся отправке на фронт, солдаты 31-го пехотного запасного полка 2 июля организовали митинг, на котором приняли обращение «Ко всем трудящимся России» с протестом против войны, с призывом к немедленному перемирию на всех фронтах. После митинга солдаты разогнали полковой комитет, который в большинстве состоял из офицеров, и арестовали командира полка.

Председателем полкового комитета был избран левый эсер прапорщик Упоров, он же был избран и командиром полка.

3 июля был созван городской партийный комитет большевиков. На комитете было решено призвать рабочих Тулы к демонстрации, немедленно приступить к созданию полковых ячеек. По заводам и гарнизону проходили митинги. Массы готовились к выходу на демонстрацию. «77-й полк готов выйти на демонстрацию, — говорил т. Колесников на заседании исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов 5 июля, — избраны особые лица для руководства тем же в 31-м полку»[1].

На это заседание исполнительного комитета были приглашены представители цеховых комитетов. Большинством было принято решение о прекращении митингов и демонстраций и об отправке 31-го полка на фронт. Фракция большевиков при принятии указанного решения выступила с резким протестом.

Внесенная большевиками резолюция с оценкой июльских событий получила 33 голоса.

---

[1] Тульский отдел Мособлархива, ф. № 36/1, Протоколы Тульского совета рабочих и солдатских депутатов, л. 175.

Тульские меньшевики и эсеры не остановились на принятии решения о выводе войск из Тулы и запрещении митингов и демонстраций. Все глубже они скатывались в лагерь буржуазии. Вслед за петроградскими и московскими меньшевиками и эсерами их тульские собратья развернули гнусную клевету и травлю большевиков в связи с событиями 3—4 июля.

Эту травлю меньшевики и эсеры сочетали с практическими мероприятиями. Так, 21 июля совет большинством принимает решение, что правом выступления (митинги, собрания) пользуются только те члены совета, которые согласны с позицией большинства совета.

Комитету большевиков было предложено в срочном порядке освободить занимаемое им помещение бывшего полицмейстера на Миллионной улице (теперь Октябрьская). Предложение сопровождалось угрозой, в случае сопротивления, залить помещение водой из пожарного рукава. Комитет вынужден был переехать в Заречье, где поместился в одной из комнатушек союза металлистов.

Из Тулы были выведены 30 и 31-й революционные пехотные запасные полки: 30-й полк—в Харьков, 31-й—на фронт.

Ни клевета эсеро-меньшевиков, ни террор не приостановили роста влияния большевиков.

К VI с'езду партии тульская организация большевиков насчитывала 1 тыс. членов партии. Выросла с 22 до 45 человек большевистская фракция в совете рабочих и солдатских депутатов. Возросло влияние большевиков среди рабочих патронного и оружейного заводов.

Представляет интерес отчет об отчислениях, поступивших по оружейному заводу в фонд большевистской газеты и на предвыборную кампанию в городскую думу.

От инструментальной мастерской поступило 20 руб., литейной мастерской — 30 руб., от штыковой мастерской — 1 тыс. руб., ствольной мастерской — 260 р. 95 к., 1-й пулеметной мастерской — 3 341 р. 27 к., инст-

рументальной мастерской—1 400 руб., коробочно-взрывчатой мастерской — 93 р. 68 к., коробочной мастерской — 2 765 р. 02 к.

Эти данные характеризуют вес и влияние в отдельных мастерских завода большевистской организации. Отчисления рабочих оружейного, патронного и других заводов дали возможность тульским большевикам поставить издание своей газеты. 23 июля вышел первый номер газеты Тульского городского комитета большевиков «Пролетарская правда».

Огромное влияние на жизнь и работу большевистской организации оказал VI с'езд партии, нацеливший партию на вооруженное восстание.

27 августа в здании ремесленной школы оружейного завода состоялось общегородское собрание членов тульской организации большевиков.

С докладом о VI с'езде выступил Каминский, который пытался протащить оппортунистическую резолюцию с тем, что решения VI с'езда партии никаких изменений в жизни партии не произвели и предложил принять решения с'езда к сведению («Пролетарская правда»).

Тульская организация большевиков в своем большинстве отвергла установку Каминского и приняла решение о мобилизации всех сил для проведения в жизнь постановлений VI с'езда партии. На собрании были произведены выборы комитета партии и ревизионной комиссии.

Тульский партийный комитет проводит ряд мероприятий, значительно укрепивших его силы и связь с массами. Зареченский и Чулковский районные комитеты организуют цеховые комитеты в тех мастерских оружейного и патронного заводов, где комитеты еще не имелись. В сентябре при активном участии работниц-большевичек патронного завода был создан женский клуб работниц. Партийный комитет вел через женский клуб работу среди работниц патронного завода. Устраивались вечера, беседы, лекции. Выпустили несколько номеров журнала «Работница». Военной орга-

низацией большевиков был организован клуб для солдат Тульского гарнизона.

Партийный комитет начинает проводить собрания рабочих, настроенных большевистски, имеющих связь с деревней. На этих собраниях был поднят вопрос об организации землячеств.

Буржуазия в ответ на растущее влияние большевиков переходит в открытое наступление.

Предательская тактика меньшевиков и эсеров развязала силы контрреволюции. Буржуазия перешла в открытое наступление. Добившись вывода из Тулы 30 и 31-го революционных полков, она начинает проводить формирование контрреволюционных отрядов.

В Туле был сформирован из молодежи для отправки на фронт «батальон смерти».

На оружейном, патронном заводах, фабрике Кузнецова и др. администрация проводит чистку от революционно настроенных рабочих. На общем собрании рабочих механической мастерской оружейного завода рабочие единодушно протестовали против действий комиссии по проверке отсрочек военнообязанным. Рабочие в резолюции указывали, что комиссия «на заводе оставляет буржуев и снимает пролетариев».

В начале августа фабрикант Кузнецов подал заявление в комиссию по отсрочке военнообязанным. В заявлении он указал, что «ему 68 человек — по спискам военнообязанных—не нужны ввиду того, что он их уволил на основании договора о найме и расторжении договоров по ст. 105, пункт 2»[1].

Против нарастающего крестьянского движения принимаются карательные меры борьбы.

18 июня министерство внутренних дел подписало циркуляр о подавлении аграрных беспорядков, требуя привлечения к ответственности по всей строгости законов лиц, призывающих к земельным захватам.

Аналогичный циркуляр издал министр продовольствия Пешехонов.

---

[1] «Пролетарская правда» № 6 от 7 августа 1917 г.

Для проведения в жизнь указанных циркуляров активно берутся за дело губернские меньшевистские и эсеровские комиссары. Во второй половине июля по инициативе губернского комиссара Тулы меньшевика Дзюбина была организована особая следственная комиссия.

На заседании IV пленума Московского областного бюро от 24 июля делегат Тульской губернии, характеризуя состав и деятельность следственной комиссии, говорил, что эта комиссия состоит «...из ставленников комиссара, горожан, присяжного поверенного, чиновников. Туда же входит судебный следователь Евкович, приверженец старого режима. Деятельность комиссии носила явно односторонний характер, направленный в защиту интересов помещиков. Помещики, недовольные постановлением земского комитета, шли, как в высшую инстанцию, в эту следственную комиссию. Комиссия выезжала на места, собирала там материалы, арестовывала членов волостных земских комитетов, главарей» [1].

Особая следственная комиссия направляет по уездам для борьбы с аграрным движением карательные отряды. Такие отряды были посланы в Каширский уезд, Епифанский, Чернский и др. В результате деятельности особой следственной комиссии за июль и половину августа по Тульской губернии было «...около 60 арестов членов земельных комитетов, советов крестьянских депутатов и «простых крестьян», как заявил представитель губернии на третьей сессии Главного земельного комитета в августе» [2].

Деятельность особой следственной комиссии и явилась центральным вопросом на заседаниях III с'езда крестьянских депутатов Тульской губернии, который собрался 5 августа.

Заседания с'езда носили бурный характер. Делегаты по докладу о текущем моменте указывали, что коа-

---

[1] Мособлархив, д. № 9, оп. 2, л. 8.
[2] «История гражданской войны в СССР», т. I, стр. 221.

лиционным правительством ничего не сделано для крестьян. Законопроекты оставались законопроектами.

При обсуждении деятельности особой следственной комиссии выступающие говорили, что карательные экспедиции организованы с ведома губернского комиссара, требуя выразить недоверие Дзюбину. Говорили о том, что экспедиции применяют нагайки и розги. По поводу арестов в Чернском уезде делегат с'езда крестьянин Шалимов призывал: «Довольно арестов! — восклицал он. — Говорят, что аресты законны, но на то нет воли народа...»[1]

То возмущение и гнев, с каким отнесся III губернский крестьянский с'езд к деятельности особой следственной комиссии, заставили совет рабочих и солдатских депутатов обсудить в специальном заседании этот вопрос. На заседание 11—12 августа были вызваны члены этой комиссии. При обсуждении вопроса выяснилось, что членам комиссии «предоставлены неограниченные права».

Под предлогом отсутствия кворума следственная комиссия не дает никакого ответа на пред'явленный ей материал и удаляется с заседания, а меньшевистско-эсеровский совет выносит решение реорганизовать особую следственную комиссию, создав ее из представителей рабочих, солдат и крестьян, но никаких мер к осуществлению этого решения принято не было.

Развязывая силы контрреволюции, российская буржуазия лихорадочно готовит военную диктатуру. Временное правительство решает собрать в Москве 12 августа государственное совещание, на котором под прикрытием эсеро-меньшевиков должна быть принята контрреволюционная программа.

---

[1] «10-я годовщина Октября», стр. 47, изд. Тульского Истпарта, 1927 г.

Тульские большевики предупреждают рабочих, что московское совещание есть политическое оформление подготовки военной диктатуры.

Большевики подняли волну митингов протеста против Московского государственного совещания.

10 августа в штыковой мастерской оружейного завода состоялось общее собрание рабочих. Собрание по предложению большевиков приняло следующую резолюцию:

«Московское совещание является контрреволюционным созданием. На этом совещании наши представители должны громко заявить: никаких соглашательств с буржуазией. Долой смертную казнь. Да здравствует революция»[1].

Аналогичные резолюции были приняты на митинге 77-го пехотного запасного полка и команды 76-го пехотного запасного полка, состоявшемся 12 августа, на общем собрании членов профсоюзов, на собрании ящичной мастерской Тульского патронного завода, на общем собрании рабочих фабрики А. И. Кузнецова и др.

Корниловская авантюра, попытка буржуазии начать против пролетариата гражданскую войну, была переломным моментом в жизни тульского пролетариата. Тульская организация большевиков призвала массы на борьбу с генеральской авантюрой. Она указывала им, что корниловское выступление — это «заговор помещиков, не хотящих отдать свои земли, и капиталистов, не желающих отдать свои капиталы и допустить контроль над производством, что выступлению Корнилова способствовало соглашательство Временного правительства с буржуазными классами и политика эсеро-меньшевистского большинства в советах»[2].

---

[1] «Пролетарская правда» № 8 от 12 (25) августа 1917 г.

[2] Тульский отдел Мособлархива, ф. 36/1, Протоколы Тульского совета рабочих и солдатских депутатов, лл. 207—208.

28 августа большевики на чрезвычайном заседании представителей общественных организаций Тулы вошли в созданный здесь «комитет спасения революции».

Большевиками был поставлен вопрос о вооружении рабочих и предложена резолюция с политической оценкой корниловщины. Меньшевистско-эсеровское большинство обещало через «комитет спасения революции» вооружить рабочих.

По поводу оценки выступления Корнилова меньшевики предложили резолюцию, в которой оценивали это выступление, как результат «партийных распрей».

Резолюция эсеро-меньшевистского большинства была принята незначительным большинством в 8 человек.

Большевики добились внесения в резолюцию некоторых поправок; так, например, было включено требование освобождения из тюрьмы большевиков, арестованных после июльских дней. Это была уже большая победа тульских большевиков в совете рабочих и солдатских депутатов.

Выступление Корнилова поставило перед рабочими Тулы вопрос о вооружении.

«Комитет спасения революции», на основании распоряжения военных властей, отменил вооружение тульских рабочих.

Тульские большевики развертывают работу по созданию Красной гвардии. Формирование вооруженных рабочих отрядов проходит на первом этапе под видом охраны заводов. Так, на оружейном заводе большевиками-оружейниками создается боевая дружина из 300 человек, которая влилась в образовавшуюся несколько позже Красную гвардию при партийном комитете. Вооружение ее состояло из 300 револьверов, 3 тыс. патронов, полученных на оружейном заводе.

В сентябре же, как свидетельствуют указания тульских красногвардейцев, при партийном городском комитете формируется отряд Красной гвардии.

В «Пролетарской правде» публиковались статьи, в которых раз'яснялось, почему необходимо создание Красной гвардии.

Оружие Красная гвардия получала из местного арсенала через большевистски настроенную охрану из 77 и 76-го пехотных запасных полков, а также частично через рабочих-большевиков оружейного завода. Занятия Красной гвардии проходили главным образом на Тургеневской улице при партийном комитете.

Большевики, знающие военное дело, сами обучали красногвардейцев.

К октябрьским дням тульская организация имела крепко организованный, хорошо вооруженный и обученный отряд Красной гвардии.

Заговор Корнилова провалился, но власть продолжала оставаться вследствие соглашательской политики меньшевиков и эсеров у буржуазии.

Буржуазия пытается костлявой рукой голода задушить революцию. Из-за саботажа предпринимателей под угрозой остановки находится патронный завод. То и дело возникают конфликты рабочих с администрацией. Так, в начале октября рабочие механической мастерской вывезли на тачке старшего мастера и бросили его в грязь. И если, несмотря на саботаж администрации, патронный завод продолжал работать, то исключительно благодаря деятельности цеховых фабрично-заводских комитетов, в которых большинство принадлежало большевикам.

На собрании центрального заводского комитета, цеховых комитетов, представителей совета рабочих и солдатских депутатов и лиц административного и технического персонала Тульского патронного завода 8 октября рабочие говорили, что «цеховые комитеты, стоя на страже интересов рабочих, часто помимо своей воли и желания несли административные и технические обязанности... это получалось потому, что мастера... отказались от возложенной на них обязанности» [1].

[1] «20 лет Тульского союза металлистов», стр. 37.

Рабочий Колосов говорил, что «администрация, боясь стачки, все сваливает на цеховые комитеты, рабочие приходили в центральный фабрично-заводский комитет даже за инструментом» [1].

С июля стояла фабрика Кузнецова, закрывались мелкие предприятия. Продовольствие в Туле исчезало. Безудержно росла спекуляция. Владельцы хлеба утаивали зерно, помещики вредительски обрабатывали поля под будущие урожаи, гноили хлеб на полях.

На III с'езде крестьянских депутатов депутат Веневского уезда сообщил, что в уезде «тайно вывозится хлеб помещиками-спекулянтами, что он знает 11 помещиков, у которых 32 тыс. пудов хлеба. Хлеб гноят» [2].

На заседании исполнительного комитета Тульского совета рабочих и солдатских депутатов сообщалось, что в имении Хвостова урожай не снят. Озимые поля не засеяны, а пшеница и рожь вот уже два года лежат в скирдах и гниют.

28 сентября на заседании совета крестьянских депутатов было сообщено о неубранном хлебе в имении графов Бобринских. Надвигалась голодная зима. По губернии росли стачки и конфликты. Крестьянская борьба за землю принимает характер крестьянской войны.

10 сентября на Казанской площади толпа устроила бунт, разбросала товары, громила лавки и магазины.

21 сентября началась стачка городских служащих и рабочих. В этот день работа была остановлена на водопроводе, электростанции, в пекарнях, продовольственных складах и во всех других учреждениях и предприятиях городского управления.

В первой половине октября возникла стачка на самоварной фабрике Ваныкина с требованием прибавки

---

[1] «20 лет Тульского союза металлистов», стр. 37.

[2] «10-я годовщина Октября», стр. 47, изд. Тульского Истпарта, 1927 г.

на дороговизну. Во время стачки был ранен рабочий Пономарев.

К октябрю продовольственное положение становится безвыходным. Отмена мучных карточек, замена последних хлебными с уменьшением пайка не спасли положения. К 9 октября запасы хлеба иссякли. 10 октября губернский продовольственный комитет отказал в выдаче хлеба. Комитет общественных организаций, меньшевистско-эсеровская городская дума и меньшевистско-эсеровское большинство совета рабочих и солдатских депутатов видели выход из положения в дальнейшем усилении борьбы с нарастающей революцией.

В начале сентября Тула и Тульская губерния об'являются на военном положении. Эта мера еще больше способствует большевизации масс. Председатель городской управы Дзюбин подает в отставку. Мотивы отставки свидетельствуют о бессилии меньшевиков и эсеров остановить рост недовольства и революционизирования масс. «Работа,— пишет Дзюбин,— сводится к той же работе, которой отмечены последние месяцы прежней управы, а именно: старание умиротворить воинственно выраженные требования части граждан... Ко всему этому... безответственные перед страной некоторые группы обывателей стараются внести элементы политической борьбы даже при разрешении части деловых вопросов».

«Безответственные группы обывателей»... так выглядят у корниловского социалиста Дзюбина голодные массы рабочих.

На чрезвычайно чувствительном вопросе — продовольственном — рабочие подходят к пониманию того, что основное — это вопрос о власти.

Еще 23 августа рабочие пулеметной мастерской № 2 оружейного завода в количестве 1 500 человек в резолюции общего собрания записали: «Мы, рабочие пулеметной мастерской № 2, в количестве 1 500 человек, решили, что продовольственный вопрос обстоит в Туле хуже, чем было при царизме, что явилось результатом братания большинства «нашей революционной

демократии» с буржуазией, помещиками и фабрикантами»[1].

Корниловская авантюра, с каждым днем увеличивающаяся разруха, голод подводят тульских рабочих, их более сознательные ряды к восприятию поставленного большевиками вопроса о передаче всей власти советам и переизбрании Тульского совета рабочих и солдатских депутатов.

Общее собрание пулеметной мастерской № 2 Тульского оружейного завода 6 сентября принимает следующее решение: «Ввиду неплодотворной работы совета рабочих и солдатских депутатов в настоящем его составе, некоторые члены которого допускали и допускают всевозможные злоупотребления, пользуясь доверием рабочих, идут на всевозможные соглашения с явными контрреволюционными силами, манкируют работой в совете рабочих и солдатских депутатов и т. д., не являются защитниками рабочих интересов, — мы постановили на своем общем собрании, бывшем 6 сентября 1917 г., отозвать и переизбрать членов совета рабочих и солдатских депутатов нашей мастерской и вести широкую агитацию по всему заводу о перевыборах депутатов не только совета рабочих и солдатских депутатов, но всех вышепоименованных учреждений, комитетов и обществ, и этим создать крупные революционные организации, исполняющие волю рабочего класса»[2].

На состоявшееся 12 сентября общее собрание рабочих пулеметной мастерской № 2 прибыли лидеры тульских меньшевиков — Ахматов и Арваров. Они с пеной у рта уговаривали рабочих отменить принятое решение о перевыборах Тульского совета рабочих и солдатских депутатов.

Общее собрание рабочих единодушно отвергло их попытку отменить принятое решение.

---

[1] «Пролетарская правда» № 13 от 29 августа 1917 г.
[2] «Пролетарская правда» № 18 от 16 сентября 1917 г.

16 сентября при обсуждении продовольственного вопроса на общем собрании рабочих инструментальной мастерской оружейного завода единогласно была принята предложенная большевиками поправка к резолюции, которая указывала, «что действительные меры к улучшению продовольственного вопроса будет возможно провести... когда промышленность будет находиться под государственным контролем рабочих, а вся страна в руках народа, т. е. если власть в центре и на местах будет в руках революционных рабочих, солдат и крестьян»[1].

21 сентября пульно-гильзовая мастерская патронного завода, состоящая в большинстве из работниц, вынесла резолюцию, в которой очередной задачей дня признается необходимость «добиваться революционной власти... проводить рабочий контроль над промышленностью, монополия на все продукты первой необходимости, демократического мира, передачи земли крестьянам до Учредительного собрания... Выражено недоверие центральному комитету патронного завода, в большинстве меньшевистскому. Решено переизбрать Тульский совет рабочих и солдатских депутатов вследствие его полной бездеятельности»[2].

27 сентября на созванном большевиками женском митинге по вопросу «Голод и война» принято решение, в котором отмечается, что как продовольственный вопрос, так и хозяйственная разруха вообще тесно связаны с вопросами войны и мира и с вопросом о власти. Митинг постановил:

1) Требовать скорейшего заключения всеобщего демократического мира.

2) ...передачи власти советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

3) ...введения твердых цен на все предметы первой необходимости.

---

[1] «Пролетарская правда» № 19 за 1917 г.
[2] «Пролетарская правда» № 20 от 24 сентября 1917 г.

4) ... передачи земли в ведение земельных комитетов до Учредительного собрания.

5) Контроля трудящихся города и деревни...[1]

«Пролетарская правда» в № 20 от 24 сентября сообщает, что кое-где рабочие уже начали переизбирать депутатов в Тульский совет рабочих и солдатских депутатов. Так, «литейная мастерская нового отдела оружейного завода первая произвела перевыборы, оборонец и соглашатель отозван — избран большевик»[2].

Тульские меньшевики и эсеры идут на меры, которые еще больше дезорганизуют и усиливают разруху. Эсеро-меньшевистская городская управа начинает проводить отцепку вагонов с хлебом от проходящих через Тулу маршрутов.

10 октября заведующий продовольственным отделом городской управы эсер Панченко с отрядом милиции произвел отцепку 10 вагонов муки.

12 октября городская дума созвала всю «демократию» Тулы, чтобы обсудить создавшееся положение. Освещая положение с продовольственным вопросом, Панченко говорил, что «хлеб поступает к нам из рук вон слабо, и мы принуждены постоянно прибегать к тому небольшому запасу, который получили в наследие от старой думы. Эти запасы составляют 11 вагонов. Население же Тулы превышает 192 тыс. человек. Чтобы выдать 25 фунтов хлеба в месяц, надо тратить ежедневно 4 вагона с лишним хлеба. Дополнительная мука поступала плохо. Чтобы сохранить 11 вагонов в запасе, мы неоднократно обращались за содействием к правительству, но поступление не прибывает, а запас тает и тает. Теперь осталось 4 вагона, т. е. только на один день. От правительства испрошен один маршрутный поезд, но ответа нет. Граждане же не понимают, что управа только распределяет, добывать же она сама не смеет»[3].

---

[1] «Пролетарская правда» № 22 от 30 сентября 1917 г.

[2] «Пролетарская правда» № 20 от 24 сентября 1917 г.

[3] *Сорокин,* Из истории 1917 г. в Туле, Тула 1925 г.

Центральным же вопросом созванного совещания явился вопрос о мерах дальнейшей борьбы с большевизацией масс. Собранием была принята резолюция о возобновлении деятельности «комитета спасения революции», которому предоставляется право «в борьбе с погромами и продовольственной разрухой организовать необходимый вооруженный аппарат военной силы и применять его на деле, когда это потребуется»[1].

В заключение собрание решило привлечь к участию в работе продовольственной комиссии городской управы представителей союза торговцев и промышленников и союза мелких бакалейных торговцев. Так под видом борьбы с продовольственной разрухой шла мобилизация контрреволюционных сил в Туле.

В деревне обманутые эсерами крестьянские массы уходят из-под их руководства. Крестьянское движение в Тульской губернии принимает после корниловских дней характер стихийной крестьянской войны, выливающейся в форму разгрома поместий и прямых вооруженных выступлений за захват земли, живого и мертвого инвентаря.

Под'ем крестьянского движения в Тульской губернии можно иллюстрировать следующими данными.

Если в марте — июне в губернии было 480 случаев выступлений за понижение арендных цен, 330 случаев выпаса и потрав на помещичьих землях, 94 захвата лугов сена и паров, 20 случаев разгрома усадеб и захвата имений, 78 порубок леса и 34 случая захвата земель под яровые посевы, то в последний месяц перед октябрем по 8 уездам Тульской губернии имели место 142 случая разгрома усадеб, 41 случай захвата хлеба, 35 — захвата скота и инвентаря, 58 лесных порубок, 25 поджогов и 88 прочих случаев[2].

Происходивший 4 сентября IV губернский с'езд крестьянских депутатов свидетельствовал о росте авторитета большевиков среди крестьянства.

---

[1] Тульский отдел Мособлархива, ф. 36/1, Протоколы Тульского совета рабочих и солдатских депутатов, л. 246.

[2] Из материалов Тульского краеведческого музея.

По аграрному вопросу на с'езде выступил специально приехавший, в связи с ростом крестьянской борьбы, товарищ министра внутренних дел эсер Гуревич. Делегаты просили министра раз'яснить суть аграрных программ отдельных партий, а особенно партии большевиков.

Суть раз'яснений Гуревича по программам свелась примерно к следующему: «большевики о трудовом землепользовании не говорят, а указывают на социалистическое круговое хозяйство».

На вопрос крестьян: «какая партия желает, чтобы земля перешла народу и что отделяет платформу крестьян от других платформ», Гуревич рекомендовал «прочесть земельный закон II Думы» и при этом пояснил, что только труд имеет право на землю. Малоземельным в первую очередь по трудовой норме хватит. Много земли в Сибири. Об оплате отчуждаемой земли не может быть речи, но временную поддержку «в виде известных денежных пайков получат все лица, у которых имения отчуждены, как лица, не способные к труду».

Так, играя на собственнической стороне крестьянской психологии, пугая мужика «социалистическим круговым хозяйством», представитель эсеров предлагал крестьянам остановиться на столыпинской аграрной программе.

С докладом по продовольственному вопросу выступил эсер Мамырин. Как на основное мероприятие по разрешению продовольственного вопроса, он указал на «введение твердых цен». Крестьян не удовлетворила предложенная эсерами резолюция. Они настаивают на внесении ряда поправок из резолюции, предложенной большевиками. Под диктовку делегатов с'езда принимаются следующие поправки из большевистской резолюции: «о реквизиции хлеба у помещиков», «о необходимости перехода помещичьих земель в распоряжение земельных комитетов до Учредительного собрания» и «о самой энергичной борьбе за мир». Требование делегатов с'езда безоговорочно принять указанные по-

правки вызвало со стороны эсеров попытку сорвать с'езд, об'явив его неправомочным («Пролетарская правда» № 21 от 26 сентября).

Все три поправки, предложенные большевиками, прошли подавляющим большинством, не помог и авторитет присутствовавшего на с'езде товарища министра внутренних дел Гуревича.

Правда, с которой большевики шли в массы, большевистская правда, проверенная на опыте революционной борьбы, подводила и крестьянские массы Тульской губернии к восприятию большевистских лозунгов.

Крестьянин Егоров в своем письме в «Пролетарскую правду» так об'яснял, чем определяются среди крестьянства симпатии к большевикам: «И сейчас, — пишет он,— мне приходится встречаться с партийными работниками — социалистами-революционерами и меньшевиками, которые со своими буржуазными взглядами только говорят, но ничего не делают... Ведь теперь видно, что только и можно итти одной правильной дорогой, чтобы уйти от братоубийства, спасти человечество, — это путь, как ни лукавь, а идет по пути большевиков...» [1]

Выше мы уже говорили, что тульская организация большевиков расширила в сентябре свою деятельность в деревне.

«В сентябре, — вспоминает работник Веневского уезда, — наша ячейка большевиков увеличилась и окрепла. Был организован уездный комитет партии, который выделил из своей среды активных работников, направил их во все волости и крупные селения уезда для подготовки взятия власти советами» [2].

«В губернии, — пишет губкомиссар в своем сообщении от 4—5 октября,—замечается распространение пропаганды большевиков» [3].

---

[1] «Пролетарская правда» № 19 от 19 сентября 1917 г.

[2] «10-я годовщина Октября», стр. 69, изд. Тульского Истпарта, 1927 г.

[3] «Крестьянское движение в 1917 г.», стр. 322.

На сходках и общих собраниях крестьянство принимает резолюции, в которых ярко отражено влияние среди них большевиков. Крестьянами Новоспасского и Петровского сел Епифанского уезда на сходе 5 октября было принято постановление, в котором они требовали:

1. Полного разрыва соглашательства с буржуазией и удаления буржуазных министров из правительства.

2. Всей власти в руки рабочих, солдат и крестьян.

3. Немедленного освобождения всех арестованных большевиков и интернационалистов как истинных защитников революции.

4. Требуем немедленно отменить смертную казнь, которая служит орудием контрреволюции.

5. Для защиты революции повсеместно необходимо вооружение рабочих и солдат.

6. Требуем решительной политики в пользу мира и опубликования тайных договоров.

7. Предания революционному суду всех контрреволюционеров.

8. Немедленно передать всю землю в ведение крестьянских комитетов до окончательного разрешения земельного вопроса в Учредительном собрании.

9. Требуем монополии всех продуктов широкого потребления.

Аналогичные резолюции были приняты крестьянами села Набережного Богородицкого уезда 5 октября, крестьянами Старо-Петришевского общества Тульской губернии 18 октября и др.

Особенно интересны в этом отношении две приведенные ниже резолюции:

«Крестьяне села Востьянова Береховской волости Одоевского уезда приняли 15 октября 1917 г., в количестве 240 человек, следующую резолюцию:

1) ...передачи всей полноты власти совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

2) Освобождения арестованных большевиков и

интернационалистов вообще как истинных защитников революции и беднейшего населения.

3) Отмены смертной казни, решительного демократического мира.

4) Опубликования тайных договоров и предания революционному суду всех контрреволюционеров.

5) Немедленной передачи всей помещичьей, кабинетной, удельной, монастырской и других земель в распоряжение земельных комитетов, введения монополии продуктов широкого потребления.

6) В ответ на требования комиссии возвратить лошадей — возвратить их по переходе земли в руки земельных комитетов.

7) По выборам в Учредительное собрание решили единогласно голосовать за список кандидатов РСДРП (большевиков), ибо они есть защитники всего беднейшего населения крестьян. А также просим товарищей следовать нашему примеру, ни одного голоса могильщикам революции — эсерам и меньшевикам, соглашателям с буржуазией»[1].

«Мы, крестьяне села Мартемьянова, собравшись на сход в количестве 350 граждан:

1. Требуем конфискации всех типографий буржуазных газет, ибо цель желтой прессы — затемнить глаза темному крестьянству и натравливать их против истинных борцов за землю и волю, и заявляем всем и каждому, что истинные борцы за землю и волю это есть товарищи социал-демократы (большевики).

2. Требуем рабочий контроль над промышленностью.

3 Требуем землю земельным комитетам.

4. Требуем отмены смертной казни.

5. Требуем предложить всем воюющим государствам справедливые условия мира от имени всего русского народа.

---

[1] «Пролетарская правда» № 38 от 24 октября (6 ноября) 1917 г.

6. Требуем монополии всех продуктов широкого потребления.

7. Все эти мероприятия могут провести в жизнь не капиталисты и помещики, а только революционные крестьяне, солдаты и рабочие. Поэтому требуем передачи им всей власти как в центре, так и на местах.

8. Шлем земной привет неустанным революционерам: товарищам Ленину, Луначарскому, Коллонтай.

9. Шлем привет «Пролетарской правде»[1].

Крестьяне вооружались для борьбы с карательными отрядами, с белой гвардией помещиков. В селе Сергеевском Крапивинского уезда, в имении Гагарина, были разбросаны прокламации с призывом к разгрому.

«Крестьяне,— пишет корреспондент «Тульской молвы»,— поголовно вооружены — одни холодным, другие огнестрельным оружием. М. В. Тихомировым (управляющий имением)... вызваны драгуны».

Крестьянская борьба в деревне заставила губернский земельный комитет в заседании от 13 октября (ст. ст.) под председательством эсера Вослянского принять решение о передаче всех земель сельскохозяйственного значения, лесов, инвентаря, за исключением казенных, в ведение земельного комитета[2].

Принятие Тульским земельным комитетом этого решения, одобренного крестьянством еще на II губернском крестьянском с'езде 16 июня, вызвало борьбу внутри земельного комитета. Весь эсеровский состав президиума, заявив о незаконности принятого решения, подал в отставку.

Был избран новый президиум. Кроме того, решение Тульского губернского земельного комитета вызвало энергичный отпор со стороны губернских органов власти и центрального правительства. Прокурор Тульской губернии приостанавливает по жалобе союза земельных собственников решение Тульского губернского земельного комитета. Министр внутренних дел по-

---

[1] «Пролетарская правда» № 34 от 19 октября (1 ноября) 1917 г.

[2] «Тульская молва» № 2965 от 17 октября 1917 г.

сылает в Тулу для расследования решения Тульского губернского земельного комитета и разработки на месте решительных мер борьбы с земельными беспорядками товарища министра В. Д. Хижнякова.

15 октября утром в Тулу приехал товарищ министра внутренних дел Хижняков с секретарем министерства Кордэ. При губернском комитете общественных организаций в тот же день было созвано экстренное частное совещание, на котором присутствовали: члены прокурорского надзора, следственных и судебных органов, городской голова, губернский комиссар, представители от земств, земельного комитета и других ведомств, представители совета рабочих и солдатских депутатов и др.

Совещание это, происходившее при закрытых дверях, обсуждало вопрос «о текущих событиях в Тульской губернии в связи с движением террористического характера в Ефремовском, Новосельском, Богородицком, Епифановском уездах и об утверждении твердой власти на местах».

Совещание не пришло к каким-либо определенным выводам.

Проводя в жизнь решение ЦК партии о восстании, тульские большевики ставят вопрос о перевыборах эсеро-меньшевистского Тульского совета рабочих депутатов и ведут работу по укреплению Красной гвардии. 16 октября они ставят этот вопрос на заседании Тульского совета рабочих и солдатских депутатов. И здесь большинством собравшихся принимается решение — «назначить перевыборы совета и закончить их не позднее 25 октября».

За большевистскую резолюцию голосовало 74, против—57 и 13 воздержалось. Это была первая большевистская резолюция, принятая на заседании Тульского совета рабочих и солдатских депутатов, она ярко говорила о тех сдвигах, которые произошли в среде тульских рабочих.

Потерпев поражение в вопросе перевыборов Тульского совета, меньшевистско-эсеровская часть его пытается применить маневр, чтобы обеспечить себе преобладающий состав во вновь избранном совете. Меньшевик Ахматов предлагает выборы в совет производить не по мастерским, а по предприятиям в целом, рассчитывая на то, что общезаводский масштаб выборов обеспечит больше шансов меньшевикам и эсерам.

Большевики внесли предложение выборы производить по мастерским, чтобы обеспечить участие в выборах самых широких рабочих масс. Используя всевозможные ухищрения, меньшевики и эсеры протаскивают свое предложение: проводить общезаводские выборы. Соглашателям удается протащить и решение о том, что «ни одна партия не может входить в мастерские заводов для агитации и сбора средств на предвыборную кампанию» [1].

За предложение голосовали 80, против — 46 и 23 воздержались.

22 октября Тульский комитет РСДРП(б) обратился с воззванием ко всем рабочим, солдатам и крестьянам Тульской губернии. В обращении говорилось о перевыборах всех организаций рабочего класса, которые из боевых органов по вине эсеро-меньшевиков «во многих случаях превратились в слуг администрации и капитала».

В стране наступил решающий момент. Революция и контрреволюция, мобилизовав свои силы, стояли лицом к лицу.

Временное правительство вновь отдает приказ об аресте Ленина. В тот же день, 20 октября, правительственный комиссар Галин, прибыв с отрядом казаков в Калугу, разгромил Калужский совет и арестовал большевистских депутатов.

---

[1] «Пролетарская правда» № 37 от 22 октября (4 ноября) 1917 г.

Калужские большевики обратились за помощью в Тульский совет рабочих и солдатских депутатов.

20 октября на заседании Тульского совета рабочих и солдатских депутатов выступили представители Калужского совета. Тульский комитет большевиков немедленно откликнулся в помощь калужским товарищам. Был организован и хорошо вооружен отряд тульских красногвардейцев в 70 человек. На станции Средняя к ним присоединился красногвардейский отряд Петровского ремонтно-оружейного завода из Алексинского уезда. Тульский отряд Красной гвардии находился в Калуге до конца ликвидации контрреволюции.

Отправив красногвардейский отряд в помощь калужским рабочим, тульские большевики мобилизуют остальную часть Красной гвардии и гарнизон, чтобы приостановить продвижение карательной экспедиции, которая имела своим направлением Калугу, Тулу, Москву и рассчитана была на захват тульского арсенала.

Днем 25 октября тульские большевики, через условную телеграмму Московского областного бюро ЦК большевиков, узнали о начавшемся восстании в Петрограде.

В тот же день для получения инструкций в Москву был послан товарищ Бундурин.

В Туле при большевистском комитете 7 ноября (25 октября) был организован ВРК, в состав которого вошли тт. Шкирятов, приехавший в октябре в Тулу по поручению ЦК для помощи и руководства тульской организацией большевиков, Куренков Ф. и др. В этот день меньшевики и эсеры по инициативе об'единенцев (Лейтейзен, Бригадиров) собрали в городской думе совещание тульской «демократии», думских деятелей и «народных социалистов». Большевики отказались от участия в совещании, заявив, что только Тульский совет рабочих и солдатских депутатов правомочен на созыв такого совещания и что они не намерены совещаться с «народными социалистами». На совещании в городской думе была принята резолюция, в которой говорилось, что городская дума, «стоя

на страже первейших основ государственности и революционного порядка, будет всеми имеющимися в ее распоряжении средствами решительно бороться с попытками захвата власти, откуда бы они ни исходили».

На совещании было принято решение организовать «комитет общественной безопасности» из 10 человек от думы и по 2 от каждой общественной организации.

Тульские большевики в этот день организовали митинг в Тульском гарнизоне, на котором была принята резолюция о поддержке Совета народных комиссаров.

26 октября митинги проходят в 77-м пехотном запасном полку и в 76-м, где были приняты большевистские резолюции. Так, на общем собрании 2, 9, 10, 11 и 12-й рот 76-го пехотного запасного полка была принята следующая резолюция:

«1. Требуем немедленной передачи власти в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и организации Военно-революционного комитета.

2. Строгого контроля над командным составом.

3. Категорически требуем полного вооружения рот»[1].

На общем собрании солдаток была также принята большевистская резолюция, в которой говорилось: «всеми силами будем поддерживать новое правительство»[2].

27 октября (9 ноября) на заседании Тульского военно-революционного комитета был поставлен вопрос о том, как быть с советом.

Прошедшие перевыборы Тульского совета рабочих и солдатских депутатов к 25 октября дали большевикам в совете 110 мест вместо 45 до перевыборов, причем абсолютное большинство большевики получили в рабочей секции Тульского совета. Меньшевики и эсеры сорвали выборы по Тульскому гарнизону, сохранив старый состав солдатской секции Тульского совета.

---

[1] «Пролетарская правда» № 43 от 28 октября (9 ноября) 1917 г.

[2] Там же.

Остались непереизбранными цеховые, заводские, железнодорожные комитеты. В составе Тульского совета и после выборов меньшевики и эсеры вместе составляли большинство в 140 человек.

В то время как большевики проводят по гарнизону митинги и собрания, совет солдатских депутатов созывает гарнизонное совещание полковых, ротных, дружинных и командных комитетов по вопросу о власти. На совещании 80 голосами против 20 принимается эсеровская резолюция, осуждающая захват власти в Петрограде большевиками. Но это было мнение соглашательских верхов; решение солдатских и рабочих низов было другое — за поддержку Совета народных комиссаров.

На патронном заводе большевики имели абсолютное большинство. На оружейном отдельные мастерские шли целиком за большевиками.

Вечером 27 (9 ноября) Тульский ВРК устроил собрание 77-го пехотного запасного полка. На собрании была избрана большевистская пятерка для руководства гарнизоном.

77-му полку было поручено усилить караул арсенала. Также был поставлен вопрос и принято решение о задержке эшелонов, идущих в Москву на поддержку юнкеров.

«Комитет общественной безопасности», узнав о решении 77-го полка о захвате тульского арсенала, отправил делегацию в 76-й полк за поддержкой. 76-й запасной пехотный полк отказался выступить против решения 77-го полка.

30 октября в Народном доме состоялось первое заседание вновь избранного совета рабочих и солдатских депутатов. Центральным вопросом был вопрос о власти, об отношении к петроградским событиям.

Перед заседанием совета этот вопрос решался на фракции большевиков.

При обсуждении этого вопроса на фракции отдельные члены ее (Вепринцев, Сорокин, Лобанов, Найденкин) заявили о своем несогласии с линией на немедлен-

ную передачу всей полноты власти новому совету рабочих и солдатских депутатов.

На заявление членов партийного комитета, что такое поведение Вепринцева, Найденкина и др. равносильно выходу из партии, Вепринцев, Найденкин и Лобанов заявили о своем уходе из партии. Тт. Сорокин и Орлов подчинились решению фракции. Изменническое поведение Вепринцева и Найденкина не остановилось на этом. Вепринцев вынес этот вопрос 13 ноября на пленум Тульского совета рабочих и солдатских депутатов. Перед голосованием резолюции, предложенной большевиками, Вепринцев выступил с заявлением, что «он и часть большевиков, ввиду расхождения их с большевистской фракцией по вопросу о переходе власти к советам, будут голосовать против резолюции, выносимой большевиками».

Заявление Вепринцева нашло поддержку у об'единенцев и интернационалистов. Бригадиров, Лейтейзен говорили о необходимости создания «однородной социалистической власти», «социалистического министерства».

Голосование резолюций выяснило состав и настроение Тульского совета. За резолюцию, предложенную большевиками, голосовало 109, за резолюцию меньшевиков и эсеров — 147, при 8 воздержавшихся. Принятая эсеро-меньшевистским большинством совета резолюция призывала «оба лагеря революционной демократии» встать на путь соглашения для создания однородной социалистической власти, восстановить единый революционный фронт для предотвращения дальнейшей борьбы.

Меньшевиками и эсерами было сделано предложение избрать особый комитет при совете рабочих и солдатских депутатов с представителями железнодорожного совета, городской думы и профессиональных союзов.

Решение об организации комитета было принято.

Таким образом, избранный 25 октября «комитет общественной безопасности» был эсеро-меньшевиками

реорганизован в «комитет народной борьбы с контрреволюцией» (читай: революцией). Ему же были переданы полномочия «Тульского комитета спасения революции», сформированного еще в корниловские дни. В «Комитет народной борьбы с контрреволюцией» счел необходимым войти для «контакта» примиренчески настроенный к меньшевикам и эсерам Каминский Г. Н., затруднив тем самым борьбу тульских большевиков с этой контрреволюционной организацией.

30 октября на заседании Тульского совета, несмотря на то, что большинством в 147 голосов была принята эсеро-меньшевистская резолюция, председателем Тульского совета рабочих и солдатских депутатов 105 голосами за, при 97 воздержавшихся и 8 против был избран большевик.

1 ноября состоялись выборы исполнительного комитета Тульского совета рабочих и солдатских депутатов. Было принято решение о пропорциональном представительстве течений.

В президиум совета в большинстве проходят большевики.

Здесь сказалась попытка эсеро-меньшевистского большинства в совете сманеврировать, сохраняя прежний состав совета с его большинством. Эсеро-меньшевики под напором требований масс о передаче всей полноты власти совету вынуждены были допустить в руководящие его органы большевиков.

30 октября, в момент заседания Тульского совета рабочих и солдатских депутатов, Тульский ревком силами солдат 77-го пехотного запасного полка и Красной гвардии погружает оружие для отправки в Москву.

Таким образом, в этот день в Москву было отправлено 10 пулеметов, более 200 винтовок, патроны и пулеметные ленты.

Надо сказать, что выступавшие на заседании совета большевики сознательно затягивали свои выступления, пока не увидели входящих в зал заседания красногвардейцев, которые отправляли оружие. Меньшевики и эсеры на заседании совета 30 октября провели решение об охране арсенала советом, т. е. так называемым «комитетом народной борьбы с контрреволюцией».

Помощь Москве со стороны Тульского ВРК не ограничилась отправкой оружия.

Тульская Красная гвардия в первой половине ноября уже насчитывала 350 человек. «Оружия много,— сообщалось в штаб Красной гвардии Московской области,— каждый красногвардеец имеет револьвер с 14 патронами и винтовку. Пулеметов много. Оплачивают Красную гвардию заводы...» [1].

Тульские красногвардейцы задерживали и разоружали поезда, проходившие на Москву в помощь юнкерам. 28—29 октября, например, было получено сообщение, что на Москву идет кавалерийский эшелон в 40 вагонов. ВРК мобилизовал Красную гвардию. Под станцией Тула был разобран путь и выставлены красногвардейцы. Узнав о встрече в Туле, эшелон переменил направление, о чем ВРК Тулы предупредил ВРК Москвы.

В то же время, вследствие оппортунистического поведения Каминского, Векринцева и др. власть в Туле продолжала оставаться в руках эсеро-меньшевистского совета рабочих и солдатских депутатов и эсеро-меньшевистской городской Думы. Перед тульскими большевиками встала задача мобилизовать все силы для окончательного разрешения вопроса о власти.

Эсеро-меньшевистский «комитет народной борьбы с контрреволюцией» имел свои вооруженные отряды.

---

[1] ЦАУ, д. № 234—514, ф. Штаба Красной гвардии Московской области, № 7—14.

Эсеровская организация имела сильный (примерно 500 человек), хорошо вооруженный боевой отряд.

Многочисленные вооруженные белогвардейские отряды были разбросаны по уездам. В городе Кашире, например, действовала белая гвардия. Туда входили писаря, учителя и ученики реального училища. Здесь же действовал «комитет спасения революции и родины», в него входили воинский начальник капитан Туслов и председатель думы Дубровский[1].

Это ставило перед тульскими большевиками вопрос о выборе момента для окончательного оформления перехода власти к Тульскому совету рабочих и солдатских депутатов.

«Комитет народной борьбы с контрреволюцией» предпринимает ряд мер наступательного характера. Он берет под свое руководство работу чрезвычайной следственной комиссии, организует по деревням ряд карательных экспедиций, назначает меньшевика Александрова представителем от комитета в арсенал. Он организует отправку маршевых рот на фронт, ставит вопрос о выводе 77-го пехотного запасного полка из Тулы. Представителя «комитета борьбы с контрреволюцией» караул и рабочие арсенала встретили так, что на другой день, 3 (16) ноября, Александров вынужден был сложить свои полномочия «ввиду странного отношения к нему лиц, находящихся в арсенале»[2].

3 ноября Тульский ВРК принял решение всеми мерами воспрепятствовать выводу революционного полка из Тулы.

4 ноября на заседании Тульского ВРК стоял вопрос о борьбе с «комитетом борьбы с контрреволюцией».

На этом же заседании был принят устав Красной гвардии.

---

[1] Мособлархив, ф. 94, д. № 1069, оп. 2, св. 4, л. 10.

[2] Тульский отдел Мособлархива, ф. Тульского губисполкома, д. ВРК и «комитета народной борьбы с контрреволюцией», л. 4.

★

Прошедшие в ноябре выборы в Учредительное собрание по Тульской губернии показали, что произошла глубокая размежовка сил, что за большевиками шла основная масса тульского пролетариата и беднота деревни.

При выборах в Учредительное собрание большевики получили первое место по городу Туле. Из 35 418 голосовавших за большевиков было подано 12 058, на втором месте шли кадеты — 8 297 голосов, потом социал-демократы — 4 998, беспартийный список — 1 724, народные социалисты — 574, кооператоры — 210, так называемый список Лейтейзена — 115 человек и список Басовского — 15 голосов. Подавляющее большинство из 8-тысячного Тульского гарнизона голосовало за большевиков.

Два списка по существу боролись за выборы в Учредительное собрание — большевиков и кадетов.

Большая активность при выборах в Учредительное собрание по Тульской губернии наблюдалась в деревне, где боролись главным образом два списка — большевиков и эсеров. В тех уездах, где особенно остро проходила борьба крестьян за землю, где с первых дней февральской революции большевики, умело руководя крестьянской борьбой, показали правильность своих лозунгов, победа оказалась на стороне большевиков. Такими уездами были:

	большевики	эсеры
Каширский	18 778	5 878
Веневский	28 633	7 922
Богородицкий	26 908	2 902
Епифанский	24 769	16 196
Новосельский	31 070	25 576

В Крапивинском, Чернском, Одоевском, Белевском уездах некоторый перевес оказался за эсерами, причем в городе Белеве первое место получили кадеты, вто-

рое — меньшевики, третье — большевики. В Белевском гарнизоне первое место получили большевики. Впоследствии, в 1918 и 1919 гг., именно эти уезды Тульской губернии являлись очагами кулацких восстаний.

Об'единенные силы контрреволюции всеми мерами стремились сорвать рост успеха большевиков. Так, из приговора Каменского сельского общества Папортской волости Богородицкого уезда от 21 ноября мы узнаем, что гражданам села Каменки, решившим голосовать за список № 5, препятствовали председатель избирательного комитета Крюков и член волостной земельной комиссии Павел Лосев: «они на нас поднимают окружающие деревни: Алексеевские выселки, деревню Вылетовку и др., чтобы разгромить за то, что мы голосовали за № 5.

Посему мы решили,— говорится далее в приговоре,— организовать при селе Красную гвардию в количестве 10 человек для защиты свободы, завоеванной революцией... а посему ходатайствуем перед комитетом партии социал-демократов большевиков об отпуске нам оружия и командировать к нам для расследования уполномоченного...» [1]

Рабочий класс Тулы приветствует Совет народных комиссаров и требует перехода власти в руки советов.

3 ноября на общем собрании рабочих и работниц второй смены пульной мастерской в количестве 750 человек абсолютным большинством голосов была принята резолюция:

«В дни действительной борьбы, когда в Петрограде уже установилась новая народная власть, созданная Всероссийским с'ездом советов РС и КД, а в Москве

---

[1] «Пролетарская правда» № 68 от 27 ноября (10 декабря) 1917 г.

идет бой революционных сил против буржуазии, мы, рабочие, открыто и честно становимся на сторону нового правительства и считаем своим революционным долгом всеми силами поддерживать общероссийское движение, закрепляющее петроградскую победу народа»[1].

Крестьянство Тульской губернии требует перехода власти в руки советов рабочих и солдатских депутатов. На местах, там, где особенно сильны были влияние и авторитет большевиков, берут власть в свои руки уездные советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, не ожидая разрешения этого вопроса в губернском центре. В первых числах ноября в Веневском уезде была об'явлена власть советов и решено созвать I уездный с'езд советов.

3 ноября Тульский Губернский земельный комитет подтвердил свое решение о переходе земли в ведение волостных земельных комитетов. При этом рекомендовалось не производить полного раздела, а обратить внимание лишь на те земли, которые остаются необработанными, неисползованными.

Трудящиеся массы крестьянства и беднота Тульской губернии прошли мимо эсеровской кулацкой инструкции Губернского земельного комитета. Приняв декрет Совета народных комиссаров о земле, они начали революционным путем осуществлять этот декрет.

В центре установилась советская власть. Она издала знаменитые декреты о земле и о мире.

В Тульской же губернии меньшевики и эсеры в тесном единении с кадетами, с их «комитетом народной борьбы с контрреволюцией» противодействуют проведению в жизнь декретов II с'езда советов о земле, о мире, о рабочем контроле над производством.

---

[1] «Пролетарская правда» № 52 от 9 (22) ноября 1917 г.

Финансовое и продовольственное положение в Туле становилось катастрофическим. Хлебный паек был сокращен до полуфунта. Надежд на вывоз хлеба из помещичьих имений не было. Фабрика Кузнецова продолжала стоять. Стояли Судаковский завод, портновская мастерская Михаенко и др.

Попытка городской думы ввести обложение рабочих тульских заводов на заготовку хлеба — с мужчин по 10 руб., и с женщин по 3 руб.— встретила отпор со стороны рабочих. В своих резолюциях рабочие категорически отказываются от поддержки управы, выражают ей недоверие и требуют обложения имущих классов.

На пленарном заседании Тульского совета рабочих и солдатских депутатов 28 ноября центральным вопросом было «урегулирование производственного и продовольственного вопросов».

Выступавшие делегаты указывали на невозможность разрешить эти вопросы при сохранении меньшевистско-эсеровского руководства.

Меньшевики и эсеры, видя, какой оборот принимает обсуждение этих вопросов, пытаются сорвать пленум Тульского совета рабочих и солдатских депутатов. Они требуют закрытия заседания в честь открытия Учредительного собрания. Их предложение о закрытии заседания отвергается большинством голосов. Тогда эсеры и меньшевики демонстративно покидают заседание Тульского совета рабочих и солдатских депутатов.

Абсолютным большинством голосов при пяти воздержавшихся и одном против принимается резолюция, предложенная большевистской фракцией. Увязав продовольственный вопрос с вопросом о власти, резолюция наметила ряд практических предложений и выделила продовольственную комиссию при совете рабочих и солдатских депутатов, работавшую под руководством т. Шкирятова.

О фабрике Кузнецова совет принял решение: «вви-

ду упорного саботажа администрации реквизировать и фабрику и магазины Кузнецова»[1].

Рабочие единодушно поддерживают в своих резолюциях решение Тульского совета рабочих и солдатских депутатов по продовольственному и производственному вопросам.

Губернская продовольственная управа во главе с меньшевиком Дзюбиным прямо заявила, что она не считается не только с предложениями избранной на заседании совета продовольственной комиссии, но и с центральной властью. В протоколе пленарного заседания Губернского земельного комитета от 2 декабря, в ведении которого находился продовольственный комитет, записано, что «Губернский земельный комитет, заслушав внеочередное заявление председателя Губернского продовольственного комитета о вмешательстве так называемой власти народных комиссаров в дело продовольствия, считает своим долгом протестовать против того, чтобы налаженная продовольственная организация разрушалась захватчиками»[2]. Далее в решении «доводится до сведения Губернского продовольственного комитета и его контрагентов, что вышеозначенный приказ (приказ советского органа) ни для кого не обязателен как отданный ненадлежащим органом».

Подводя массы к пониманию, что суть разрешения всех вопросов лежит в том, на чьей стороне власть, завоевав абсолютное большинство среди рабочих и крестьянской бедноты Тулы и Тульской губернии, тульские большевики 6 (19) декабря на заседании сначала городского партийного комитета, потом фракции большевиков Тульского совета рабочих и солдатских депутатов решили 7 декабря на заседании совета рабочих и солдатских депутатов поставить вопрос о переходе всей полноты власти в Туле и в Тульской гу-

---

[1] Тульский отдел Мособлархива, ф. 36/1, Протоколы Тульского совета рабочих и солдатских депутатов, лл. 276—277.

[2] «10-я годовщина Октября», изд. Тульского Истпарта 1927 г.

бернии в руки совета рабочих и солдатских депутатов.

На заседании совета рабочих и солдатских депутатов выступили члены продовольственной комиссии оружейного и патронного заводов с внеочередным заявлением о том, что невозможно проводить в жизнь мероприятия по самостоятельной закупке хлеба для заводов, так как Губернский продовольственный комитет это производить всячески запрещает, ссылаясь на закон Временного правительства о монополии цен. Рабочие требовали ответа на поставленные ими вопросы. Большевистская фракция совета вскрыла классовую суть Губернского продовольственного комитета, который в интересах помещиков применял военную силу против революционных крестьян. Большевики заявили, что необходимо образовать новый продовольственный комитет, который подчинился бы власти Совета народных комиссаров, а здесь, в Туле, совету рабочих и солдатских депутатов.

Меньшевики и эсеры потребовали перерыва для обсуждения вопроса на фракциях. Большинством совет решает перерыва не устраивать, прений не открывать. Меньшевики и эсеры, заявив, что они снимают с себя всякую ответственность за принятие советом того или иного решения, покидают заседание.

В предложенной фракцией большевиков и принятой абсолютным большинством оставшихся большевиков, левой части эсеров и беспартийных резолюции говорилось:

«Правильная продовольственная политика может проводиться только тогда, когда установится власть советов рабочих и солдатских депутатов, а поэтому Тульский совет рабочих и солдатских депутатов с сегодняшнего дня берет в свои руки всю власть, как в городе Туле, так и в Тульской губернии».

Совет рабочих и солдатских депутатов вынес решение о роспуске «комитета народной борьбы с контрреволюцией».

Военно-революционный комитет, созданный 25 октября при городском партийном комитете, стал Военно-революционным комитетом при Тульском совете рабочих и солдатских депутатов.

На заседании был принят текст воззвания «К рабочим, солдатам и крестьянам Тулы и Тульской губернии».

В воззвании разоблачались преступные махинации меньшевиков и эсеров, которые препятствовали переходу власти к советам. Население призывалось подчиниться выделенному советом Военно-революционному комитету. «Отныне, — говорилось в заключении воззвания,—в Туле установлена одна власть, общая со всей Россией, власть советов рабочих, солдат и крестьян. Кто не с нами, кто не признает власти советов, рабоче-крестьянской власти, тот враг народа, враг революции.

Да здравствует рабоче-крестьянская революция!

Тульский совет рабочих и солдатских депутатов.

Военно-революционный комитет Тульского совета»[1].

Рабочие Тулы приветствовали переход власти к совету рабочих и солдатских депутатов. 8 декабря рабочие коробочно-взрывчатой мастерской Тульского оружейного завода на общем собрании признали необходимым оказывать полную поддержку власти Тульского совета и Военно-революционного комитета.

Аналогичные резолюции, приветствовавшие переход власти к совету рабочих и солдатских депутатов Тулы и оказание полной поддержки ВРК, были приняты 9 декабря общим собранием штыковой мастерской, магазинной мастерской, коробочной мастерской оружейного завода, третьей сменой латунно-прокатного отдела, мастеров и рабочих депо Московско-курской железной дороги, литейной мастерской, солдатами 11 и 12-й нестроевых рот 77-го полка.

Аналогичные резолюции 11 декабря приняты мыловаренным заводом «Флорваль», двумя сменами гиль-

---

[1] «Пролетарская правда» № 78 от 9 (22) декабря 1917 г.

зовой мастерской патронного завода, двумя сменами малогильзовой мастерской, 2-й механической мастерской патронного завода.

Такие же резолюции стали поступать и из уездов. Так, 10 декабря с'ездом советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Веневского уезда единогласно, при двух воздержавшихся, принята была резолюция, приветствующая Тульский совет рабочих и солдатских депутатов, взявший власть в свои руки.

★

Первые шаги советская власть Тулы совершала при продолжающемся и организованном саботаже со стороны меньшевиков и эсеров. Разоблаченные и выбитые из Тульского совета, они упорно держатся в городской думе, в губернской продовольственной управе, в совете железнодорожных депутатов, кооперативных организациях, и др.

Верхи городских и земских служащих решили бороться с советской властью и избрали свой стачечный комитет. Старая продовольственная управа продолжала работать по-старому, не подчиняясь распоряжениям комиссара по продовольствию. В городе росла спекуляция предметами широкого потребления. Администрация железной дороги саботировала доставку продовольствия и грузов для Тулы.

ВРК предпринимает ряд чрезвычайных мер, парализующих действия меньшевиков и эсеров. 17 декабря на созванном ВРК продовольственном совещании был создан новый Губернский продовольственный комитет и выбрана из состава комитета новая продовольственная управа.

21 декабря ВРК опубликовал обязательное постановление о введении твердых цен на продукты первой необходимости.

Для борьбы с саботажем на железных дорогах и урегулирования перевозок назначен комиссар по железным дорогам.

В начале деятельности вновь сформированного ВРК им был выделен военный комиссар при начальнике Тульского гарнизона. На заседании ВРК 9 декабря было вынесено постановление: «...2) о революционной дисциплине (в гарнизоне), 3) о роспуске офицерского собрания, 4) комендатуру в руки гарнизона, чтобы все офицеры зарегистрировались и подчинились начальнику гарнизона, 5) открыть стол продовольствия, 6) подчинить начальнику гарнизона всех уездных начальников, 7) ходатайствовать о назначении нового начальника бригады, 8) организовать штаб Красной гвардии»[1].

На заседании ВРК 9 декабря выделены комиссары по продовольствию, по жилищам, комиссар справочного бюро[2].

Остальные комиссары назначались в процессе работы.

В целях разрешения финансовых затруднений ВРК в заседании 10 декабря постановил: «взыскать с капиталистов города Тулы 200 тыс. руб., вплоть до конфискации».

Переход власти в Туле в руки советов, роспуск «комитета народной борьбы с контрреволюцией» дали возможность ВРК правильно организовать помощь оружием для борьбы с белыми на фронтах гражданской войны. 9 декабря юзовским райпарторганизациям было отпущено 2 пулемета, 1 тыс. винтовок. 10 декабря харьковской Красной гвардии отпущено 5 тыс. винтовок, 400 тыс., патронов, 50 револьверов, 2 пулемета и 10 пулеметных лент[3].

11 декабря Рязанскому совету рабочих и солдатских депутатов отпущено 5 пулеметов, 5 тыс. винтовок. Северным отрядам по борьбе с контрреволюци-

---

[1] «Известия Тульского совета рабочих и солдатских депутатов и Губернского ВРК» № 3 от 13 декабря 1917 г.

[2] Там же.

[3] Там же.

ей — 250 револьверов. 13 декабря центральному штабу Красной гвардии—2 пулемета, 1 тыс. винтовок и т. д.

Тула становится арсеналом революции.

Моментом, окончательно укрепившим власть советов в Тульской губернии, явилась созванная в конце декабря, губернская партконференция, об'единившая деятельность большевистских организаций всей Тульской губернии, и созванный по решению губернской конференции с'езд крестьянских депутатов (3 декабря 1918 г.).

С'езд крестьянских депутатов принял резолюцию, в которой приветствовал взятие власти в Туле советом рабочих и солдатских депутатов и считал необходимым установление и укрепление ее по всей губернии.

Н. БОЛЬШАКОВ

Подольск перед октябрем и в октябре 1917 года

В начале 1917 года Подольский уезд насчитывал 33 крупных, средних и мелких предприятия с 13 тыс. рабочих.

Самые крупные заводы находились в городе. Американский завод швейных машин Зингера насчитывал 4 тыс. рабочих-металлистов.

Рядом с ним находился снарядный завод Земского и Городского союзов (Земгор). Здесь работало около

3 тыс. человек, в том числе прибывшая с фронта воинская часть (600 человек). Богатые залежи известняков в окрестностях города благоприятствовали развитию промышленности вяжущих веществ. В двух километрах от города находился большой цементный завод, на котором работало до тысячи рабочих, а около него расположилось несколько кустарных заводиков.

Восемь километров отделяли от города Климовский механический завод Московского акционерного общества механических изделий. Он, как и другие заводы, выполнял срочные заказы на оборону.

Шесть текстильно-суконных фабрик были раскинуты в разных концах уезда вдали от железных дорог; здесь дешевая рабочая сила давала фабрикантам колоссальные прибыли.

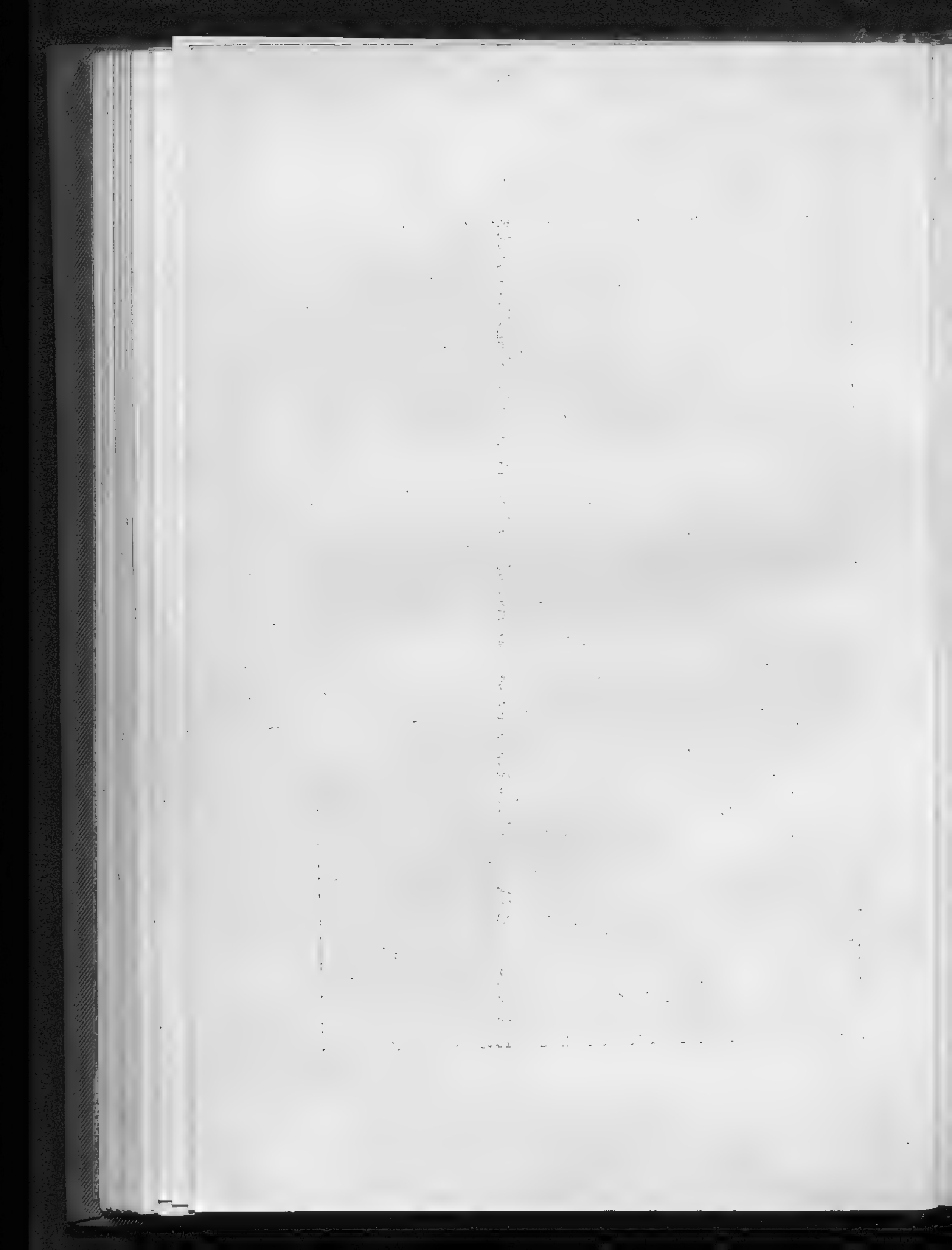
Малоземелье заставляло крестьян искать подсобных заработков и промыслов. В некоторых волостях в широких размерах было развито фетровое, игрушечное и другое кустарное производство.

Большевистская организация, руководившая в 1913 г. 42-дневной забастовкой на заводе Зингера, еще перед войной была разгромлена. Восстановить ее удалось только в 1916 г. в виде небольшого кружка, организованного социал-демократом большевиком Николаем Георгиевичем Чижовым. Вокруг него быстро группируются большевики-одиночки, работающие в разных цехах завода. Возник вопрос: где собираться? Решено было использовать для этого контору правления общества потребителей после занятий.

Предполагалось вести работу под видом драматического кружка. Но вскоре выяснилось, что проводить собрания в конторе было нельзя. Встал вопрос о более подходящем помещении. В октябре т. Чижову с огромным трудом удалось получить разрешение на аренду полуподвального помещения на углу Бронницкой улицы (сейчас Революционный проспект) и Приютского переулка; помещение это было прозвано рабочими «моргаловкой».

Вооружение рабочих
С карт. Алексеева

Свыше 50 активных передовых рабочих были связаны с кружком, партийное ядро которого состояло исключительно из большевиков. К кружку примыкало и несколько меньшевиков (Лукин, Титов и Евстифеева).

В середине сентября 1916 г. приехал в Подольск и поступил на завод Земгор т. Эвальд. Здесь он встретил много рижских рабочих, главным образом рабочих эвакуированного из Риги завода «Саламандра». Среди этих рабочих было несколько старых членов большевистской партии. В конце сентября 1916 г. на заводе Земгор был организован небольшой кружок РСДРП(б), который скоро вырос до 16 человек. В целях конспирации кружок был разбит на две группы.

Февральский переворот

28 февраля в Подольске были получены сведения о революции в Петрограде.

Посоветовавшись между собой, члены подпольной большевистской организации на заводе Зингера решили послать одного товарища за информацией в Москву. По приезде оттуда он должен был явиться на явочную квартиру. Долго ждали его партийцы-большевики, а он приехал в 2 часа 30 минут ночи.

«Мы решили, — говорится в воспоминаниях, — пойти на завод вместе с ездившим в Москву товарищем, чтобы распространить листовки о том, что в Петрограде началась революция. Мы сделали вид, что на заводе произошел несчастный случай, и охрана без особых расспросов пропустила нас на завод. В ночной смене до самого утра мы раздавали листовки и рассказывали, что происходит в Петрограде и Москве. Наша задача состояла в том, чтобы утром собрать вместе как ночную, так и дневную смену для проведения митинга. Это мы сделали».

Кто-то притащил ящик, и с этой первой революционной трибуны произнесли речи тт. Чижов, Варейкис и др. Затем рабочим было предложено разойтись по цехам для выборов делегатов в совет.

В заводской столовой собрались делегаты всех цехов двух заводов. Их было свыше 150 человек. У дверей был выставлен караул. Прежде всего было решено организовать демонстрацию.

Это решение под аплодисменты было принято единогласно. Когда демонстрация проходила мимо главной конторы, кто-то с лестницы пытался подсунуть трехцветный царский флаг, чтобы превратить эту демонстрацию в патриотическую. Но этот флаг все же пригодился. Из красной части было сделано маленькое красное знамя, гордо затем развевавшееся над пятитысячной демонстрацией. Она шла мимо испуганных городовых, мимо исправника, стоящего руки по швам. Первый митинг состоялся около собора. Второй был у реального училища.

В 4 часа делегаты собрались на второе заседание. К этому времени прибыли депутаты других предприятий уезда.

На этом историческом заседании оформился Подольский совет рабочих депутатов. Был избран исполнительный комитет, председатель и секретарь.

В самом начале заседания совет заслушал информацию о положении дел в Москве и Петрограде. Двум выбранным делегатам было поручено поехать в Московский совет, где от имени 8 тыс. рабочих заявить о солидарности подольских пролетариев с московскими.

Много времени затратил совет на обсуждение вопроса о разоружении полиции.

Дело упиралось в отсутствие оружия, а оно было у тех 600 солдат, которые работали на заводе Земгор. Что скажут они, какова их позиция? От этого зависела победа над полицией. Для переговоров с ними была создана специальная комиссия.

Разоружение полиции

В спальни к солдатам вместе с выборной советом комиссией пришло много рабочих. Солдаты быстро одевались и выходили на середину, где начинался митинг.

Зажигательную речь произнес т. Чижов, призывавший взять в цейхгаузе оружие, выйти на двор и присоединиться к рабочим. Во время его речи в середину толпы, расталкивая солдат, влетел маленький юркий офицерик и скомандовал: «Смирно! Разойдись по спальням».

Никто не шевельнулся. Взбешенный офицер убежал. Тогда один из солдат предложил немедленно арестовать офицеров. Лес рук поднялся в знак согласия. Офицеры категорически отказались подчиниться. Их разоружили насильно и арестовали. Тот солдат, который предложил арестовать офицеров, об'явил себя временным командиром и приказал солдатам одеваться, взять винтовки и выходить на двор.

Один из арестованных офицеров прислал через часового записку о своем желании присоединиться к восставшим и вместе с ними участвовать в демонстрации. Когда ему разрешили, он сорвал с себя погоны и выбросил их.

Стройно, организованно прошли солдаты к главной конторе. Их восторженно приветствовали рабочие. Ни у кого не было сомнения в успехе. Один из солдат вскочил на трибуну.

«Товарищи рабочие!—начал он свою первую речь.—Присоединяемся к вам, ибо мы такие же рабочие, угнетенные рабы. Я заявляю от лица этой массы, одетой в серые шинели. С этой винтовкой будем защищать революцию».

Громкое, радостное «ура» вырвалось из уст многотысячной толпы. После летучего митинга тронулись в путь. Впереди вооруженные солдаты с красным флагом, за ними рабочие. Все сильнее и радостнее звучали революционные слова: «Долго в цепях нас держали,

долго нас голод томил, черные дни миновали, час искупленья пробил...»

Со второго этажа управления полиции, куда подошла демонстрация, через форточки хором кричали: «Сдаемся, сдаемся, идите сюда!»

Когда демонстранты узнали о том, что полиция сдается, гул радости пронесся по толпе. Послышались требования: «Давай сюда исправника и надзирателя, покажите городовых».

Вчерашние властители вышли на крыльцо растерянные и перепуганные.

И те, перед которыми еще вчера многие дрожали, сегодня срывали с себя погоны и кокарды в животном страхе перед грозной силой победившего народа.

Толпа направилась за реку, в управление воинского начальника, и обезоружила здесь всех сотрудников. На обратном пути руководители совета получили сообщение, что по улицам недавно проезжал варшавский воинский начальник Оршанский (эвакуированный из Варшавы в Подольск). После долгих поисков его нашли в одном из лазаретов спрятавшимся в шкафу комнаты сестер милосердия.

Когда стали проверять тюрьмы и освобождать арестованных, выяснилось возмутительное самоуправство. Один солдат, например, сидел за то, что не накормил во-время гусей воинского начальника.

Вечером 1 (14) марта на заводе Зингера состоялось третье заседание совета рабочих, а теперь уже и солдатских депутатов. Солдаты прислали в совет четырех депутатов.

В этот же день была организована милиция. В ее состав вошло много рабочих и солдат.

Первые легальные шаги партийной организации

Первое легальное собрание социал-демократов состоялось 3 марта вечером в земской больнице, в квартире врача.

На собрании стоял вопрос о переходе на методы легальной партийной работы. Большие прения вызвал вопрос, как принимать в партию новых членов. Было решено принимать при наличии поручительств двух членов партии с обсуждением на общем собрании партийной организации.

Городская парторганизация стала быстро расти. Если в марте она насчитывала 60 членов, то к концу мая 1917 г. в ней уже состояло 137 человек, из них 124 большевика и 13 меньшевиков.

Тогдашнее большевистское руководство уступчиво отнеслось к об'единительным настроениям части членов партии и некоторое время терпело в подольской организации кучку меньшевиков, ошибочно полагая, что они политически обезврежены самим фактом своей крайней малочисленности. В действительности, меньшевики, отдавая себе отчет в своем бессилии оттеснить большевиков от руководства подольскими рабочими, прилагали всяческие усилия к расширению своего влияния на предприятиях. Для этого они маневрировали провозглашением своего «интернационализма» и называли себя не иначе, как «революционные» социал-демократы, стараясь первое время показать рабочим, что якобы между социал-демократами различий по существу нет.

Вскоре, однако, разногласия дали о себе знать в довольно острой форме.

Дело было после Апрельской конференции, когда, при обсуждении очередных лозунгов партии и главного из них—«Вся власть советам», меньшевики на партийном собрании, происходившем в женской гимназии, были наголову разбиты. Если раньше меньшевики прикидывались в организации ручными и под вывеской «единства» внешне старались показать, что следуют за большевиками, то тут они себя разоблачили в коренном вопросе: их ораторы решительно высказались против лозунга «Вся власть советам», против диктатуры пролетариата.

Большевистская резолюция по докладу была принята голосами всей парторганизации против четырех голосов. Эти четыре голоса принадлежали меньшевикам.

Меньшевики не выбирались ни в партийный комитет, ни на конференции, но окончательно они были вытеснены из организации только накануне выборов в городскую думу, после июльских дней.

Подольский подрайонный комитет (впоследствии называвшийся районным комитетом) был впервые выбран в конце марта, когда организация значительно выросла.

От подольской организации большевиков на I Московской окружной конференции 17 (30) апреля присутствовало 17 делегатов от 107 членов партии. Ни один уезд Московской губернии не имел такого большого представительства.

С десяти на восемь

Первой задачей, которую поставили себе большевики, входившие в исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов, было введение 8-часового рабочего дня. На одном из заседаний исполкома была образована комиссия, которая занялась подготовкой проекта постановления о 8-часовом рабочем дне и предварительными переговорами с фабрикантами и заводчиками.

20 марта (2 апреля) исполнительный комитет совета рабочих депутатов собрал всех заводчиков и фабрикантов в помещении совета.

Был зачитан проект постановления. Все явившиеся во главе с Диксоном, директором двух самых крупных заводов — Зингера и Земгор, не ожидали постановки вопроса в ультимативной форме, были смущены, но вскоре стали возражать: «Наши рабочие много разговаривают, работают намного меньше положенного времени. Нам придется вводить добавочный штат лю-

дей. Это нам убыток, мы закроем заводы», — пуская слезу, говорили фабриканты.

Когда им предложили подписать соглашение, Диксон отказался, заявив: «В таком случае я завод должен закрыть».

Тогда директор строившегося кабельного завода инженер Алексеев заявил: «Зачем же закрывать, Василий Васильевич, подсчитайте кирпичики, и мы их купим». И первый подписал соглашение. За ним после долгих дебатов последовали и другие фабриканты, в том числе и Диксон.

По постановлению исполнительного комитета СР и СД 8-часовой рабочий день был введен с 16 апреля, на шесть дней раньше, чем в Москве.

Организация профессиональных союзов

8 (21) марта исполкомом была создана вторая комиссия для организации профессиональных союзов. Комиссия решила созвать делегатское собрание металлистов города для создания союза и выборов правления.

И на собрании делегатов союза металлистов меньшевики выставили свой список без согласия об'единенной партийной организации, куда включили несколько большевиков и беспартийных, отведя себе большинство мест.

От общепартийного собрания был предложен другой список, где большевики были в большинстве. В списке был и анархо-синдикалист, работавший совместно с большевиками, и несколько беспартийных рабочих.

Президиум выставил оба списка. Голосовали персонально, добавляя кандидатов с мест. Голосование прошло чрезвычайно бурно. Меньшевики волновались и всячески старались перетянуть на свою сторону делегатов.

В результате голосования в правление союза были избраны 8 большевиков, 2 меньшевика из их списка, 1 эсер и 3 беспартийных. Победа была за большевиками.

Подольский союз металлистов с первых же дней своего существования установил прочные связи с Петроградским и Московским союзами металлистов. Своей работой союз быстро завоевал большой авторитет среди рабочих. К 10 июня союз насчитывал 5 тыс. членов.

Почти одновременно организовался союз текстильщиков. Этот союз, как и союз металлистов, одобрял платформу и тактику большевиков. Союз быстро рос и к 15 июня насчитывал 5 128 членов.

Третьим союзом, но значительно более слабым, был союз горнопромышленных рабочих, куда вошли рабочие цементных заводов и карьеров. В июне этот союз насчитывал около 600 членов.

Совет рабочих и солдатских депутатов и профессиональные союзы много внимания уделяли конфликтам с фабрикантами. Первый такой конфликт произошел на фабрике Баскакова (сейчас фабрика им. 1 Мая). Владелец ее отказался пустить фабрику после праздничных дней, ссылаясь на отсутствие сырья и топлива.

Конфликтная комиссия установила, что на фабрике все это есть, и только тогда фабрикант согласился пустить фабрику. Приступая к работам, рабочие потребовали от владельца признать фабричный комитет и повысить зарплату.

Рассматривая эти требования, представители совета и союза установили, что зарплата на фабрике очень низкая. Мужчины получают от 30 до 45 руб., женщины — от 15 до 22 руб., а подростки — от 12 до 15 руб. в месяц, и это, несмотря на значительную, все возраставшую дороговизну. Взбешенный фабрикант признал фабком и повысил зарплату. Подобные факты были и на других фабриках.

В первый же момент работы союза металлистов возник конфликт с директором Диксоном. Союз само-

стоятельно выработал свои разряды и свой тариф и пред'явил их директору. Диксон долго тянул, не давая ответа, а когда вопрос был поставлен ребром, он в присланном в союз письме сообщил, что не подчиняется Подольскому профессиональному союзу металлистов и держит связь с Московским союзом.

Это он писал потому, что московский тариф был несколько ниже петроградского, которого придерживался Подольск. Начались переговоры. Представители Подольского союза заявили ему: «Мы — самостоятельный союз, входим непосредственно в Центральный комитет и будьте любезны иметь дело с нами, а не с Московским союзом».

Совет организует крестьянство

Когда организация совета рабочих и солдатских депутатов закончилась и он приступил к практической работе, было обращено внимание на организацию крестьян. В бюллетене СР и СД об этой работе говорится: «Выделившаяся из исполнительного комитета СР и СД провинциальная группа установила связь с крестьянами и способствовала созыву совета крестьянских депутатов, заседание которого происходило в четверг 9 марта.

Исполнительный комитет СР и СД через посланных представителей организовал ведение собрания, причем один из членов совета был избран собранием председателем. Советом крестьянских депутатов избрано 22 представителя от крестьян (по два от волости) в Подольский комитет общественных организаций. Эти же 22 представителя составят исполнительный комитет совета крестьянских депутатов и пошлют своих представителей в исполнительный комитет совета рабочих депутатов, получив взамен представительство от рабочих.

Совет крестьянских депутатов постановил: ввиду разнохарактерного способа производства выборов

признать избранных представителей временными, поручив своему исполнительному комитету разработать порядок правильных выборов, а на местах организовать волостные комитеты»[1].

Союз металлистов также уделяет внимание крестьянству, стремясь охватить его пролетарским влиянием. На одном из своих первых заседаний правление постановило: «Усматривая из доклада, что до сих пор не было тесного единения с советом крестьянских депутатов, правление высказало пожелание, чтобы впредь была установлена тесная связь между рабочими и крестьянскими организациями. Ввиду этого правление нашло нужным делегировать в совет крестьянских депутатов представителя союза»[2].

Саботаж буржуазии

Подольская буржуазия организуется для противодействия рабочим революционным организациям. Перед нами телеграмма от 14 марта, посланная в адрес центральной организации по созыву Всероссийского торгово-промышленного с'езда, лично господину Рябушинскому. «Подольск Московской губернии. Организован 13 марта торгово-промышленный комитет, состоящий из 11 лиц. Представителями на Всероссийский с'езд в Москву избраны Василий Васильевич Диксон и Федот Иванович Копьев». Телеграмму подписал «городской староста Гуликов»[3].

Капиталисты спешно организуются для борьбы с советом рабочих депутатов и профессиональными союзами. Директор завода Диксон, а за ним и другие фабриканты и заводчики вступают в апреле в действительные члены общества фабрикантов и заводчиков Московской промышленной области.

---

[1] МОАУ, Мобюс, д. № 9, оп. 3, св. 4, л. 108.

[2] МОАУ, Профархив, Протоколы правления союза металлистов Подольска, № 1.

[3] МОАУ, дело губернского комиссара, арх. № 20, св. 3, л. 40.

Здесь Диксон быстро пошел в гору. Его избирают членом президиума группы «внемосковских заводов по металлообработке». Совет общества фабрикантов и заводчиков рассылает циркуляр о том, что, согласно постановлению совета общества, служащие завода должны иметь отдельные от рабочих организации. У Диксона так и было. Вероятно и циркуляр этот был издан по его инициативе.

Через несколько дней — новый циркуляр за подписью председателя общества фабрикантов Ю. Гужона: «...В случае пред'явления требования о повышении зарплаты со стороны рабочих уступать может только то предприятие, плата рабочих которого не достигла известного максимума»[1].

Другое распоряжение гласит: «...Не давать ответа на какие-либо письменные требования рабочих без санкции совета и президиума группы».

Протестуя против введения 8-часового дня, это общество под нажимом рабочих организаций заявляет, что «это могут сделать, только правильно образованные законодательные учреждения»[2]. Не приходится раз'яснять, что под правильно образованными учреждениями здесь понимались такие, в которых главную роль играют фабриканты и заводчики.

Американские заводчики, помимо участия в общих организациях российской буржуазии, организуют под крылышком американского посла свое общество под наименованием «русско-американская торговая палата». Диксон избирается членом совета палаты.

Через несколько дней после 1 Мая, торжественно отмеченного и с под'емом проведенного подольским пролетариатом, буржуазия начинает локаут, организованное нападение на рабочий класс. В цехах заводов Зингера и Земгор появились следующие об'явления:

---

[1] Архив Подольского рика, дело секретариата директора за 1917 г.
[2] Там же.

«Ввиду истощения запасов топлива на заводе и вследствие реквизиции Курской железной дорогой отправленных нашему заводу нефтяных остатков сегодня с 11 часов вечера станция прекращает подачу электрической энергии моторам, а также прекращается работа нефтяных двигателей на неопределенное время... По заявлению уполномоченного, возобновление доставки нефти последует не раньше, как через полторы недели, а может быть и позднее. Вследствие изложенного работа на заводе приостанавливается на неопределенное время.

Директор завода К° Зингер — Диксон.

Мая 4 дня 1917 г.»[1].

Это об'явление взволновало рабочих. Они прекратили работу, обсуждая создавшееся положение, требовали вызвать в цех директора и членов завкома. Но как только Диксон пришел, начались шум, крик, свист. Рабочие не смогли сдержать своего негодования.

Исполнительный комитет совета вместе с заводским комитетом выделили специальную комиссию для быстрейшей доставки топлива на завод.

Были получены сведения, что зингеровская нефть находится в Нижнем-Новгороде (сейчас город Горький). Туда выехала тройка. В этот же день в совет пришла группа рабочих и заявила, что с завода в ручей спущена нефть.

Пошли проверить. Действительно, толстым слоем текла нефть. Долго рабочие тыкали палками, измеряя слой нефти.

Директор Диксон оправдываясь говорил, что был выпущен негодный к употреблению мазут. Но рабочие тут же доказали, что течет не мазут, а хорошая, доброкачественная нефть.

Директор был арестован. В результате вмешательства американского консула и по распоряжению комиссара труда меньшевика Смирнова Диксон вскоре

---

[1] Архив Подольского рика, папка об'явлений по заводу Зингера за 1917 г.

был освобожден, но на завод этот главный доверенный американской компании Зингер уже не вернулся, а вынужден был подать в отставку, с 7 мая директором завода был назначен инженер П. Д. Меньшиков.

Поездка в Нижний-Новгород быстро обеспечила завод топливом. Попытка закрыть завод не удалась. Этот момент следует считать началом введения рабочего контроля над производством.

Новый директор распорядился оплачивать за простой в половинном размере, но в результате вмешательства союза рабочие получили за простой полный заработок.

Победы большевиков

Первые выборы в совет рабочих и солдатских депутатов производились под раскаты грома февральской революции. Некоторые депутаты оказались совершенно случайными людьми, не отражавшими политической линии своих избирателей.

Служащие главной конторы послали в совет четырех депутатов; среди них был инженер П. Д. Меньшиков, тот самый, который заменил Диксона на посту директора завода. Совет был слишком громоздкий: он состоял из 250 человек.

По приезде из-за границы Ленин в своих апрельских тезисах выставляет лозунг «Вся власть советам» и ставит основной задачей партии «Раз'яснение массам, что С. Р. Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока *это* правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *раз'яснение* ошибок их тактики...»[1]

Под лозунгом Ленина «Вся власть советам» и начались перевыборы Подольского совета. Исполнительный комитет в это время состоял из 29 человек и по

[1] *Ленин,* т. XX, стр. 88, изд. 2-е.

партийности распределялся следующим образом: большевиков было 13, меньшевиков — 7, эсеров — 2, анархо-коммунистов — 3 и беспартийных — 4. Между тем преобладающее большинство рабочих и солдат было на стороне большевиков.

Когда этот вопрос встал в об'единенной социал-демократической организации, меньшевики подняли шум. Они боялись перевыборов, но их попытка сорвать перевыборы ни к чему не привела.

Перевыборы прошли чрезвычайно организованно. Рабочие организации активно помогали большевикам. Так, заводский комитет старост завода компании Зингер обращается к рабочим:

«Товарищи!

Ввиду реорганизации совета рабочих депутатов нам предстоит избрать из своей среды и среды низших служащих лучших людей, которые бы всецело отстаивали интересы трудящейся массы, как политические, так и экономические.

Выбрать нужно (рабочих и служащих) 13 человек. Заводский комитет старост выставляет своих кандидатов» [1].

И список заводского комитета в 12 человек, из которых 9 большевиков, рабочие горячо поддержали. Все намеченные были избраны. Новый совет составился из 62 депутатов.

В новый исполнительный комитет совета было избрано 15 большевиков и только 2 меньшевика. А президиум в составе 5 человек целиком был составлен из большевиков. Председателем совета был утвержден т. Чижов и он же был избран на Всероссийский с'езд СР и СД.

11 (24) июня вышел первый номер газеты «Известия совета рабочих и солдатских депутатов». Газета напечатала воззвание исполнительного комитета о созыве I уездного с'езда фабрично-заводских комитетов и отчет о первом заседании вновь избранного совета.

---

[1] Архив Подольского рика, дело об'явлений по заводу Зингера за 1917 г.

Местная буржуазия ставила советам всякого рода препятствия. Особенно остро чувствовалось отсутствие постоянного помещения.

Совету и комитету партии приходилось перекочевывать из одного помещения в другое: из столовой на заводе Зингера — в помещение женской гимназии, наконец, в реальное училище, но и оттуда настойчиво просили выселиться. Комиссар Временного правительства не считал нужным обеспечить совет, да еще большевистский, помещением.

Оставалось одно — самим занять помещение революционным путем. В одно июньское утро дворец Бахрушина, находящийся в двух километрах от города, был занят советом, и часть комнат предоставлена комитету РСДРП.

Как только об этом стало известно, из Московской городской думы (здание это, по завещанию Бахрушина, перешло к ней) приехало несколько представителей и, потрясая законами Временного правительства, требовало немедленного освобождения помещения. Не добившись удовлетворения своих требований, они обратились за содействием к комиссару, но и он был бессилен помочь представителям думы. С этого момента совет имел постоянное помещение.

В большом зале этого здания и открылся I уездный с'езд фабрично-заводских комитетов. Председателем был избран т. Чижов, только что приехавший из Петрограда со Всероссийского с'езда советов, о котором он и сделал доклад. Для характеристики политического настроения рабочих и делегатов, заседавших в захваченном бахрушинском дворце, приведем конец резолюции, принятой по докладу Чижова огромным большинством: «...Констатируя, таким образом, полный крах политики соглашения с капиталистами, с'езд признает единственным выходом переход всей власти в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [1].

---

[1] «Год борьбы», стр. 97, изд. Подольского Истпарта, 1928 г.

Делегаты выражали волю своих избирателей — рабочих, которые в многочисленных резолюциях принимали решение о переходе власти в руки советов.

После июльских дней в Подольске

> «Движение 3-го и 4-го июля было последней попыткой путем манифестации побудить Советы взять власть. С этого момента Советы, т.-е. господствующие в них эс-эры и меньшевики, фактически передают власть контр-революции, представляемой кадетами и поддерживаемой эс-эрами и меньшевиками. Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно, и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контр-революции, либо новая революция».
>
> (*Ленин*, т. XXI, стр. 45, изд. 2-е.)

Еще задолго до июльской демонстрации в Питере районным комитетом РСДРП был выставлен и под № 1 сдан в избирательную комиссию по выборам в местные самоуправления список в 24 человека, из них 18 большевиков и 6 меньшевиков.

6 (19) июля в реальном училище происходило партийное собрание, посвященное выборам. Собрание носило очень бурный характер. Лукин, представитель меньшевиков, заявил, что меньшевики снимают с муниципального списка своих кандидатов, ибо они не разделяют большевистских лозунгов о власти, о земле и т. д.

Меньшевики покинули собрание и вышли из об'единенной организации, а на другой день выставили свой список с 16 кандидатами и выпустили печатную декларацию, направленную против большевиков.

А подольские большевики твердо проводили линию своей партии, борясь с меньшевиками и эсерами

под лозунгами списка № 1 —«за правительство советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», «за скорейшее прекращение преступной бойни», «за рабочий контроль над производством и распределением», «за немедленный переход всей земли к народу», «за опубликование тайных договоров», «за создание III Революционного Интернационала», «за пролетарскую революцию во всем мире».

В результате выборов в городское самоуправление прошло 6 большевиков, 2 меньшевика и 18 эсеров.

В этих выборах участвовало все взрослое население города. Многообещающая демагогия, сдобренная «революционной» фразой, дала эсерам значительное число голосов. За них голосовали мелкие домовладельцы, служащие, приказчики, педагогический персонал. Они привлекли на свою сторону, обливая грязью большевиков, домашних хозяек, эту многочисленную категорию избирателей, слабо разбирающихся в политических вопросах. За эсерами шел очень малочисленный и отсталый слой рабочих, главным образом из тех, кто был связан с сельским хозяйством.

За большевиков голосовали рабочие самых крупных в городе предприятий — завода Зингера, Земгор и цементного.

Меньшевики повели атаку на большевиков. Еще 14 (27) марта на заседании совета было постановлено создать при исполнительном комитете революционный фонд на нужды совета из процентных отчислений с заработка рабочих и служащих. Совет вынужден был призвать к этому рабочих, потому что органы Временного правительства отказали в отпуске средств на содержание совета рабочих и солдатских депутатов и его исполнительного комитета.

Вышибленные из совета эсеры и меньшевики развернули среди рабочих агитацию против указанного отчисления. Особенно усиленно велась эта агитация на заводе Земгор. Но из этой меньшевистской затеи ничего не вышло. На заседании совета 17 (30) июля по-

становлено было отчисления на работу совета сохранить.

На этом же заседании совета обсуждался доклад т. Чижова о текущем моменте. В центре доклада были петроградские события 3—4 июля. Опять бурные схватки с меньшевиками.

Меньшевики выдают себя с головой как агентура буржуазии, настаивая на продолжении империалистической войны, называя погромами захваты крестьянами помещичьей земли и т. п. Совет выразил волю подольского пролетариата, приняв предложенную т. Чижовым резолюцию в защиту большевистской линии на завоевание власти рабочим классом.

Подольские фабриканты и заводчики, по примеру своих собратьев в Москве, стараются нанести удар пролетариату организованным локаутом. После июльских дней они пытаются осуществить это на заводе Зингера.

1 (14) июля директор завода Зингера дает распоряжение о закрытии станочного цеха якобы из-за отсутствия заказов; 3 (16) июля он приказывает соединить в один цех челночный цех и цех фрезеровки; 4 (17) июля издается новое распоряжение о том, чтобы в целях сокращения производства соединить в один цех три цеха — мелких частей, ручных приводов и обработку валов.

При этом администрация упорно распускает слухи, что топлива нет, что завод должен закрыться. У рабочих создалась уверенность, что они скоро будут уволены, если совет, руководимый большевиками, не призовет господ капиталистов к порядку.

В середине июля произошел конфликт рабочих инструментального цеха с директором завода из-за оплаты. Мастер цеха справедливо встал на защиту требований рабочих. Директор приказал мастера уволить якобы за грубый разговор. Заводский комитет, обсудив это дело, постановляет: «Нет никаких причин к увольнению, предложить директору восстановить его в прежней должности».

Директор отказался это сделать, продолжая закрывать цехи. Завком постановил удалить директора Меньшикова с завода.

Заводский комитет старост свое требование об удалении директора с завода связывал не только с увольнением мастера, но и с закрытием ряда цехов.

Правление фирмы Зингера, беря директора под защиту, шлет одну за другой телеграммы министру труда.

В цехах каждый день происходили собрания, на которых выступали члены исполкома — большевики. Меньшевики сюда не показывались.

На одном из собраний была зачитана телеграмма:

«Подольск. Завкому завода Зингера.

Копия — правлению.

Министерство труда предлагает вопрос о директоре передать на рассмотрение примирительной камеры. Устранение лиц администрации без разбора дела принципиально недопустимо, равно невозможно увольнение служащих. Во всех таких случаях министерство рекомендует согласительные комиссии обеих сторон.

Товарищ министра Гвоздев».

«Авторитетное» вмешательство органов Временного правительства встретило у рабочих только усмешку.

Непримиримое примирить не удастся никому, даже и известному меньшевику Гвоздеву, говорили они.

В июне в Москве собрался всероссийский с'езд делегатов трудящихся компании Зингер, как он себя именовал. С'езд ставил своей задачей экономическое улучшение положения служащих. Делегатами были исключительно служащие фирмы, от магазинов всех городов России, в том числе представители служащих завода. Результатом работы с'езда явилась декларация, состоявшая из 42 пред'явленных фирме пунктов. Помимо пунктов экономического порядка, были и такие: «фирма не имеет права вывозить капиталы из России до окончания войны, так как это способствует

падению ценности рубля», «без ведома и согласия «союза трудящихся» фирма не имеет права перепродать или переуступить предприятия другому предпринимателю или компании».

На требования «с'езда трудящихся» фирма в большей части ответила отказом. Тогда руководители «союза трудящихся» вспомнили про рабочих завода Зингера в Подольске и в один из дней августа приехали сюда. В заводском комитете им рассказали, что рабочие завода также борются с директорами компании Зингер, так как господа капиталисты принимают все меры, чтобы задушить рабочих костлявой рукой голода, не останавливаясь и перед закрытием завода.

В разговоре с приехавшими выяснилось, что компания Зингер держит линию и на закрытие своих многочисленных магазинов.

Было решено провести совместную забастовку рабочих завода, служащих магазинов и депо компании как организованный ответ на локаут.

18 (31) августа произошло об'единенное собрание делегатов от каждого цеха завода, представителей партии большевиков, исполнительного комитета совета, союза металлистов и служащих. Собрание приняло короткую резолюцию: «об'явить фирме Зингер и К° с 19 августа всероссийскую забастовку, о чем довести до сведения директора Меньшикова и правления компании».

На другой день завод не работал. С железной пожарной лестницы произносились горячие речи представителями «союза трудящихся». Здесь же большевики снова и снова ясно и прямо раз'яснили рабочим, что никакое Временное правительство не справится с тем экономическим развалом, в котором находится страна. Оно не может дать рабочим хлеба и мира. Есть только один выход — переход власти в руки революционной пролетарской демократии, в руки советов.

Отстоять завод

21 августа (3 сентября) поздно вечером директор завода Меньшиков получил письмо:

«Милостивый государь Павел Дмитриевич. Подтверждая получение вашего письма от 19 с. м. с приложением копии протокола от 18 с. м. соединенного собрания заводского комитета и других лиц, из которого видно, что собрание постановило об'явить фирме компании Зингер с 19 с. м. всероссийскую забастовку, сообщаем, что поводы к забастовке, изложенные в протоколе, не соответствуют действительности. Независимо от вашего письма правление постановило — вследствие истощения средств закрыть завод с 23 сентября и окончательно рассчитать всех служащих и рабочих. Об'явление рабочими и служащими ничем не оправданной забастовки не может повлиять на уже принятое правлением решение.

Если, однако, забастовка продлится более трех дней, предлагаем вам об'явить закрытие завода на четвертый день и после этого приступить к расчету всех служащих и рабочих.

Для вашего сведения прилагаем копию телеграммы, посланной нами сегодня господину военному министру. Одинаковые по содержанию телеграммы посылаются господам министрам торговли и промышленности, финансов, внутренних дел, иностранных дел и труда и кроме того господину американскому послу.

Правление: Диксон, Мыслик»[1].

Когда об этом узнали рабочие, настроение невероятно накалилось, так что, предложи рабочим взять власть в свои руки, все не задумываясь пошли бы на вооруженное восстание. Но это было еще преждевременно.

На заседание заводского комитета пришло столько рабочих, что его можно было назвать скорее общим собранием. В своем докладе т. Чижов призвал к тому,

---

[1] АНХ, № 1, дело заводского комитета компании Зингер за 1917 г., № 405.

чтобы ни в коем случае не допускать остановки завода и расчета рабочих. Выбрали комиссию под председательством Чижова для поездки в Москву и Петроград. Комиссия уехала в ту же ночь. В Петрограде первое совещание по этому вопросу происходило в Смольном, в комнате фракции большевиков ВЦИК. Совещание согласилось с мнением Чижова и постановило добиваться от Временного правительства через ВЦИК секвестра завода.

Затем были совещания по вопросу о заводе Зингера в военном министерстве и в Мариинском дворце у председателя особого совещания по обороне государства. Чижову было обещано через неделю все выяснить и его известить. Однако, прошло больше двух недель, но ответа не было. Опять снарядили комиссию с Чижовым во главе. Он вернулся с приказом № 56:

«По приказанию председателя особого совещания по обороне государства объявляется:

1. После 23 сентября работа на заводе будет продолжаться, причем все рабочие и служащие получат расчет от компании Зингер по 23 сентября включительно.

2. Ввиду того что работа продолжается без перерыва, следующая уплата заработка будет произведена нормально — 30 сентября.

Директор завода К° Зингер — Меньшиков.
Зам. пред. Московского заводского
совещания — С. Вейцман.
Правительственный инспектор завода —
А. Каширин».

Завод возглавило правительственное правление во главе с инженерами Вейцманом и Кашириным. Рабочие еще раз убедились, что большевики являются той силой, под руководством которой пролетариат победит капитализм.

Текстильщики в ногу с металлистами

В вопросном листе для комиссии по созыву всероссийской конференции рабочих союза текстильщи-

ков Подольский союз пишет: «На 1 сентября состоит 6 260 человек, забастовочный фонд составляет 16 940 р. 29 к.».

И на вопросы, «откликается ли союз на политические события момента, на какие именно и в какой форме», союз кратко, но вразумительно отвечает: «Да. Союз большевистский, откликается на злобу дня»[1].

В Подольском уезде текстильщики добились значительных результатов. Несмотря на упорное сопротивление владельцев фабрики, профсоюз добился установления с 1 июня минимума зарплаты от 3 до 14 руб. (кое-где с изменениями), а к 17 августа ввел минимум от 8 руб. до 18 р. 40 к. в день и поставил вопрос о заключении на основе минимума договоров с предпринимателями. А этот минимум был уже выше того, за который боролись текстильщики всего Центрального промышленного района. «Даже текстильщики, ведшие борьбу в других районах не всегда с большим успехом, в Подольском уезде добились значительных результатов... Текстильщики добились успеха только потому, что их борьба протекала не изолированно, а в полном контакте с металлистами...»[2]

Союзы действовали единым фронтом: в августе было организовано центральное бюро профсоюзов Подольского уезда. Сперва при союзе металлистов (совместно с союзом текстильщиков), затем при бюро профсоюза была организована биржа труда. С 27 апреля по 15 августа 1917 г. на бирже труда было зарегистрировано 4 874 безработных.

Были случаи, когда заводчики и фабриканты принимали рабочих помимо биржи труда, тогда на помощь ей приходили союзы, твердо отстаивая принцип очередности, делая отступления только для сильно нуждающихся. Общий фронт профдвижения и правильное политическое руководство со стороны большевистской организации обеспечили успех в

---

[1] Фонд ЦК текстильщиков, № 7, арх. № 14, лл. 17—21.

[2] «История пролетариата СССР» № 11 за 1932 г., стр. 57.

борьбе, несмотря на то, что при наличии (к октябрю) 20 тыс. организованных членов имелась армия безработных в 5 тыс. человек. Борьба была тяжелая и упорная.

Организация Красной гвардии

Еще весной 1917 г. в Подольске был создан штаб Красной гвардии. Всю работу он проводил конспиративно.

Начали добывать оружие. Часть его была захвачена при разоружении полиции и стражников. Отдельные товарищи покупали оружие на толкучках и рынках.

В марте исполкомом был выделен небольшой отряд в 5 человек для отбора оружия на фабриках и в имениях, расположенных в уезде. Отряд за короткий срок собрал много оружия, которое было доставлено в исполком.

На квартирах у отдельных товарищей красногвардейцев образовались небольшие склады оружия: охотничьи ружья, карабины, русские, японские, австрийские, американские винтовки, старые берданки, шашки, штыки разных образцов. Многое из собранного было просто хламом.

Несколько слесарей в цехах завода Зингера занималось ремонтом оружия.

Большие затруднения были с хранением оружия.

«Мы выделили, — вспоминает т. Эвальд, — узкую группу товарищей, и каждый из них прятал оружие так, что если одна часть будет захвачена, то останется другая часть. Самое ценное оружие мы всегда старались сохранить особо, в более надежном месте».

С переходом совета и райкома партии в имение Бахрушина была перенесена туда и часть оружия, которое хранилось в шкафу, заделанном в стене.

Чтобы овладеть тактикой уличного боя, с красногвардейцами велись довольно часто практические за-

нятия. Стрельбу в цель производили где-нибудь в лесу, подальше от города, или в каменоломнях на левом берегу реки Пахры, против имения Бахрушина. В таких случаях выставляли дозоры на подходах к месту стрельбы. На обязанности дозорных лежало сообщение о приближении нежелательных гостей. При этом охотничьи ружья служили хорошей маскировкой. В то время одиночные выстрелы были обычным явлением, и обыватели мало обращали на них внимания. Многие красногвардейцы и не состоящие в отрядах большевики упражнялись в одиночку и по-двое в лесах; мишенью служили листы газет и журналов.

Было широко известно, что в Подольске есть Красная гвардия, но за исключением самих гвардейцев и некоторых ответственных членов партии никто определенно не знал, где она находится, какой ее состав, какое вооружение.

В комитете общественных организаций меньшевиками и эсерами был поднят вопрос о необходимости ликвидации Красной гвардии, которая-де против кого-то вооружается. Мы, как представители совета, заявили: «если кто из рабочих с разрешения комиссара Кругликова и имеет оружие для самозащиты, то это не есть вооружение Красной гвардии».

Уездный комиссар Временного правительства Кругликов издает приказ об обязательной регистрации оружия, без чего ношение и хранение его воспрещаются под страхом ареста. На эту ловушку красногвардейцы не пошли, оружие не регистрировали, за исключением некоторых, о которых было известно, что они имеют его.

Для приобретения патронов, пороха и дроби, а также некоторого оружия ездили в Петроград и Тулу.

Вначале, т. е. в марте 1917 г., численность Красной гвардии была незначительна — всего 15—20 человек, а незадолго до октябрьских дней в Красной гвардии числилось уже около 100 человек. Отряд делился на звенья и десятки.

Московское совещание и восстание Корнилова

12 августа по старому стилю открылось так называемое Московское государственное совещание. Символом этого совещания было трогательное рукопожатие, которым обменялись вождь меньшевистско-эсеровской «демократии» Церетелли и вождь буржуазии Бубликов. Но Московскому совещанию приходилось заседать без электрического света и расходиться по домам пешком, так как рабочий класс Москвы протестовал против совещания всеобщей забастовкой.

Подольские рабочие, по призыву партии большевиков и профессиональных союзов, солидарно с московским пролетариатом отметили день открытия Московского совещания также грандиозной забастовкой.

Сохранились резолюции, принятые рабочими по этому поводу на собраниях:

«Протестуем самым решительным образом против Московского контрреволюционного совещания. В виде протеста об'являем однодневную мирную стачку. Одновременно требуем от Временного правительства немедленного проведения программы 8 июля с. г. и отмены смертной казни»[1].

Забастовки были проведены очень организованно и с большим под'емом. Бастовали не только металлообрабатывающие заводы, но и цементный и бумажная фабрика Оппеля. В уезде на всех фабриках и заводах также были забастовки как ответ на Московское совещание. Рабочие приглашали на собрания только ораторов-большевиков.

Рабочие цементного завода послали Московскому совету телеграмму следующего содержания: «Мы, рабочие и служащие цементного завода Московского

---

[1] МОАУ, д. № 34 Московского совета рабочих и солдатских депутатов, св. 5, л. 115.

акционерного о-ва в Подольске, об'являем однодневную мирную забастовку против контрреволюционных сил и требуем от Временного правительства немедленного проведения программы от 8 июля с. г.»[1].

За кулисами Московского совещания произошло соглашение между главными действующими лицами контрреволюционных клик о выступлении Корнилова с целью захвата власти. В это были посвящены и представители Временного правительства.

Накануне выступления Корнилова состоялось конспиративное совещание Военного бюро при Московском комитете большевистской партии. На этом совещании присутствовал и представитель подольской организации. Здесь был детально разработан план отпора надвигающейся контрреволюции. Подольская организация была к этому подготовлена.

Под давлением масс, боясь потерять последние остатки своего влияния, меньшевики высказались против корниловского контрреволюционного мятежа. Была образована семерка, куда вошли два меньшевика. В боевую готовность были приведены красногвардейцы и надежные солдаты, работающие на заводе Земгор.

Московский совет рабочих и солдатских депутатов получил от Подольского исполкома телеграмму: «Образована семерка. Руководит всем. Разместились в комиссариате. В городе спокойно»[2].

На митингах и собраниях меньшевиков встречали криками: «Долой! Вот куда привело ваше соглашательство!» Массы понимали, что позиция меньшевиков против Корнилова есть только «левая» маскировка в момент под'ема революции. В этот момент районный комитет большевиков открыто ставит на заседании совета вопрос о вооружении рабочих.

---

[1] МОАУ, д. № 34 Московского совета рабочих и солдатских депутатов, св. 5, л. 76.

[2] Дело Моссовета, оп. 1, св. 2.

В бешеное негодование пришли местная буржуазия и эсеры, когда они узнали о том, что совет рабочих и солдатских депутатов поддержал большевиков и избрал комиссию по приобретению оружия и организации Красной гвардии. Это означало расширение Красной гвардии и ее руководящего состава. Начальником Красной гвардии был официально выделен т. Чижов. Основные, старые кадры красногвардейцев, снабженные лучшим оружием, остались законспирированными до октябрьских дней.

Меньшевики в этот момент притихли, а некоторые из них, главным образом рабочие, стали переходить к большевикам.

Крестьянство идет за большевиками

Оттяжка разрешения земельного вопроса до Учредительного собрания, которое в свою очередь откладывалось и откладывалось, способствовала революционизированию крестьянских масс. Земельные комитеты Подольского уезда уходили из-под опеки эсеров и Временного правительства, становились на сторону большевиков, санкционируя захват земли у помещиков.

При выборах в уездное земство в конце сентября большевики получили в волостях из 38 мест 12, а по городу из 4 мест — 3. Соотношение получилось такое: эсеров было избрано 25, большевиков — 15, 1 кадет и 1 крестьянин, беспартийный.

Но лидеры крестьянского совета и эсеров на первом же собрании ахнули от удивления, когда председателем уездного земства был избран большевик, получивший 20 за и 19 против. Долго затем эсеры ругали свою фракцию за недисциплинированность.

Крестьянство и не думало ждать обещанного Учредительного собрания, а само приступало к захвату земель. Характерное постановление вынесли крестьяне Молодинской волости 16 сентября 1917 г.:

«Мы, нижеподписавшиеся, граждане Московской губернии, Подольского уезда, Молодинской волости, быв сего числа на своем волостном собрании, обсуждали вопрос текущего момента и, обменявшись мнениями, единогласно постановили:

1. Поручить нашему Молодинскому волостному земству в лице земской управы совместно с волостным земельным комитетом, не дожидаясь Учредительного собрания, теперь же взять в ведение волостного земельного комитета всю землю — полевую, лесную, луговую, сенокосную и пахотную — и обязать сбором по усмотрению волостного земства.

Земля бывшая частновладельческая, помещичья, церковная, удельного ведомства и другая должна состоять теперь же в полном распоряжении только Молодинского волостного земельного комитета. Сей земельный комитет вправе распоряжаться землей по своему усмотрению самостоятельно. Леса, сады, огороды и другие имеющие название земли должны теперь же находиться в самостоятельном распоряжении волостного земельного комитета.

Всякая частная собственность на землю теперь же должна быть отменена.

Земля должна считаться принадлежащей всему трудовому народу».

За власть советов

На другой день после от'езда делегата от Подольска на II Всероссийский с'езд советов состоялось небольшое заседание руководящих работников-большевиков в новом помещении совета, занятом в городе, в доме Бордачева. Была сделана информация о решении Центрального комитета партии о вооруженном восстании. Обсужден был ряд мероприятий, чтобы подготовленно встретить надвигающиеся большие события. Главная задача заключалась в том, чтобы во-время вывести рабочих на улицы и осуществить постав-

ленные партией задачи. Присутствующие товарищи получили отдельные поручения.

В порядке подготовки к завоеванию власти советами состоялось районное партийное собрание, на котором все большевики были информированы о ближайших задачах партии по ликвидации контрреволюционного буржуазного Временного правительства.

О том, как относилась к этому мелкобуржуазная партия социалистов-революционеров, показывает следующий эпизод. Секретарь партийного коллектива завода Зингера в самый канун переворота случайно встретился с лидером эсеров Синодальновым. Остановив секретаря, Синодальнов спросил:

— Верно ли, что вы готовите вооруженное выступление?

— Совершенно верно. Мы, большевики, не на словах, а на деле добьемся освобождения пролетариата через захват власти.

Эсер Синодальнов, не ожидая такой откровенности, покачал головой и голосом школьного наставника сказал:

— Комитет нашей партии обсуждал вопрос о вашем выступлении и вынес постановление предупредить большевиков от безумного шага...

В ночь с 25 на 26 октября была получена условная телеграмма от делегата II Всероссийского с'езда советов т. Эвальда. Вслед за этим была получена телефонограмма из Московского окружного комитета партии о начавшейся решительной борьбе.

26 октября около 12 часов дня в доме Бордачева[1] открывается заседание совета рабочих и солдатских депутатов. Чижов делает краткое информационное сообщение о событиях в Петрограде, где совершился переход власти в руки советов. Его речь неоднократно прерывалась оглушительными аплодисментами,

---

[1] Сюда перебрался совет из имения Бахрушина, неудобно расположенного.

а когда он ее закончил, раздались крики: «Ура!», «Да здравствуют большевики!», «Да здравствует товарищ Ленин!»

Основной мотив выступавших на этом собрании меньшевиков сводился к выкрикам: «Измена демократии накануне Учредительного собрания», «Фантазеры!»

Под аплодисменты было принято предложение фракции большевиков о выборах ревкома для руководства восстанием.

Депутаты совета еще не разошлись, многие стояли на лестнице, а ревком уже обсуждал план захвата власти и правительственных учреждений.

Начальнику Красной гвардии было предложено срочно мобилизовать людей и проверить способность каждого владеть оружием.

Начальнику уездной милиции Мужилкину было поручено всю милицию привести в полную боевую готовность и усилить в городе посты для поддержания порядка.

Были назначены комиссары для захвата правительственных общественных учреждений и затем руководства ими.

В этот же день на заводах состоялись митинги. С железной пожарной лестницы, ставшей трибуной революции рабочих завода Зингера, митинг открыл председатель завкома т. Жаров, а председатель ревкома т. Чижов выступил с сообщением о событиях в Петрограде и о решении Подольского совета.

Несколько секунд трехтысячная масса, как загипнотизированная, молчала, а затем раздался могучий взрыв аплодисментов и крики: «Да здравствует советская власть! Поддержим советы!»

Назначенные ревкомом комиссары с небольшими отрядами Красной гвардии в 5—7 человек быстро, без сопротивления занимали одно учреждение за другим: почту, вокзал, казначейство, электростанцию, уездную управу и прочие места.

В результате часам к шести вечера 26 октября (8 ноября) ревком был полновластным хозяином как в

городе, так и в уезде. Комиссар Временного правительства Кругликов был посажен в тюрьму.

Рабочие с радостными лицами приходили в совет, предлагая свою помощь. Не только в самом совете, но и вблизи здания до поздней ночи стояли толпы рабочих, ожидая распоряжения ревкома.

В этот же вечер была привезена московская газета «Социал-демократ» (вечерний выпуск), в ней сообщалось и о Подольске:

«Провинция. Подольск Московской губернии. Власть находится в руках большевистской шестерки, станция, казначейство, заводы и совет охраняются Красной гвардией. Со с'ездом установлена тесная связь. Настроение бодрое. На улицах с жадностью читаются газеты. Только что закончились с'езды фабрично-заводских комитетов и волостных управлений. Вынесены резолюции чисто большевистского характера. Шестеркой посланы делегаты для установления постоянных сообщений».

Солдаты, работающие на заводе Земгор, на своем митинге единогласно постановили приветствовать власть рабочих и крестьян, отдать себя в полное распоряжение совета.

Поздно ночью солдаты и рабочие под командой председателя солдатского комитета подошли с пением революционных песен к зданию совета. Ревком прервал свое заседание и вышел на улицу. Председатель комитета по-военному отрапортовал:

— Товарищи члены Подольского ревкома! Если вам нужна наша помощь, мы всегда с радостью ее окажем, все как один отдаем себя в полное ваше распоряжение.

— Спасибо вам, товарищи солдаты,— ответил т. Чижов взволнованным голосом. И его слова были заглушены криками «ура».

Но так продолжалось не долго. Начальник уездной милиции Мужилкин со своими милиционерами изменил ревкому, освободил из-под ареста уездного комис-

сара Кругликова, снял все посты красногвардейцев, выставленные ревкомом в захваченных правительственных и общественных учреждениях. Он прислал в ревком грозный ультиматум: в 12-часовой срок ревком должен распустить себя и Красную гвардию, а все имеющееся оружие сдать в управление милиции.

Сделал это Мужилкин после получения следующей почт-телефонограммы от Московского губернского комиссара Эйлера:

«Всем уездным комиссарам Московской губернии, земским и городским управлениям.

От штаба армии и флота мы требуем немедленного прекращения насильственных действий большевиков, немедленного отказа от вооруженного захвата власти, безусловного подчинения действующему в полном согласии с полномочными органами Временному правительству, единственно могущему довести страну до Учредительного собрания — хозяина земли русской. Действующая армия силой оружия поддерживает это требование и будет беспощадно карать всех захватчиков власти. Об изложенном прошу оповестить все население.

Подписал московский губернский комиссар Эйлер»[1].

Когда Мужилкин получил такую телефонограмму, он заколебался и струсил. Не веря в победу большевиков, он мигом переметнулся в лагерь Временного правительства.

Ультиматум начальника милиции Мужилкина ревком обсуждал ночью и решил на него не отвечать, хотя положение ревкома несколько осложнилось. А Кругликов тем временем наглеет, отпечатывает и расклеивает по городу воззвание:

«Ко всем гражданам города и уезда.

Вчера, 26 октября с. г., узурпаторы и захватчики — большевики вооруженной силой захватили в городе

---

[1] «Годы борьбы в Подольском уезде», стр. 115, изд. Подольского Истпарта, 1928 г.

казначейство, почту, вокзал, городскую и земскую управы, арестовали меня как уездного комиссара — представителя Временного правительства. Только благодаря своевременным и энергичным мерам, принятым нашей уездной милицией в лице начальника Мужилкина, я из-под ареста освобожден, после чего захватчики-большевики были изгнаны из всех правительственных учреждений.

От лица Временного правительства об'являю гражданину Мужилкину и всем милиционерам глубокую благодарность и как уездный комиссар призываю всех граждан города и уезда еще теснее сплотиться вокруг нашей доблестной уездной милиции для того, чтобы дать решительный отпор большевикам, как узурпаторам и захватчикам власти.

Да здравствует наше Временное правительство!

Подольский уездный комиссар Б. Кругликов

Подольск, 27 октября 1917 г.»[1].

Рабочие, особенно красногвардейцы, были невероятно возмущены изменой Мужилкина и наглостью Кругликова и намеревались расправиться с ними, а также с милиционерами. Но ревком не позволил этого сделать. Он письменно предложил Кругликову и Мужилкину лично явиться в ревком к 12 часам дня 27 октября. Они не явились. На другой день Кругликов и Мужилкин были, однако, арестованы. Произошло это так. На повторное приглашение явиться в ревком Мужилкин явился вечером, в сопровождении 7—8 милиционеров, в дом Бордачева на заседание ревкома. Последний заседал в небольшой комнатушке, в которую можно было попасть через большую комнату, где разместились охранники Мужилкина.

Так как заседание ревкома затянулось, то охранники Мужилкина неоднократно вызывали его к себе, дабы убедиться в его невредимости, и торопили его от-

---

[1] «Годы борьбы в Подольском уезде», стр. 116, изд. Подольского Истпарта, 1928 г.

правиться к себе. От скуки они сложили свои винтовки в пирамиду и разгуливали по комнате. В это время в комнату явились несколько вооруженных красногвардейцев и втихомолку, без лишнего шума арестовали милиционеров и забрали их оружие. Кто-то из красногвардейцев потребовал от имени Мужилкина по телефону из управления милиции 10 вооруженных милиционеров. Явившиеся милиционеры хотели видеть немедленно начальника. В ревкоме всячески старались Мужилкина задержать подольше. В ожидании начальника вновь пришедшие милиционеры также положили винтовки в сторону и стали расхаживать по комнате. С ними было поступлено так же, как и с первой группой милиционеров. Когда из 46 милиционеров почти половина была задержана и разоружена, Мужилкину было об'явлено об его аресте, о чем сообщили в управление милиции. На освобождение Мужилкина Кругликов отправил группу милиционеров, которые сдались без сопротивления, когда узнали, что арестованы и разоружены их товарищи. После этого сдались остальные милиционеры (человек 10) и был арестован представитель Временного правительства — уездный комиссар Кругликов.

Милиционеров за честное признание своей вины простили.

Мужилкина судили партийным судом. Он был исключен из партии и на очередном заседании совета выведен из состава исполнительного комитета и совета.

Красногвардейцы вторично заняли правительственные учреждения, и комиссары ревкома приступили к планомерной работе, хотя сотрудники в большинстве своем саботировали.

Труднее всего обстояло дело в продовольственном отношении. Продуктов в городе не было никаких. На этот участок были направлены авторитетные и энергичные партийные работники.

28 октября совет рабочих и солдатских депутатов выпустил следующее воззвание к населению.

«Товарищи и граждане.

По постановлению Всероссийского с'езда советов рабочих и солдатских депутатов Временное правительство соглашателей свергнуто и вся власть находится в руках совета рабочих и солдатских депутатов, поэтому местный совет призывает всех к полному порядку и спокойно продолжать свою мирную работу. Комиссар Временного правительства Кругликов отстранен от должности, и вся власть находится в руках революционного комитета.

Подольский совет рабочих и солдатских депутатов»[1].

Несмотря на то, что ревком ликвидировал все попытки Кругликова вернуть себе власть и твердо приступил к практической работе, о чем оповестил население, люди из антисоветского лагеря не успокоились. Они стали распространять среди рабочих и крестьян разные лживые слухи. Они сообщали, что члены ревкома арестованы и что скоро будут арестованы все большевики и красногвардейцы. Кое на кого это действовало, вынуждая членов ревкома опровергать контрреволюционные выдумки и призывать не верить клевете и соблюдать больше выдержки в деловой работе по укреплению новой власти.

Пытались проявить себя и сынки местной буржуазии — учащиеся реального училища. Они хотели для начала арестовать «всех главных большевиков», переловить по одному на улице и посадить в подвалы. Эта организация была быстро ликвидирована.

А меньшевики во все эти дни борьбы за власть советов притихли. Они не показывались на собраниях рабочих, молча наблюдая со стороны. Когда кто-нибудь из рабочих спрашивал их: «На какой стороне стоите?», они отвечали: «Мы нейтральны. Посмотрим, чья возьмет».

Активно на всех перекрестках защищали свергнутого подольского комиссара эсеры.

---

[1] «Годы борьбы в Подольском уезде», стр. 117, изд. Подольского Истпарта, 1928 г.

В командировках

В соседнем уезде, в Серпухове, совет не решался взять власть. Большинство совета выжидало исхода событий в Москве.

Подольский ревком решил командировать туда члена совета т. Карпова. В первый же день своего приезда т. Карпов, передавая приветствие, сообщил, что Подольский совет рабочих и солдатских депутатов взял власть в свои руки, арестовал комиссаров Временного правительства и расставил во всех учреждениях комиссаров ревкома.

Затем т. Карпов и местные большевики предложили совету последовать примеру подольчан, но меньшевикам и эсерам удалось на первом заседании оттянуть разрешение вопроса.

На другой день т. Карпов вынужден был заявить, что в случае необходимости Подольский совет поможет оружием. На этом заседании совет 84 голосами против 82 постановил взять власть в свои руки и, если нужно, вступить в вооруженную борьбу с Временным правительством. Тут же был избран революционный комитет.

Когда т. Карпову напомнили об обещанном оружии, он улыбаясь ответил: «У вас в 20 раз его больше, чем у нас. Вы располагаете артиллерией, большими вооруженными воинскими частями. Чего еще нехватает?»

★

Подольский ревком ясно чувствовал, что нельзя терять ни минуты времени на приобретение оружия и патронов, которых было недостаточно.

В Москву, в Замоскворецкий штаб Красной гвардии, был командирован т. Калнин. Ему удается благополучно получить и доставить 60 новых винтовок и 22 тыс. патронов.

В Тулу на автомобиле выехали два члена совета.

«Рано утром приехали мы в Тулу, — пишут они в своих воспоминаниях, — как раз в этот день должно

состояться заседание Тульского совета рабочих и солдатских депутатов с обсуждением вопроса о взятии власти. И нас вежливо попросили подождать. Вопрос о власти решался простым голосованием. Меньшевики, эсеры и кадеты оказались в большинстве. Так надежда получить оружие через Тульский совет рухнула. Выход был один — ехать в арсенал. Узнали, что комендантом был уже избранный из рядовых солдат. Он очень охотно начал с нами разговаривать. Особенно его интересовало, что происходит в Питере и Москве. Постепенно подходили солдаты, работающие в арсенале. Мы им раз'ясняли, что московские рабочие и солдаты сильно нуждаются в помощи против юнкеров и буржуазии, и поэтому, говорили мы, на вас выпадает честь помочь Москве в борьбе за власть советов, за скорейший мир, за землю, за фабрики и заводы. В конце концов нам было отпущено 100 револьверов, 100 винтовок и 50 тыс. патронов».

По окончании работ II Всероссийского с'езда советов Эвальд по ордеру Петроградского военно-революционного комитета получил для подольской организации из военных складов, расположенных на Выборгской стороне, несколько десятков револьверов. Купленный для этого специальный чемодан был набит им доотказа. И все это было благополучно доставлено в Подольск.

Помощь Москве

Еще за несколько дней до октябрьских боев в Москве штабом московской Красной гвардии были вызваны из Подольска 10 красногвардейцев. Они вместе с красногвардейцами из районов Москвы составили отряд в 45 человек для перевозки на грузовых автомашинах из Тулы в Москву разного оружия — пулеметов, винтовок, револьверов и патронов.

Перевозилось оружие через Подольск. Здесь в помещении союза металлистов была организована мастерская по сборке и подготовке оружия. В мастерской

работало днем и ночью много солдат и рабочих, знакомых с оружейным делом. Распаковывали ящики и корзины с частями револьверов, винтовок и пулеметов. Собирали, сортировали патроны, набивали обоймы и пулеметные ленты. Готовое оружие на автомобилях в сопровождении подольских красногвардейцев отправлялось в Москву, в распоряжение Замоскворецкого районного ревкома.

Первый отряд подольских красногвардейцев выехал в Москву вечером 26 октября в составе 45 человек, исключительно рабочих завода Земгор.

В Москве отряду было отдано распоряжение нести охрану здания Моссовета. Ночь прошла спокойно, но утром подольский отряд по собственному почину вступил в открытую борьбу с офицерским отрядом и разоружил его.

Затем отряд перешел на Покровку и расположился в доме № 41. Поздно вечером был произведен обыск в противоположном доме, где, судя по разговорам, находились юнкера, но обыск положительных результатов не дал.

Утром отряд прошел на Сухаревскую площадь в штаб. Было получено новое оперативное задание — пройти по Мясницкой улице на Лубянскую площадь, к Никольским воротам, где нужно было вышибить засевших юнкеров. Переход от Сухаревской площади до Никольских ворот прошел благополучно, но, как только отряд вступил на Никольскую улицу, около аптеки Ферейна разыгрался бой. Здесь были раненые и даже убитые. В ход пошли пулеметы и ручные гранаты.

Тяжело раненым здесь из отряда оказался т. Опмартын. После 8 месяцев лечения он в тяжелых мучениях скончался.

Вечером 28 октября (10 ноября) Подольским ревкомом было получено срочное предписание Московского революционного комитета о присылке 500 человек в помощь Москве. На другой день рано утром члены

ревкома и руководящие партийные работники разошлись по заводам и фабрикам.

Продолжительно и тревожно в необычное время гудел гудок на заводе Зингера. Рабочие собрались к железной лестнице. На трибуне члены ревкома. Они говорят о том, что сейчас ставится на карту — быть или не быть советам как органам власти, и призывают оказать помощь рабочим Москвы.

На трибуну вошел заведующий маслоразливочным цехом. Сильно волнуясь, он от имени служащих заверяет рабочих о готовности служащих пойти на поддержку Красной гвардии [1].

Зингеровцы, как и другие рабочие, не поколебались и постановили, если нужно, пойти на московские баррикады. И всем собранием двинулись к зданию совета. Здесь был проведен грандиозный митинг. Сюда подошли рабочие с завода Земгор, с Климовского механического, цементного и с фабрики Баскакова, которая в это время бастовала. Собралось около 10 тыс. человек. Ораторы вставали на плечи рабочих; держась за телефонные столбы, они говорили короткие, но пронизанные революционной страстью речи. Первым говорил т. Чижов, а когда взобрался на плечи второй оратор — прибывший из Кронштадта матрос, из Москвы донесся далекий орудийный гул.

По окончании митинга в совете записалось около 800 человек, из'явивших желание поехать на московские баррикады.

Великий стратег пролетарской революции товарищ Сталин, отмечая особенности тактики большевиков в период подготовки Октябрьской революции, писал: «...у большевиков не было, да и не могло быть в марте 1917 года готовой политической армии. Большевики лишь создавали такую армию (и создали ее, наконец, к октябрю 1917 года) в ходе борьбы и столк-

---

[1] Конечно, Горнунг отражал взгляды только передовых служащих, так как немалая часть служащих была настроена враждебно к октябрьскому перевороту, другая часть пыталась держать «строгий нейтралитет».

новений классов с апреля по октябрь 1917 года, создавали ее и через апрельскую манифестацию, и через июньскую и июльскую демонстрации, и через выборы в районные и общегородские думы, и через борьбу с корниловщиной, и через завоевание советов. Политическая армия не то, что армия военная. Если военное командование приступает к войне, имея в руках уже готовую армию, то партии приходится создавать свою армию в ходе самой борьбы, в ходе столкновений классов, по мере того, как сами массы убеждаются на собственном опыте в правильности лозунгов партии, в правильности ее политики»[1].

И рабочая масса Подольска, убежденная на собственном опыте в правильности политики большевистской партии, рвалась в бой с буржуазией, за власть советов.

29 октября (11 ноября) вечером из Подольска был отправлен второй отряд в помощь московскому пролетариату в составе 100 человек исключительно подольских большевиков и красногвардейцев.

А утром 30 октября перед зданием ревкома выстроились рабочие разных заводов Подольска, растянувшись на целых два квартала от моста до Бронницкой улицы (сейчас Революционный проспект). После напутственной речи т. Чижова, которая была закончена призывом не приезжать, пока враг не будет окончательно побежден, отряд в составе около 500 человек пассажирским поездом выехал в Москву.

С этим отрядом выехала и санитарная часть под руководством фельдшера-большевика Аристархова. В один день он сумел привлечь в свой отряд 20 женщин, жен рабочих и санитарок больницы и лазаретов. Аристархов провел занятия, показывая своему отряду, как накладываются повязки и т. д.

На Курском вокзале отряд был встречен представителями штаба Городского района. Тут же на вокзале часть красногвардейцев получила винтовки. Штаб Го-

---

[1] *Сталин,* Вопросы ленинизма, стр. 90, изд. 10-е.

родского района занимал большое помещение на Сухаревской площади, в трактире Романова. Здесь отряд остановился на ночлег.

Утром сюда в ящиках на грузовике было привезено вооружение и для остальных красногвардейцев. Третий подольский отряд был разбит на три группы. Двум группам был дан приказ занять позицию вдоль Китайгородской стены от Лубянской площади до Москва-реки. В торговых помещениях за стеной засели юнкера, беспрерывно обстреливая близлежащие здания и красногвардейцев.

1 ноября в середине дня эта позиция была занята. Разбившись по 8—10 человек, держа в поле зрения соседей как слева, так и справа, подольчане с удобных позиций начали обстреливать противника. Завязалась перестрелка.

К вечеру часть подольского отряда, занимавшего позицию вдоль Китайгородской стены, была сменена отрядом рабочих с фабрики «Богатырь». Но сидеть без дела, конечно, не пришлось. Был темный вечер. Только стрельба и силуэт Сухаревой башни напоминали Москву.

Сопровождающий этот отряд раз'яснил, что необходимо занять позиции на третьей версте Николаевской дороги, вдоль железнодорожной линии, в канавах. Будет дана команда — зарядить винтовки, а затем по второй команде — открыть огонь — должна начаться стрельба по проходящему поезду, в котором, по полученным сведениям, едут казаки.

Позиция была занята. Пристально всматривались сотни глаз в темную даль, маячившую красными и светлыми точками огней. До самого рассвета никакого поезда не было. Когда стало светлеть, подольские красногвардейцы увидали, что рядом с ними были и другие отряды рабочих и солдат с пулеметами. Все были собраны здесь в ожидании казаков Керенского.

Одна из групп третьего отряда пошла по Сретенке, имея направление на гостиницу «Метрополь», но на углу Рождественки группа, не выдержав бешеного пу-

леметного огня белогвардейцев, вынуждена была отступить к зданию Московского совета. После очищения от засевших юнкеров театра «Зон» на Садовой-Триумфальной площади отряд получил приказ занять позицию против Никольских ворот Кремля. Тут как днем, так и ночью не прекращалась ожесточенная перестрелка. Военно-революционный комитет, подготовляя штурм Кремля, стягивал сюда большие силы красногвардейцев и сражавшихся на его стороне солдат. Неожиданно для осаждавших вечером 2 (15) ноября Никольские ворота были открыты, так как победа была уже на стороне войск Военно-революционного комитета.

В эти дни крестьянство не осталось безучастным в схватке рабочих с буржуазией. Многие крестьяне, особенно молодежь, поехали добровольцами на московские баррикады. Много было добровольцев из села Каледина. В один из первых дней баррикадных боев, когда сюда доносился орудийный гул, крестьяне поехали в Москву. Они вливались в отряды и оставались в них до окончания сражения.

В дни московских боев была установлена связь Подольского ревкома с Московским военно-революционным комитетом через специального связиста. Он привез специальные указания о том, с какими документами пропускать грузы, идущие в Москву.

Было установлено несколько специальных красногвардейских постов на шоссе, проходящем через город. А на мосту были положены бревна. Так был задержан и забран белогвардейский грузовик.

Вечером 28 октября (10 ноября) в Подольский ревком приехал из Москвы представитель окружного комитета партии большевиков с целой пачкой рукописных воззваний и обращений. В распоряжении Московского окружного комитета не было типографии, поэтому все это надо было отпечатать здесь.

К утру это было выполнено.

После занятия Кремля подольские отряды были отпущены домой, за исключением небольшой части,

оставленной для несения охраны различных складов и производства обысков в буржуазных квартирах.

Подольский ревком устроил торжественную встречу отрядам, возвращавшимся с победой из Москвы. С вокзала с духовым оркестром они прошли, окруженные со всех сторон рабочими, к зданию совета. Прибывших горячо приветствовали.

Под громкие аплодисменты влез на ящик один из возвратившихся. Трехтысячный митинг с нетерпением ждал, что он скажет, а он собирался с мыслями, обдумывая, с чего начать.

— Товарищи и граждане,— сказал он,— недавно вы провожали нас в Москву на бой с юнкерами. Провожая, многие из вас плакали и в то же время радовались за наш поход на буржуев. Мы свое дело сделали, как подобает рабочим-революционерам. Вернулись живы, здоровы и невредимы. Спасибо вам за проводы, а еще больше за встречу. А мы вам гостинчик привезли.

При этих словах оратор развернул и громко прочитал воззвание Военно-революционного комитета Московского совета.

«Ко всем гражданам Москвы.

Товарищи и граждане.

После пятидневного кровавого боя враги народа, поднявшие вооруженную руку против революции, разбиты наголову. Они сдались и обезоружены. Ценою крови мужественных борцов — солдат и рабочих достигнута победа».

Среди прибывших красногвардейцев стоял с забинтованной головой матрос из Кронштадта, выступавший здесь с речью несколько дней назад.

Л. БОГУЦКАЯ

Серпуховские рабочие в 1917 году

I

Серпухов—один из старинных русских городов. Расположенный в ста километрах к югу от Москвы, на реке Оке, он всегда был тесно связан с Москвой. В древнее время Серпухов играл роль сторожевой крепости, оберегавшей Москву от нападения татар. Остатки крепости до сих пор сохранились в центре города на соборной горе. Позже эта соборная гора сыграла свою роль в рабочем движении Серпухова как место нелегальных собраний

рабочих-большевиков, конспиративных встреч и массовок.

За 600 лет своего существования Серпухов никогда не знал периода бурного расцвета. Он рос медленно, постепенно, всегда оставаясь середняком среди провинциальных городов.

На таком уровне он оставался до империалистической войны.

Близость к Москве, с одной стороны, благотворно влияла на рост города, а с другой стороны, эта близость тормозила развитие Серпухова. Московское купечество строило в Серпухове фабрики, извлекало дивиденды, но оно не было заинтересовано в культурном развитии Серпухова и его благоустройстве, продолжая проживать в Москве. Это относится в первую очередь к крупнейшим фабрикантам Коншиным, имевшим в Серпухове прядильно-ткацкую и ситценабивную, красильно-отделочную и химическую фабрики, чугунолитейный и лесопильный заводы, на которых работало свыше 15 тыс. рабочих, т. е. более 50% всех рабочих Серпухова.

О культурном состоянии Серпухова до революции достаточно говорят следующие цифры. В довоенное время в нем были 22 церкви, 2 монастыря и только 7 учебных заведений: 2 гимназии и 5 начальных школ. На медицинские нужды Серпухов тратил в год 332 руб. Местные фабриканты очень ревностно относились к религии. Они отпускали изрядные суммы на содержание и строительство церквей не только в Серпухове, но и в окружающих деревнях.

Всячески развивая и поощряя религиозные предрассудки в среде рабочих, фабриканты нетерпимо относились ко всему, что повышало культурный и политический уровень рабочих. Если рабочий выписывал из Москвы газету хотя бы самого умеренного направления, его немедленно вызывали в контору и подвергали строгому допросу: для чего он выписывает газету, кто его на это натолкнул, лучше бы эти деньги потратить на хозяйство и т. п.

Накануне февральской революции в Серпухове было 60 тыс. жителей, из них рабочих 25 тыс., кроме двух с половиной тысяч, живших в уезде. Примерно половина рабочих была связана с деревней и на работу на фабрике смотрела как на отхожий промысел.

Рабочие жили при фабриках в казармах, называвшихся спальнями. Некоторые спальни, как на Новой Мызе, были в несколько этажей. В длинный коридор выходили двери тесных комнатушек, где на дощатых нарах, а иногда на полу вповалку спали семьи рабочих. В комнате помещалось по 5—6 человек, а у семейных и больше. Особенно славились своей грязью и теснотой «шибаевские спальни» и рабочая казарма, называвшаяся «Аул». Здесь нары были выстроены в три этажа. Каждое место на нарах занимали два человека: когда один уходил на работу, другой ложился на неостывший, просаленный соломенный тюфяк, а иногда и просто на какую-нибудь тряпку.

До революции бюджет рабочей семьи, из которой работали отец, мать и старшие дети, не превышал 20—25 руб. в месяц. Заработок взрослого рабочего был 10—12 руб. в месяц, заработок женщин не превышал 5—6 руб., а детей 3—4 руб. в месяц. Самый высококвалифицированный рабочий мог заработать максимум 93 коп. в день. Поденные чернорабочие получали 18 коп. в день. Рабочие и их семьи питались обычно черным хлебом, картошкой, капустой и кашей.

Ничтожные заработки рабочих еще более уменьшались, вследствие системы штрафов, которую практиковали фабриканты, а также выплаты большей части заработка не деньгами, а талонами. Получая от 50 до 80% заработной платы талонами харчевой лавки, рабочие, чтобы реализовать их, вынуждены были забирать в лавке ненужные им продукты и продавать за гроши. Таким образом, например, происходила так называемая «заварка» чая. Рабочий по талонам брал на 2—3 рубля чаю и тут же на пороге харчевой лавки перепродавал его скупщику-кулаку за 1—1½ рубля. Это с сарказмом и называли рабочие — «заварить» чай.

Война еще больше ухудшила положение рабочих. Наиболее сознательных рабочих, «беспокойный элемент», как их называли хозяева, забирали на войну. В семьи приходили известия о гибели родных; другие возвращались инвалидами, нетрудоспособными.

Для помощи семьям ушедших на войну на фабриках создавали комиссии. Средства составлялись из отчислений фабрикантов и рабочих; при этом с рабочих брали большую долю, а фабриканты вносили гроши, не свыше ¼% заработной платы рабочих. Помощь оказывалась незначительной части семей, да и то ничтожная — около 2 руб. в месяц. Когда подымался вопрос о расширении и увеличении размеров помощи, фабриканты требовали увеличения процента отчисления с рабочих. На этой почве возникали конфликты между рабочими и фабрикантами.

На фабриках процветало обычное в те времена открытое взяточничество мастеров, требовавших «могарыча» от каждого поступающего на работу. Большинство фабрик работало на оборону. На этих фабриках пристраивались сынки местных лавочников, кулаков, стремившиеся избавиться от отправки на фронт. Это способствовало увеличению атмосферы вымогательства и взяточничества.

Фабриканты наживались на обороне. Старый серпуховский рабочий т. Кокушкин, вернувшийся в 1917 г. после февральской революции в свой родной город из ссылки, где он пробыл десять лет, рассказывает:

«Местечко Гончары близ фабрики Верхний Двор, ранее представлявшее собой здоровую окраину города, теперь кругом опутано разными постройками под склады угля, дров, под свалку шлака. Потоки горячей и холодной отработанной фабрикой воды и черный слой угольной пыли загрязняли улицы и дома на площади трех квадратных верст. Рабочие домики выглядели старыми, изношенными. Та же картина с небольшой разницей была около всех фабрик.

В то же время некоторые маленькие фабрички, как например Ильинская, рогожная фабрика Мясникова,

кончили свое существование, и на одной из них — Ильинской — была расположена воинская часть с мастерской — «морская бригада», которая впоследствии сыграла большую роль в октябрьском перевороте.

Производства Коншина, Мараева, Рябова, Игнатова заметно расширились. Первое увеличение и площадей и количества новых корпусов как-то сразу произошло во время японской войны, а второе — во время империалистической войны»[1].

Происходил процесс концентрации капитала, громадного увеличения богатств фабрикантов. Для иллюстрации темпов концентрации капитала приведем следующие цифры. До империалистической войны в Серпухове были следующие предприятия: 11 бумагопрядильных ткацких фабрик, 4 ситценабивных, 5 ситцепечатных мастерских, 3 ватных фабрики, 2 суконных, 3 парчевых, 6 лесопильных заводов, 2 чугунолитейных, 2 цементных, 2 кирпичных, 3 химических, 2 свинцово-белильных и красильно-отделочных. Всего было 45 фабрик, заводов и мастерских. А к концу империалистической войны было всего 20 предприятий, значительно укрупненных. Основные капиталы 20 предприятий достигли свыше 50 млн. руб., значительно превысив капитал 45 предприятий в начале войны. Соответственно увеличилось число рабочих.

Но положение рабочих не только не улучшилось, а, наоборот, значительно ухудшилось. Под предлогом работы на оборону фабриканты увеличили рабочий день с 10 до 12 часов в сутки. Значительно возрос женский и детский труд. Всюду работали в две смены. Фабрики изнашивались, здания ветшали, но никаких мер охраны труда не принималось.

По отношению к детям были узаконены подзатыльники как средство поощрения к работе.

В тяжелую, кошмарную жизнь разнообразие вносили пьянка и скандалы. Драки и мордобой были не-

---

[1] *И. Кокушкин,* Две революции, стр. 34—35, «Московский рабочий», 1926 г.

редким явлением на фабриках. Только немногие рабочие читали газеты и журналы, брали книги из библиотеки.

Тяжелое положение и война все чаще вызывали недовольство рабочих. Они открыто ругали войну и толковали о бешеных барышах, которые наживали хозяева. Усилению недовольства рабочих и обострению взаимоотношений с хозяевами способствовали организация и деятельность военно-промышленных комитетов.

Для лучшей мобилизации промышленности на военные цели повсюду были созданы военно-промышленные комитеты. С целью заставить пролетариат работать на нужды русского империализма буржуазия привлекла в военно-промышленные комитеты меньшевиков-оборонцев. Крупные фабриканты Серпухова пытались через меньшевиков-оборонцев использовать военно-промышленные комитеты для приобретения большего влияния на рабочих, увеличения барышей, а главное — предотвращения забастовок и протестов. Чтобы легче было уговаривать рабочих, буржуазия стремилась вводить их представителей в военно-промышленные комитеты. В августе 1916 г. были об'явлены выборы рабочих депутатов в комитеты. Рабочим-большевикам удалось использовать эти выборы с целью сплочения своих сил и широкой агитации. Большевики выступили за бойкот выборов. Враждебное отношение рабочих к военно-промышленному комитету ко времени выборов настолько определилось, что даже меньшевики не решились активно призывать к выборам. В результате на подавляющем большинстве предприятий Серпухова выборы были сорваны. Только на одном-двух отсталых предприятиях были выбраны представители в рабочую группу при военно-промышленном комитете. В результате рабочая группа при Серпуховском военно-промышленном комитете так и не была создана.

Существование военно-промышленного комитета в Серпухове усилило аппетиты мелких и крупных промышленников и содействовало усилению самой непри-

крытой эксплоатации рабочих. Деятельность военно-промышленного комитета проявилась и в организации отчислений с рабочих в пользу семей мобилизованных. Через комитет же проталкивались списки укрывавшихся на фабриках сынков купцов и кулаков, освобожденных от воинской повинности якобы в качестве незаменимых.

В 1916 г. на Рябовской фабрике, а затем и на Новой Мызе рабочие отказались вносить отчисления в пользу семей мобилизованных, потребовав, чтобы отчисления были переложены целиком на фабрикантов.

Продовольственные затруднения, которые уже довольно ярко обозначились к концу 1916 и началу 1917 г., и рост цен на предметы первой необходимости, главным образом на продовольственные продукты, сильно ударили и по без того нищенскому бюджету рабочего. Многие семьи, лишившиеся отца, жили на скудный заработок матери. Трудно себе представить теперь те кошмарно тяжелые условия, в которых жили рабочие. Старый рабочий в своих воспоминаниях пишет: «Когда я встречал рабочих (в 1917 г., после 10-летнего отсутствия), которых знал тысячи, то поражался их изношенностью. Многие из квалифицированных рабочих — граверы, раклисты, слесаря, ткачи, прядильщики, ткачихи, рисовальщики — за мое отсутствие вымерли. Многие... стали инвалидами, и немного осталось сохранившихся и способных к дальнейшему труду.

Фабриканты нисколько не заботились о сбережении рабочей силы»[1].

Империалистическая война, бесконечно ухудшавшая экономическое положение рабочих, ввергавшая их в еще большее бесправие, с каждым днем открывала глаза рабочим. Терпение их истощалось. Стихийное недовольство усиливалось и принимало все более политическую окраску. В начале 1917 г. стали поговаривать о забастовке против войны.

---

[1] *И. Кокушкин*, Две революции, стр. 35.

Подпольные кружки на фабриках и большевики, имевшие связи среди рабочих, усилили свою работу, ведя агитацию против войны и за свержение самодержавия.

В то время оформленной партийной большевистской организации в Серпухове не было. Рабочие кружки существовали на некоторых фабриках, например на Новой Мызе, на большинстве фабрик были одиночки-большевики, как например на фабрике Рябова.

К концу войны бывший народный дом у Варгинского моста превратился в своеобразный центр рабочего движения в Серпухове. В то время как работавшие там меньшевики занимались культурничеством, большевики ориентировались на близкую революцию. Любопытен следующий штрих, рассказанный т. Ц. Бобровской. При встрече нового 1917 г. на квартире врача Михайлова, где собралась тогдашняя серпуховская передовая интеллигенция, т. Бобровская показала привезенную ею из Москвы большевистскую прокламацию и высказала соображения о начинающемся революционном кризисе. Меньшевики подняли ее на смех и назвали неисправимой утописткой. Они были уверены, что до окончания войны никакая революция немыслима. А между тем революция уже была на пороге.

II

Газеты, сообщавшие о февральской революции, пришли в Серпухов 2 марта. Серпуховские большевики при первом известии о революции в Петрограде и Москве поспешили вывести рабочих на улицы. Рабочие бывш. фабрики Рябова (ныне фабрика им. Ногина) следующим образом рассказывают о первых днях февральской революции:

«В 2 часа дня 2 марта 1917 г. один из наших слесарей сообщил, что стоят три представителя у ворот фабрики и говорят, что началась революция. Мы вышли к воротам. Там нас ждала группа товарищей. Они

нам об'яснили в коротких словах, что началась революция и нужно останавливать фабрику. Мы пошли прямо в контору и решили немедленно об'явить всем рабочим фабрики, что нужно бросить работу и итти демонстрацией в город. После этого мы все направились в кабинет к директору Шагурину и заявили ему, чтобы он сейчас же остановил фабрику, так как рабочие идут все на демонстрацию в город. Шагурин ответил нам мило, тихо и робко: «Я не могу, как хотите, так сами и делайте и берите на себя ответственность».

Мы разделились. Одна группа пошла в ткацкую, а другая — в прядильный отдел. Дали сигнал. Фабрика вся остановилась. Через 10 минут все рабочие стояли у ворот. Нужен был красный флаг. Помним, одна из работниц вынесла красную наволочку, из нее мы быстро сделали флаг, и все рабочие с музыкой двинулись в город».

С. И. Аристов, руководивший демонстрацией печатников, рассказывает, что типографии остановили работу 2 марта первыми. «В 12 час. дня, — вспоминает он, — мы двинулись на Новую Мызу. Дорогой разоружили двух полицейских.

На Новую Мызу одна за другой подошли с красными знаменами, оркестрами: Новоткацкая фабрика, красильно-отделочная, воинские части, морская бригада, фабрики Каштанова, Шляхова и другие, явились и учащиеся гимназий. От царских трехцветных флагов отрывали синие и белые полотнища и отбрасывали прочь; оставались красные полоски, это и были первые импровизированные красные флаги. Из чайной Коншина рабочие выбросили на улицу большие портреты царя и царицы и торжественно их сожгли.

На улице открылся грандиозный митинг. В нескольких местах происходило братание с солдатами. Двинулись многотысячной демонстрацией в город. Ряды были построены вперемешку: рабочие, солдаты. Пели Марсельезу, рабочие песни.

На площади города — грандиозные митинги. Часть из собравшихся двинулась в тюрьму освобождать политических (накануне, за несколько дней до февральской революции в тюрьму были посажены несколько солдат за агитацию против войны). Ночью рабочие арестовали исправника, жандармского полковника, полицию и жандармов».

Подлинными вождями масс и застрельщиками движения неизменно являлись большевики.

В кругах серпуховской интеллигенции уже 1 марта имелись сведения о начавшейся революции. Наиболее активная часть гласных и служащих городской управы и земства (меньшевики, эсеры и кадеты) вечером 1 марта устроила конспиративное собрание, на котором решила полученные сведения до поры до времени тщательно скрывать от рабочих и в то же время командировать Рубана[1] в Москву, чтобы ориентироваться в обстановке.

В первый же момент революции уездное земство и городская управа попытались захватить власть и пресечь дальнейшее революционное движение.

Меньшевики и эсеры вместе с народными социалистами и кадетами с первого дня буржуазной революции об'единились в Серпухове в единый фронт против массового революционного движения. Меньшевики и эсеры в Серпухове сразу взяли курс на создание буржуазной власти. Им принадлежит инициатива создания временного исполнительного комитета в Серпухове, главной задачей которого было восстановить «порядок и нормальную жизнь», нарушенные первым революционным натиском масс.

Когда 2 марта в Серпухове были получены московские газеты и дольше скрывать сообщение о революции было уже невозможно, земец-меньшевик Михеев и прапорщик Макаров из местного гарнизона (тоже меньшевик) поспешили выступить перед массами в каче-

---

[1] Рубан — председатель уездной земской управы, помещик-кадет.

стве представителей новой революционной власти. Земско-городская меньшевистско-эсеровская группа сразу же выдвинула в качестве председателя временного исполнительного комитета в Серпухове либерала Рубана, которого решено было спешно вызвать из Москвы.

Когда колонны рабочих со всех фабрик подошли к зданию городской думы, там они встретили фактически организовавшийся уже накануне земско-городской исполнительный орган в лице Михеева и прапорщика Макарова. Последние приветствовали рабочих речами, в которых уверяли, что революция уже завершена, что образовавшееся в Петрограде Временное правительство выражает желания и требования народных масс, что дело свободы обеспечено и рабочим остается ликуя разойтись по домам.

Однако, эти елейные речи не удовлетворили рабочих. Из толпы слышались требования: мира, хлеба, земли, свободы.

Большевики призывали к выборам в советы рабочих депутатов. Уже на следующий день рабочие депутаты стали собираться в Народном доме за Нарой.

Меньшевики и эсеры также приняли участие в выборах в совет. В Серпухове к концу войны и земство и городская управа слегка играли в оппозицию против самодержавия и вообще считались либеральными. Большинство гласных было кадетами, либо кадетствующими. Большинство служащих (агрономы, врачи, технический персонал и т. д.) было меньшевиками или эсерами. Те и другие — ярые оборонцы. Между этими тремя партиями (кадетами, меньшевиками и эсерами) еще до революции установился тесный контакт. Они мирно поделили между собой «сферы влияния». В городской управе засели кадеты и меньшевики, в уездной земской управе — кадеты и эсеры. К этим партиям тесно примыкала партия народных социалистов. Руководящая роль в этом блоке принадлежала кадетам.

В начале революции кадеты в Серпухове избегали афишировать свое влияние и действовали главным образом через своих приказчиков — меньшевиков и эсеров, которые проявляли в эти дни необычайную суетливость и шумливость.

Первое собрание рабочих депутатов в Занарском доме носило бурный характер. Меньшевики и эсеры резко поставили вопрос о том, что политической властью в городе является временный исполнительный комитет, выдвинутый городской и земской управами. Советы рабочих депутатов, по их мнению, должны организоваться на каждой отдельной фабрике для представительства чисто рабочих интересов. Общегородской совет рабочих депутатов может иметь лишь информационные функции: в нем фабричные советы должны делиться своим опытом.

Большевики настаивали на том, что революция только началась и общегородской совет рабочих депутатов необходим как боевой революционный орган.

После долгих прений было решено выделить 20 представителей от фабрик и заводов во временный исполнительный комитет общественных организаций. За общегородским советом рабочих депутатов как политическим органом сохранялся контроль над деятельностью временного исполнительного комитета.

Первое заседание временного исполнительного комитета общественных организаций состоялось в тот же день, 2 марта. Эсеры и меньшевики, которых в комитете было подавляющее большинство, председателем комитета избрали, вопреки протестам рабочих представителей, кадета Рубана, секретарем — меньшевика Михеева.

Рабочие на заседании комитета требовали ареста руководителя местного «союза русского народа» — директора Серпуховской гимназии черносотенца Холодковского. После долгих прений меньшевики и эсеры ограничились решением об отстранении Холодков-

ского от должности директора гимназии. В виде уступки рабочим в постановлении было также сказано, что Холодковский подвергается домашнему аресту (но и это не было приведено в исполнение). Таким образом, уже с первых шагов своей деятельности временный исполнительный комитет четко определился как местный орган империалистического Временного правительства.

Характер временного исполнительного комитета еще более ясно выявился для рабочей массы на другой же день. Это произошло в связи с образованием совета рабочих депутатов.

Собрание рабочих депутатов в Занарском народном доме 2 марта происходило еще до образования городского совета.

3 марта все заводы и фабрики были остановлены на два часа для производства выборов фабрично-заводских комитетов и для выборов представителей в совет рабочих депутатов. Фабрично-заводские комитеты выбирались из расчета один представитель от каждых 300 рабочих, но не менее трех членов фабрично-заводского комитета на каждое предприятие. Общегородской совет рабочих депутатов выбирался из расчета один депутат на 1 тыс. рабочих; предприятие, имеющее меньше 1 тыс. рабочих, посылало одного депутата.

На некоторых крупнейших фабриках (Коншина, Рябова и др.) в совет рабочих депутатов были избраны беспартийные рабочие, политические взгляды которых еще не успели определиться. Лозунги большевиков имели несомненное влияние на рабочие массы и пользовались сочувствием, но большевики не сумели выступить на выборах достаточно организованно. В этом сказалось отсутствие в Серпухове накануне революции большевистской организации. Как уже было сказано, в Серпухове работали большевики-одиночки и на отдельных фабриках существовали лишь подпольные кружки.

Для массовых организованных солидарных действий рабочих в ответственный момент выборов первого состава совета рабочих депутатов серпуховские большевики еще не были готовы. Этим обстоятельством воспользовались меньшевики и провели в председатели совета представителя Мараевской фабрики Игумнова. В исполнительный комитет совета рабочих депутатов вошли все 20 представителей, выбранных накануне в Занарском доме во временный комитет общественных организаций. В подавляющем большинстве в исполкоме оказались меньшевики и эсеры. Большевики составляли в нем небольшую группу.

На фигуре Игумнова следует остановиться. Игумнов был бухгалтером по профессии, пользовался большим доверием у своих хозяев. Ездил раньше по каким-то делам в Англию и, вернувшись оттуда, с восторгом отзывался об английских тред-юнионах. В Занарском народном доме он выступал с докладами о положении рабочего класса в Англии. Эти доклады создали ему некоторую популярность. При первом известии о революции Игумнов об'явил себя социалистом, примкнул к меньшевикам и был выдвинут ими в председатели совета рабочих депутатов.

Впоследствии выяснилось, что Игумнов одновременно вошел в тесные сношения с Серпуховским отделением общества фабрикантов и заводчиков, заместителем председателя которого был директор правления и пайщик коншинских фабрик Цинкер. Прямо с заседания президиума совета рабочих депутатов Игумнов направлялся в кабинет Цинкера, делал ему подробные доклады и получал директивы.

Игумнов был разоблачен очень скоро. Когда 12 марта Серпуховский совет рабочих депутатов призвал рабочих на демонстрацию, Игумнов по собственной инициативе предложил попам всех церквей Серпухова принять участие в этой демонстрации. Рабочие шли на площадь Революции (раньше Сенная площадь) с красными флагами, с пением революционных песен, а одновременно со всех сторон города на площадь

вступали попы с церковными хоругвями и пели хвалебные гимны Временному правительству. Попы были в красных пасхальных облачениях, во главе их — архимандрит серпуховского монастыря.

После демонстрации по всему городу были организованы митинги рабочих, на которых большевики разоблачали контрреволюционный характер поповского выступления.

Большевики предложили на заседании совета рабочих депутатов немедленно снять Игумнова с председательского поста. Тут же выяснилось, что Игумнов проходимец, авантюрист, продавшийся фабрикантам, предатель. Попытка меньшевиков защитить своего ставленника была подавлена очевидными доказательствами его предательства. Игумнов не только был снят с поста председателя, но и отозван рабочими Мараевской фабрики.

Председателем совета рабочих депутатов был избран большевик.

3-го же марта происходили выборы в совет солдатских депутатов. Среди солдат не были еще изжиты оборонческие настроения, и в совете солдатских депутатов большинство составили меньшевики. Президиум совета солдатских депутатов также влился в состав исполнительного комитета общественных организаций. В президиуме совета солдатских депутатов было два меньшевика и один энэсовец.

Через несколько дней был создан совет крестьянских депутатов, которым руководили эсеры.

Временный исполнительный комитет спешил закрепить свое влияние. 3 марта вечером было созвано общее собрание представителей общественных организаций, офицеров, солдат и рабочих. Рубан предложил избрать расширенный постоянный президиум в составе председателя, двух товарищей председателя и двух секретарей. Были избраны: председатель Рубан (кадет), товарищи председателя Игумнов, примыкающий к меньшевикам, и Беляев (кадет).

де ведало министерство внутренних дел, но кроме того он является высшей гражданской властью и на его обязанности лежит поддержание общего порядка и спокойствия, в каковом отношении ему подчинены все гражданские власти, а власти военные оказывают ему всяческое содействие»[1].

Согласно этой «серпуховской конституции», исполнительный комитет общественных организаций передавал фактическую власть в руки гражданского комиссара. Это давало возможность буржуазии легче уйти из-под контроля советов, представители которых входили в состав исполнительного комитета общественных организаций.

Большевики в это время в исполнительном комитете общественных организаций ведали осведомительно-редакционной комиссией. Исполнительный комитет общественных организаций не особенно был доволен деятельностью своей осведомительно-редакционной комиссии, которая использовала первую серпуховскую газету «Известия совета общественных организаций г. Серпухова» (впоследствии «Известия Серпуховского совета рабочих депутатов») для популяризации постановлений Серпуховского совета рабочих депутатов.

«Серпуховские «Известия» по своему направлению отражали настроения рабочих масс. В редакционную коллегию входили тогда большевик Бобровский, меньшевик Тимофеев и эсер Сысоев»[2]. Решающую роль в редакции играл Бобровский.

13 мая газета убрала со своего заголовка упоминание об общественных организациях, превратившись целиком в орган совета рабочих депутатов.

Как ни старались гражданский комиссар и исполнительный комитет общественных организаций обеспечить «спокойствие и порядок», рабочие не успокаивались. Они требовали немедленного улучшения своего положения: повышения заработной платы, 8-часо-

---

[1] Мособлархив, ф. 370, ст. 9, д. № 128, л. 22.

[2] «Московская провинция в 1917 г.», изд. «Московский рабочий», 1927 г., *А. Мишин*, Воспоминания, стр. 140.

вого рабочего дня, увольнения старых директоров, зарекомендовавших себя зверским обращением с рабочими.

Первый серьезный конфликт возник по вопросу об увольнении директора Новоткацкой коншинской фабрики Разумнова. Разумнов под угрозой увольнения принуждал молодых работниц к сожительству. Расплачиваясь с рабочими талонами в харчевую лавку, он заставлял их брать по дорогой цене всякую заваль. На другой день после революции рабочие выкатили Разумнова на тачке, но правление вернуло его на фабрику. Правление Коншина в лице главного директора Цинкера категорически отказалось выполнить требование рабочих. Рабочие забастовали, заявив, что они не выйдут на работу, пока Разумнов не будет уволен.

Забастовкой руководил фабричный комитет Новоткацкой фабрики. Выбранный в те дни на каждой фабрике фабричный или заводский комитет назывался также комитетом совета рабочих депутатов, так как в состав его входили рабочие депутаты городского совета от данной фабрики. Комитеты рабочих депутатов руководили всей политической и экономической борьбой рабочих на каждом предприятии. Когда тот или иной вопрос не удавалось разрешить внутри предприятия, его выносили на разрешение общегородского совета рабочих депутатов. И на этот раз в дело вмешался совет рабочих депутатов.

Чтобы не дать конфликту разгореться, правление коншинских фабрик решило, наконец, пожертвовать Разумновым. Рабочим удалось также добиться увольнения ряда других директоров.

Введение 8-часового рабочего дня встретило бешеное сопротивление со стороны фабрикантов. Буржуазные партии пытались на этом вопросе восстановить против рабочих солдат и крестьян.

Буржуазия ошиблась в своих расчетах. Солдаты не поддались на провокацию и сочувственно встретили раз'яснения большевиков о том, почему рабочим

нужен 8-часовой рабочий день. На многих фабриках рабочие стали вводить его явочным порядком. Фабриканты ответили на это локаутом. Так, фабрикант Хутарев остановил свою фабрику 19 марта якобы для ремонта, но никакого ремонта не производилось. Тогда рабочие сами произвели ремонт и пред'явили хозяину требование о повышении зарплаты, но тот ответил, что пустит фабрику лишь тогда, когда рабочие согласятся работать на прежних условиях[1].

Серпуховский совет рабочих депутатов поставил 21 марта в порядок дня своего заседания вопрос об угрозе локаута. Причиной постановки этого вопроса было полученное советом извещение О-ва фабрикантов и заводчиков о том, что создавшаяся кон'юнктура и огромные убытки, которые они якобы терпят, заставляют их обсудить вопрос о возможном закрытии фабрики на неопределенное время. В постановлении, принятом по этому вопросу советом рабочих депутатов, говорится: «Такое извещение, полученное советом, заставляет предполагать, что ввиду начинающейся организации рабочих со стороны фабрикантов начата наступательная война»[2].

В ответ на угрозы фабрикантов закрыть предприятия большевики выдвинули лозунг рабочего контроля. Совет рабочих депутатов заявил, что он не допустит закрытия ни одной фабрики без того, чтобы рабочие депутаты этой фабрики не проверили все бухгалтерские книги и не убедились лично в действительном положении дел.

Меньшевикам и эсерам, находившимся в составе совета, зачастую приходилось под напором рабочей массы прятать в карман свою соглашательскую политику.

Большевистское настроение рабочих и солдатских депутатов в Серпухове сказалось уже в марте в том,

---

[1] «Известия Московского совета рабочих депутатов» от 1 апреля 1917 г.

[2] «Труд» № 8 от 25 марта 1917 г.

что на об'единенном заседании советов, состоявшемся 19 марта, по докладу представителя Московской окружной организации большевиков о текущем моменте было единодушно решено присоединиться к резолюции МК РСДРП(б)[1].

При таком настроении рабочих депутатов понятно, что меньшевики и эсеры, преобладавшие в исполнительном комитете общественных организаций, были вынуждены поддерживать требования об увольнении директора Разумнова. Но подобное поведение их отнюдь не нравилось буржуазии. Гражданский комиссар прапорщик Макаров в апреле потребовал, чтобы исполнительный комитет общественных организаций не уклонялся от той линии, которую он должен вести в качестве представителя Временного правительства в Серпуховском уезде. После закулисных переговоров 28 апреля исполнительный комитет общественных организаций произвел перевыборы президиума временного исполнительного комитета, в результате чего гражданский комиссар прапорщик Макаров оказался одновременно и председателем исполнительного комитета общественных организаций.

В конце марта 1917 г. на одном из заседаний организационного комитета большевиков поднялся вопрос о печатании большевистских листовок, брошюр, газеты. Серпуховские типографии были плохо снабжены шрифтом и не приспособлены к такой работе. Обсудив этот вопрос, оргкомитет поручил Аристову С., по профессии наборщику, организовать в Серпухове типографию.

Быстро была организована артель печатников под названием «Единение», состоявшая из 8 человек во главе с т. Аристовым. Член большевистской организации т. Костяков поручился за кредитоспособность артели печатников всем состоянием миллионера-отца, с которым он уже давно порвал. Под такое «солидное» поручительство касса мелкого кредита

---

1 «Социал-демократ» № 17 от 25 марта 1917 г.

отпустила кредит на оборудование типографии (конечно, у артельцев не было ни гроша своих денег).

Закупили в Москве печатные машины, шрифты, наняли в Серпухове помещение для типографии. Но комиссар Временного правительства и меньшевистско-эсеровский совет стали всячески тормозить это дело, не давая разрешения привезти из Москвы по железной дороге оборудование типографии. Выручила «морская бригада». На своих грузовых автомашинах солдаты перевезли из Москвы типографию. Застучал печатный станок, большевистская типография была пущена в ход.

Часто приходилось работать ночью, выпуская срочно листовки, воззвания. Двигателя и моторов не было, машины приводили в движение руками. Часто ночью вертели печатную машину всем составом большевистского комитета, а утром широко распространялись летучки большевиков среди рабочих и солдат. Меньшевики, эсеры и кадеты сильно точили зубы на большевистскую типографию; была попытка через воинского начальника отправить на фронт часть артельцев, как военнообязанных, но это им сделать не удалось.

Типография «Единение» много помогла большевистской организации в деле завоевания на сторону партии рабочих и солдат в 1917 г. Типография задавала тон и остальным печатникам. Печатники Серпухова не признавали меньшевистского желтого Московского союза печатников, организованно вошли в красный союз печатников. Типография была за Нарой, около текстильной фабрики.

III

Серпуховская организация большевиков впервые легально собралась в марте 1917 г. в Народном доме около Занарской фабрики. Собравшиеся товарищи — Бобровские, Костяков В., Аристов и др. — постановили об'явить себя организационным комитетом,

избрали председателя, казначея, наметили план работы, связались с московской организацией большевиков. Тов. Кокушкин пишет, что серпуховская организация в начале революции «недостаточно была связана с фабриками и не имела определенных, хорошо сплоченных ячеек по фабрикам, а влияла только через товарищей, находившихся в совете, частью большевиков, частью сочувствующих. Сама головка организации была недостаточно повседневно организационно связана, постоянно действующих партийных аппаратов не было, и комитет был недостаточно организован».

Но, несмотря на эти недостатки, влияние серпуховской большевистской организации было велико и в совете рабочих депутатов и на всех фабриках. Такова была сила идей и авторитет большевистской партии.

Связь с московской окружной организацией РСДРП(б) установилась еще в марте. Представители московской окружной организации приезжают в Серпухов. Представители серпуховской организации постоянно участвуют в расширенных заседаниях и конференциях Московского окружного комитета, а с приездом в Серпухов старого серпуховского партийного работника большевика Кокушкина последний избирается членом Московского окружного комитета. В первые месяцы революции у большевиков в Серпухове нехватало хороших ораторов, умеющих выступать на многолюдных собраниях и митингах. В этом отношении меньшевики и эсеры были гораздо богаче силами. Чтобы сохранить свое влияние среди рабочих, они прибегали к ловким приемам, выдавали себя за интернационалистов, за сторонников мира без аннексий и контрибуций и т. д. и, всячески маскируясь, добивались того, что рабочие требовали об'единения всех партий — большевиков, меньшевиков и эсеров.

Повидимому, об'единительные тенденции охватили и значительную часть большевиков, работавших в Серпухове. Представители Серпуховского партийного комитета говорили 5 апреля на совещании активных работников московской окружной организации:

«Есть стремление к об'единению с меньшевиками, а пока работа ведется отдельно. Вынесена резолюция о слиянии большевиков и меньшевиков на платформе Циммервальдской конференции» [1].

Эту примиренческую линию серпуховских большевиков по вопросу об об'единении с меньшевиками-интернационалистами нужно поставить в связь с недостаточной четкостью их позиции по отношению к Серпуховскому исполнительному комитету общественных организаций, с их участием в согласительной комиссии с фабрикантами [2] и в выборах гражданского комиссара.

Ленин в «Письмах из далека», в первом письме — «Первый этап первой революции», характеризовал Временное правительство как буржуазно-империалистическое и говорил, что партия не должна ему оказывать ни малейшего доверия, ни малейшей поддержки: «Ибо единственная *гарантия* свободы и разрушения царизма до конца есть *вооружение пролетариата*, укрепление, расширение, развитие роли, значения, силы Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» [3].

Также и товарищ Сталин немедленно по возвращении из ссылки, в статье, напечатанной в «Правде» 14 марта 1917 г., высказался за создание власти советов.

Но большевики в провинции, оторванные от непосредственного ленинско-сталинского руководства, только ощупью, иногда с ошибками, подходили к этой единственно правильной ориентировке.

Ясность в положение внесли ленинские апрельские тезисы. Ленин писал: «Никакой поддержки Временному Правительству, раз'яснение полной лживости всех

---

[1] Протокол совещания активных работников московской окружной организации РСДРП(б) от 5 апреля 1917 г., Московский партархив, дело Московского окружного комитета за 1917 г., № 3.

[2] Комиссия из представителей рабочих и фабрикантов (п. 5), созданная исполнительным комитетом общественных организаций для разрешения конфликтов на предприятии.

[3] *Ленин*, т. XX, стр. 18, изд. 2-е.

его обещаний. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии, «требования», чтобы *это* правительство, правительство капиталистов *перестало* быть империалистским»[1].

После апрельской конференции серпуховские большевики твердо проводили линию Ленина. Апрельская конференция создала большое воодушевление в партийных рядах и в рабочих массах. В Серпухове в мае партийная работа начала оживляться[2].

Усилилась тяга в партию со стороны серпуховских рабочих. К большевикам постоянно обращались с вопросами о партийной программе, требовали раз'яснить разницу между большевиками и меньшевиками, требовали литературу и т. д. Однако, все эти запросы далеко в не надлежащей мере удовлетворялись организацией. Тов. Кокушкин рассказывает:

«Первое время дело с созданием групп-ячеек на местах у нас как-то не клеилось, и случайно мы нащупали другую форму. Этой формой было собрание активных работников, вроде как бы открытые дискуссии, местом которых была чайная О-ва трезвости, рядом с Занарской текстильной фабрикой. В эту чайную каждый вечер собирались и партийные и беспартийные пить чай, и мы решили использовать эти чаи. Я заранее подготовлял и делал доклад по тому или другому вопросу, после чего выступали другие товарищи и таким образом постепенно втягивались в эти собрания. Выступали и меньшевики, и эсеры, и тол-

---

[1] ***Ленин,*** т. XX, стр. 88, изд. 2-е.

[2] Однако, часть работников серпуховской парторганизации не сразу изжила свои примиренческие настроения.

Тов. Полидоров в своем докладе после посещения, по поручению Московского окружного комитета, Серпухова указывает, что некоторые руководители серпуховской организации «сильно отстали от движения большевистской мысли и являются кислями. Более энергичная часть большевиков хотела бы более острой и принципиальной, последовательной политики» (*Московский* партархив, дело Московского окружного комитета за 1917 г., Отчет о поездке т. Полидорова в Серпухов).

стовцы, и наши товарищи. Такие собрания происходили почти ежедневно.

Все эти наши беседы вертелись вокруг тезисов т. Ленина. Мы их со всех сторон продумывали, а продумав, вырастали и становились сильнее и упорнее»[1].

Работа в чайной и усиление воспитательной работы на фабриках скоро дали положительные результаты: к концу мая число членов серпуховской организации большевиков достигло 400 человек[2] (в начале апреля серпуховская организация насчитывала всего 20—30 человек).

Влияние партии ярко проявилось в первомайских демонстрациях. Празднование 1 Мая 1917 г. в Серпухове происходило дважды: по новому и по старому стилю. При Временном правительстве существовал еще старый стиль, но рабочие на Новой Мызе и на некоторых других фабриках 1 Мая праздновали уже по новому стилю. 18 апреля по старому стилю, 1 мая — по новому состоялся большой митинг в Занарском народном доме. Кроме рабочих в митинге участвовали и солдаты. В принятой резолюции собрание выразило солидарность с рабочими всего мира в борьбе за социализм. Резолюция заканчивалась лозунгами: «Братство народов», «Мир не с правительствами, а с народами», «Мир без аннексий и контрибуций», «Восьмичасовой рабочий день» и др.

Демонстрация 1 Мая по старому стилю превзошла своими размерами все бывшие до сих пор серпуховские демонстрации. День был солнечный. Колонны демонстрантов двигались по всем улицам с красными знаменами к Занарскому полю, где было установлено несколько трибун. Число демонстрантов достигло более 20 тыс. человек. В демонстрации участвовали рабочие, солдаты, военнопленные и крестьяне из окрестных деревень. Солдаты-украинцы шли со своим национальным знаменем; на трибунах выступали с ре-

---

[1] *И Ко ушкин*, Две революции.
[2] «Социал-демократ» № 64 от 25 мая 1917 г.

чами на русском, немецком, чешском, украинском языках.

В одном из воспоминаний сообщается, что в Серпуховском уезде в день 1 Мая «крестьяне присоединили свои голоса к лозунгам большевиков: кончать немедленно войну без всяких захватов и контрибуций, поддержать товарищей рабочих в борьбе за 8-часовой рабочий день».

Митинги и шествия продолжались целый день; целый день гремели военные оркестры. Настроение рабочих было боевое.

IV

Уже в первомайском торжестве проявлялось отрицательное отношение к Временному правительству, представители которого продолжали произносить свободолюбивые речи, но не принимали никаких мер к обузданию аппетитов фабрикантов. Ничтожный рост заработной платы совершенно не соответствовал огромному росту рыночных цен на все продукты. В ответ на заявления директоров предприятий об убытках и невозможности вести дело при повышении заработной платы, среди рабочих начинал все более пользоваться сочувствием лозунг рабочего контроля. Часть рабочих придерживалась того мнения, что давно пора взять фабрики в свои руки. Борьба за увольнение ненавистных директоров продолжалась. Но в фабричных комитетах было еще сильно влияние меньшевиков, которые старались удержать рабочих от «самовольных» действий и продолжали возлагать надежды на согласительную комиссию.

Вот, например, характерное воззвание комитета рабочих депутатов при прядильно-ткацкой фабрике товарищества мануфактур Коншина от 18 мая. «Будьте мужественны и сохраняйте спокойствие, — говорится в воззвании, — не принимайте самовольно никаких активных действий. Дайте комитету окончить начатое

дело. Будьте терпеливы. Когда комитет испробует все средства, когда комитет потеряет всю силу и надежды, тогда он скажет вам открыто: товарищи, действуйте так, как повелевает ваша совесть, действуйте так, как только можно смести угнетателя и достигнуть его увольнения.

А пока, товарищи, наберите мужества и терпеливо ждите наш ответ».

Из самого тона воззвания видно, что рабочие с трудом поддавались уговорам. Активность рабочих находит себе выход в политических митингах и демонстрациях.

Потребность услышать большевистское слово была так велика, что, например, с фабрики Коншина в конце мая послали двух делегатов в Москву в окружной комитет за ораторами-большевиками. 9 июня в Серпухов приехал посланный Московским окружкомом т. Полидоров. Привожу выдержку из его отчета окружному комитету:

«9 мая на Коншинской фабрике выступал на тему о программе и тактике революционной социал-демократии, о большевиках и меньшевиках. Присутствовало до тысячи человек. Настроение сочувствующее большевикам. Пробовал выступить меньшевик, но неудачно» [1].

Рабочие тянутся к большевикам. Но силы большевистской организации в Серпухове явно отстают от требований момента. Это бросается в глаза каждому наблюдателю. В том же отчете т. Полидоров пишет: «Есть несколько свежих местных работников, но сил нехватает. В совете рабочих депутатов большевики господствуют, но ведут очень умеренную политику. Необходимо для оживления работы приезжать хотя бы раз в неделю».

Не только среди серпуховских рабочих, но и в Серпуховском гарнизоне все более закрепляется большевистское влияние. В совете солдатских депутатов ве-

---

[1] Московский партархив, дело Московского окружного комитета за 1917 г.

дет работу большевик, приехавший в это время с румынского фронта. Большевистскую агитацию против «займа свободы» в апреле меньшевики использовали для того, чтобы уверять солдат, будто большевики не хотят облегчить их положение в окопах. В конце мая меньшевики и эсеры уже старались помалкивать о провалившемся «займе свободы». Солдаты, так же как и рабочие, к этому времени прекрасно понимали, что заем направлен на продолжение войны, против интересов масс.

Даже солдаты, формально состоявшие в партии эсеров, фактически поддерживали большевиков. Тов. Полидоров, проводивший митинг в «морской бригаде» 10 июня, писал в своем отчете:

«10 июня митинг в «морской бригаде», т. е. среди солдат, работающих на машинах и станках для войны. Настроение ярко большевистское. Эсер выступил, но его даже и слушать не захотели. Присутствовало около 200 солдат».

Большевики-солдаты повели решительную борьбу против меньшевиков. Меньшевики продолжают пользоваться влиянием преимущественно среди офицерского состава.

Открытие в Петрограде I Всероссийского с'езда советов серпуховские рабочие отметили демонстрацией с лозунгами: «Вся власть советам», «Долой войну!», «Да здравствует рабочий контроль на фабриках и заводах!», «Земля крестьянам!»

Солдаты морской бригады приняли резолюцию, в которой говорилось: «Считаем недопустимым слияние социалистов с буржуазией во Временном правительстве. Мы находим, что единственный выход — передача всей полноты власти в руки советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов». Резолюция кончалась приветом Ленину. Подписанная 643 солдатами резолюция была послана в Петроград Всероссийскому с'езду советов [1].

---

[1] Московский «Социал-демократ» № 78 за 1917 г.

Сведения о мощной демонстрации 18 июня в Петрограде, которая прошла под большевистскими лозунгами, еще более воодушевили массы, а известие о начатом Временным правительством наступлении на фронте и о введении смертной казни для солдат вызвало возмущение рабочих. 21 июня Московский окружной комитет большевиков предложил провести демонстрации протеста против наступления и против смертной казни.

Серпуховские большевики вынесли обсуждение этого вопроса на заседание совета рабочих депутатов. Растерявшиеся меньшевики и эсеры не высказались ни за, ни против демонстрации. Большевики решительно взяли инициативу в свои руки. Демонстрация состоялась. Во главе ее шли «морская бригада» и артиллеристы. Демонстрация началась от Новой Мызы. Когда колонна проходила мимо фабрик, рабочие бросали работу и присоединялись к ней. На Варгинском мосту демонстранты остановились; здесь начался митинг. Меньшевики попытались овладеть вниманием масс. С защитой политики Временного правительства выступил один из руководителей совета солдатских депутатов, меньшевик Богатырев. Но не успел он сказать и несколько слов, как его стащили с бочки, которая служила трибуной, и только благодаря вмешательству большевиков его не избили. Не дали говорить ни одному меньшевику и эсеру-оборонцу. Выступали большевики, солдаты и рабочие.

В этот период среди серпуховских эсеров произошел раскол. Солдаты-эсеры, не желавшие поддерживать Временное правительство и резко выступавшие против империалистической войны, откололись и образовали группу эсеров-максималистов.

Через несколько дней после этого совет солдатских депутатов по инициативе большевиков постановил переизбрать свой исполнительный комитет. Меньшевики были почти вытеснены из его состава. Новый исполнительный комитет составился в большинстве из большевиков и максималистов. Около двух десятков

наиболее сознательных, активных солдат вступило в ряды большевистской партии.

Рост силы и влияния большевиков не на шутку испугал буржуазию. Знаменитая угроза фабриканта-миллионера Рябушинского «костлявой рукой голода» задушить революцию нашла свое отражение и в Серпухове. Местная буржуазия под предлогом недостатка топлива начинает снова готовить локаут. Сохранился чрезвычайно интересный исторический документ этого времени — письмо рабочих фабричного комитета Рябовской фабрики секретарю бюро Московского областного комитета нашей партии. В письме рабочие разоблачают махинации фабриканта Рябова. Последний заявил, что будто бы из-за недостатка нефти и дров он должен перевести фабрику на уголь и что переделка котлов вынуждает его остановить фабрику на три месяца. Рабочие цифрами и фактами доказывают в своем письме, что запас нефти и дров на фабрике равен трехмесячной потребности ее в топливе. Что же касается переделки топок под уголь, то это легко сделать без остановки фабрики, потому что «у нас в котельной всего шесть котлов, из них три котла топятся, а три постоянно бывают свободны». Да и вся работа по переделке котлов, доказывали рабочие, требует не трех месяцев, а всего двух недель. Рабочие заканчивали письмо следующими словами:

«Здесь-то, товарищи, мы видим, что капиталисты хотят разбить нашу организацию и готовятся нас выкинуть на улицу и поморить с голода, т. е. готовят полный локаут. Но мы, рабочие, видим, что нам капитал готовит кандалы, которые мы только что сбросили».

То же происходило и на других фабриках. Везде буржуазия энергично готовилась к наступлению на рабочих, пытаясь организовать голод.

Фабрикант Рябов, как вспоминают работавшие на его фабрике рабочие, снабжавший их все время по договору продовольствием, вдруг прекратил выдачу мяса и рыбы, уверяя, что на его складе все продукты

вышли, а достать другие негде. Рябовцы в своих воспоминаниях пишут: «Срочно мы в это время создали комиссию из рабочих при фабрично-заводском комитете и явочным порядком произвели обследование; обнаружилось около тысячи пудов солонины в подвалах, до 40 бочек с рыбой и сельдей и студень пудов до 100, и до 5 тыс. пудов было скрыто муки». Фабриканты стремились сгноить имевшиеся у них запасы продовольствия, чтобы тем самым заставить рабочих голодать.

События 3—5 июля были для серпуховских большевиков совершенно неожиданными. Гражданский комиссар в Серпухове потребовал из Москвы присылки казаков для обеспечения спокойствия в Серпуховском уезде.

«На первое время, — пишет т. Мишин, — мы растерялись и не знали, что делать; никаких инструкций от Окружки мы не получали. В газете «Социал-демократ» в сжатом и сдержанном тоне говорилось только о разыгравшихся событиях и никаких лозунгов и указаний не было. Буржуазная пресса свирепствовала, обливая большевиков помоями. В городе против нас создалось враждебное настроение, в особенности торжествовали торговцы, злорадно кричавшие на базарной площади: «Ну, теперь большевикам капут, напрыгались, голубчики»...

На фабриках меньшевики и эсеры повели против нас подпольную агитацию, очевидно, не решаясь выступать пока открыто. Так, на красильной фабрике Игнатова один меньшевик, служащий в конторе, прямо заявил рабочим, что теперь большевиков будут арестовывать. На этой фабрике у нас хотя и насчитывалось среди рабочих до 30 членов нашей партии, но они были еще политически неустойчивы, струсили и прислали к нам представителя и пачку партбилетов с заявлением о выходе из партии»[1].

---

[1] *А. Мишин*, Май—август 1917 г. в Серпухове, стр. 144—145.

Настроение в совете рабочих депутатов в этот момент также оказалось неустойчивым. Большевики, руководившие советом, поставили доклад об июльских событиях. Докладчиком и председателем собрания были большевики. На заседание явились меньшевики во главе с Богатыревым и Клумбом; они все время прерывали докладчика возгласами «ложь», «неправда». Выступивший в прениях Богатырев обвинял большевиков в том, что они анархическими действиями запугивают буржуазию, и предложил резолюцию, призывавшую к поддержке Временного правительства и осуждавшую тактику большевиков.

Большинством совета рабочих депутатов была принята меньшевистская резолюция Богатырева.

В эти дни на Хутаревской фабрике был избит черносотенцами большевик Бобровский. Наиболее видные серпуховские большевики начали получать письма с угрозой расправы. С помещения партийного комитета обнаглевшие контрреволюционеры сорвали вывеску. В квартире Бобровских разбили окна. На Рябовской фабрике был арестован фабричный комитет; фабричная школа, где заседал заводский комитет, была окружена милицией Временного правительства.

В 4 часа утра во время смены большевики собрали рабочих, рассказали об аресте фабричного комитета. К 5 часам утра рабочие окружили школу. Перепугавшаяся милиция разбежалась. Было открыто общее собрание и вынесено постановление немедленно снять начальника милиции.

Это было приблизительно спустя неделю после июльских событий. Этот факт свидетельствует о том, что серпуховские рабочие быстро оправились от временного поражения и стали оказывать решительный отпор черным силам реакции.

Накануне июльских событий, 2—3 июля, состоялась Серпуховская уездная конференция большевиков. Представительствовали на ней по одному деле-

гату от 10 членов партии. Конференция заседала в зале бывшей чайной Общества трезвости.

3 июля, после окончания уездной партконференции, т. Мещеряков на собрании представителей фабричных комитетов всех серпуховских текстильных фабрик сделал доклад о профсоюзном движении. До этого времени в Серпухове были только два профсоюза: типографов во главе с т. Аристовым и служащих во главе с анархистом Греве. Доклад т. Мещерякова послужил началом организации союза текстильщиков в Серпухове. Организация такого крупного профессионального союза в Серпухове еще больше укрепила влияние большевиков. Вскоре после этого большевикам удалось взорвать изнутри согласительную комиссию.

Тов. Кокушкин описывает это событие следующим образом: «15 июля я попал на заседание ее (согласительной комиссии. — **Л. Б.**), и попал очень удачно, так как на этом заседании, кроме самой согласительной комиссии из пяти рабочих и пяти фабрикантов, было много представителей от фабрично-заводских комитетов. Это заседание было по вопросу о надбавке на дороговизну, обсуждавшемуся уже месяца полтора. Настроение у всех было повышенное. Фабрикант Рябов доказывал невозможность дать прибавку по 5 коп. на рубль ввиду большой платы налогов ими (фабрикантами), причем ссылался на последнее постановление Временного правительства о налоге на доходы (на прибыль), который им предстоит платить, и соглашался на надбавку в 3 коп. Он показывал им напечатанное постановление. Остальные фабриканты (Мараев, Шибаев, Игнатов и представитель от Коншина) ухватились за эту мысль и тоже уперлись на 3 коп. Рабочие чуть было не сдались. Я попросил слово и рассказал, что фабриканты будут платить за прибыль 1916 г., ввиду падения ценности денег, только $^{1}/_{10}$ часть того, что им пришлось бы заплатить в январе 1917 г., т. е. вместо ста рублей фактически десять, и что цифра-то, может быть, и

велика, а суть-то ее в 10 раз меньше, и что постановление об этом подоходном налоге на прибыль фабрикантов есть втирание очков рабочим. После этого рабочие с громкими криками вскочили с мест, и дело одурачивали рабочих со стороны фабрикантов сорвалось. Фабрикант Рябов обозлился (он был в офицерской форме какого-то драгунского или уланского полка, со шпагой и револьвером). Он ухватился за шпагу или за револьвер и поднялся на меня, говоря: «Он шпион, выдает тайну государства, я его сейчас же арестую, он посторонний человек здесь». Рабочие же меня хорошо знали еще мальчиком и, конечно, не могли поверить этой выдумке. В это время один рабочий ударил кулаком по столу, накинулся на него, подставляя кулаки к носу; остальные рабочие, сидевшие вдали на скамейках, тоже встали и стали подвигаться к столу. Поднялся гул, крики: «Они нас все время за нос водят, вон их отсюда!» Фабриканты струсили (улизнуть было некуда), согласились на 5 коп. и сказали, что оформят согласие окончательно на первом собрании президиума.

Присутствующие рабочие получили наглядное доказательство, за что буржуазия клевещет на большевиков, называя их германскими шпионами. Это заседание было последним. По всем фабрикам было рассказано о случившемся на нем, и с этого времени всякие соглашения с фабрикантами кончились. Комиссия распалась».

16 июля состоялась демонстрация солдат и рабочих под красными знаменами, на которых были большевистские лозунги: «Долой 10 буржуазных министров», «Вся власть советам». Во главе демонстрации шел оркестр военной музыки. Число демонстрантов достигало 1 500 человек. Демонстрация направилась к военному госпиталю, у сада которого, где толпились искалеченные инвалиды, произошел летучий митинг, направленный против Временного правительства, продолжавшего вести империалистическую войну. Призыв к власти советов встретил общее сочувствие.

В ответ на контрреволюционный заговор серпуховские рабочие стали организовывать на фабриках отряды Красной гвардии. Сохранился мандат на имя рабочего, делегированного в Москву за оружием. Привожу этот документ:

«В заседании комитета депутатов рабочих химического завода Акционерного общества Желевского завода химических производств единогласно было постановлено организовать на заводе вооруженную дружину в составе 10 человек и просить Московский совет рабочих и солдатских депутатов о выдаче оружия для дружины. Для пред'явления этой просьбы и получения оружия комитет уполномочил избранного ранее делегата.

Следуют подписи» [1].

В это же время начинает быстро расти влияние большевистских идей на крестьянские массы Серпуховского уезда.

Крестьяне Серпуховского уезда в подавляющей массе были бедняками. Безлошадных крестьян было 44%, 30% крестьян не имело рогатого скота.

Лучшие земли в Серпуховском уезде находились во владении крупных помещиков и монастырей. Они владели богатейшими приокскими заливными лугами, огородами, фруктовыми садами, мельницами, пасеками, вели большое молочное хозяйство, выводили птицу. Немало земель было и у пригородных серпуховских кулаков-огородников.

Беднякам и даже середнякам, сеявшим рожь, овес, гречиху, картофель, никогда нехватало своего хлеба до нового урожая. Они вынуждены были прибегать к отходничеству и разным промыслам. В деревнях были развиты кустарные промысла: кружевной (главным образом в Алексеевской и Стремиловской волостях), сусальный, стекольный, овчинный, кожевенный, бондарный, шитье лайковых перчаток, производство булавок и т. п. Потребителем всех этих изделий была

---

[1] Мособлархив, ф. 370, д. № 1, л. 43.

Москва. Кустари получали материал от скупщиков (иногда местных кулаков), у которых были в постоянных долгах. Многие находили заработок в пределах своего уезда: в пригородных селениях Скрылье, Заборье, Нефедово были расположены обширные ткацкие и прядильные фабрики. Но часть крестьян уходила дальше своего уезда, преимущественно в Москву, а также в Гжель, главным образом, на фаянсовые заводы.

Вот почему большевистский лозунг немедленного захвата крестьянами помещичьих, удельных и церковных земель быстро получил большую популярность среди крестьян Серпуховского уезда.

Крестьяне захватили богатые заливные луга Владычного монастыря Серпуховского уезда. Монастырь имел «сильную руку» не только в Москве, но и в Петрограде. Московский губернский комиссар Временного правительства получил по этому поводу из Петрограда специальную телеграмму за подписью министра внутренних дел Церетелли. Лидер меньшевиков, ставший к тому времени министром Временного правительства, телеграфировал московскому губернскому комиссару:

«Согласно телеграмме настоятельницы Владычного монастыря Серпуховского уезда крестьяне самовольно захватили луга монастыря, причем местные власти бездействуют. МВД предлагает срочно принять зависящие меры»[1].

Телеграмма датирована 21 июля 1917 г.

Получив соответствующий приказ, уездный комиссар прапорщик Макаров потребовал присылки ему казаков.

Вообще крестьяне в это время доставляли много хлопот Временному правительству. В Московском областном архиве сохранилась обширная переписка московского губернского комиссара с серпуховским уездным комиссаром по крестьянским делам. Так, на-

---

[1] Мособлархив, ф. губернского комиссара, св. 4, д. № 32, л. 38.

пример, Вельяминовский волостной комитет Серпуховского уезда постановил обложить помещичьи и церковные земли с каждой десятины намного больше, чем крестьянские земли. Помещики Вельяминовской волости обратились с протестом к серпуховскому уездному, к московскому губернскому комиссарам и к Временному правительству. Помещики соглашались платить налоги только при условии «равенства обложения для всех плательщиков». Несмотря на требования властей отменить постановление, Вельяминовский волостной комитет настоял на своем.

Затем началась борьба между помещиками и крестьянами в связи с рубкой крестьянами помещичьего леса. Московский губернский комиссар по этому поводу срочно телеграфировал серпуховскому уездному комиссару:

«По распоряжению Вельяминовского комитета крестьяне вырубают у землевладельца Ельчанинова дубы, причем ни денег, ни квитанций комитет владельцу не выдает. Немедленно и решительно прекратите вредную государственным интересам деятельность волостного комитета и виновных в самоуправстве привлеките к судебной ответственности»[1].

Но, запрещая рубку леса крестьянам, Временное правительство всячески поощряет вырубку помещиками своих лесов, чтобы они не достались крестьянам. Об этом свидетельствует телеграмма московского губернского комиссара серпуховскому уездному комиссару:

«Крестьяне села Голубино Вельяминовской волости запретили рубку леса землевладельцу Леонову. Примите немедленно меры к отмене постановления и предоставлении Леонову возможности безостановочной заготовки дров. О последующем сообщите. Губернский комиссар»[2].

---

[1] Мособлархив, ф. московского губернского комиссара, св. 4, д. № 32, телеграмма № 470 от 14 июня 1917 г.

[2] Мособлархив, ф. московского губернского комиссара, св. 4, д. № 32, телеграмма № 470 от 14 июня 1917 г.

Вторая телеграмма на эту тему гласит:

«Постановление Вельяминовского волостного комитета о запрещении рубки всех лесов в пределах волости, как незаконное и губительное интересам государства, предлагаю немедленно отменить»[1].

Политика Временного правительства, которое считало «незаконным и губительным для интересов государства», когда лес рубят крестьяне, и столь же «незаконным и губительным», когда крестьяне запрещают рубить лес помещикам, разоблачала перед крестьянами буржуазную сущность Временного правительства.

Телеграмма от 16 июля 1917 г. показывает, что борьба крестьян за сохранение леса продолжалась, несмотря на все запрещения Временного правительства.

«Серпухов, уездному комиссару. Крестьяне Белопесоцкой слободы препятствуют рубке леса Потаповыми. Крестьяне деревни Конуново, вопреки постановлению Киясовского комитета от 2 мая, воспретили рубку леса Зыбину и Гусеву. Крестьяне деревни Рудино, вопреки постановлению Вельяминовской примирительной камеры, запретили рубку леса Гусеву. Желателен ваш приезд или командирование авторитетного лица в эти места для принятия надлежащих мер. Губкомиссар Эйлер»[2].

Вместе с тем ширился захват крестьянами лугов. Только в один день 17 июля к серпуховскому уездному комиссару поступили следующие жалобы от помещиков: от владельца имения дворянина Коробанова о том, что крестьяне села Проскурова, захватив луг, косят его; от владельца имения при сельце Сотникове дворянина Макарова о том, что у него захвачены крестьянами луга; от владельца имения при сельце Бобееве о самоуправстве крестьян, захватывающих луга.

---

[1] Мособлархив, ф. московского губернского комиссара, св. 4, д. № 32, телеграмма № 470 от 14 июня 1917 г.

[2] Мособлархив, ф. московского губернского комиссара, св. 4, д. № 32, л. 38.

Общее собрание помещиков Вельяминовской волости слезно жалуется на крестьян уездному комиссару, пытаясь всю вину свалить на большевиков. Указывая на самоуправство крестьян, которые захватывают луга, не дают помещикам косить сено или даже отбирают у них уже скошенное сено, собрание подчеркивает, что эти действия поощряет Вельяминовский волостной комитет.

«Вместе с этой просьбой нижеподписавшиеся считают своим долгом обратить внимание гражданина уездного комиссара на то, что волостной комитет и в особенности комиссар Сальников своими большевистскими действиями и открытым игнорированием распоряжений Временного правительства вносят в среду местного крестьянского населения смуту, так что крестьяне в конце концов перестают верить кому бы то ни было и совершенно не разбираются в том, что можно делать и чего не следует допускать и что способствует укреплению нового строя и что создает только беспорядок».

Московский губернский комиссар поддерживает просьбу дворян Вельяминовской волости. В своем отношении от 17 июня 1917 г. на имя серпуховского уездного комиссара он пишет:

«Прошу вас срочно принять меры к расследованию незаконных действий Вельяминовского волостного комитета по данному на ваше имя прошению от собрания землевладельцев Вельяминовской волости, состоявшегося 9 сего июля. О результате расследования и принятых вами мер прошу поставить меня в известность».

Но никаких мер комиссары Временного правительства принять уже не могли. Крестьянское движение в Серпуховском уезде, все более разгоравшееся, как и всюду в России, в то время ярко свидетельствовало о бессилии буржуазии разрешить крестьянский вопрос. Крестьянское движение усиливало кризис власти буржуазии и приближало дело к развязке.

Дни разгула временно восторжествовавшей реакции помогли лишь серпуховской большевистской организации очиститься от части случайных, колебавшихся попутчиков, вошедших в ряды партии стихийно, под влиянием общего под'ема. Теперь, не выдержав испытания, эти случайные для партии элементы отошли от нее. В рядах серпуховских большевиков остались самые преданные, классово выдержанные члены партии. Мало того, именно в эти дни в партию влились новые рабочие, понявшие необходимость активной борьбы за дело рабочего класса. Серпуховская организация вскоре оправилась и усилила свою работу в массах. Ее влияние, как показали происходившие в августе выборы в Серпуховскую думу, выросло в рабочих и солдатских массах.

Кампания по выборам в городскую думу началась в половине июля борьбой за включение в выборы пригородов. По положению о выборах, изданному Временным правительством, пригороды нигде не должны были участвовать в выборах. Таким образом, рабочие шести серпуховских фабрик, в том числе таких крупных, как Рябовская (4 тыс. рабочих), Мараевская (1 500 рабочих) и др., были лишены избирательных прав.

По инициативе Московского окружного комитета серпуховская организация подняла энергичную агитацию за включение пригородов в городскую черту. Город был разбит сначала на четыре избирательных участка, потом, под влиянием агитации большевиков, были прибавлены пятый и шестой участки, включавшие пригороды. Уже почти накануне выборов выяснилось, что некоторые части гарнизона, в том числе артиллеристы и учебная команда, не получили избирательных карточек. Большевики явились в совет солдатских депутатов с резким протестом. На заседании совета солдатских депутатов выяснилось, что это меньшевистско-эсеровская махинация. Под давлением возмущенных солдат избирательная комиссия создала седьмой избирательный участок, и таким образом

большевики помогли солдатам осуществить свои избирательные права.

Меньшевики предлагали большевикам выставить совместный с ними и эсерами список кандидатов на выборы в Городскую думу. Они горячо доказывали, что об'единенный «социалистический» список завоюет большинство голосов, которые потом полюбовно и поровну можно будет разделить, т. е. ввести в думу равное число большевиков, меньшевиков и эсеров.

Среди большевиков были некоторые члены партии, которые склонялись к принятию предложения меньшевиков, но победила точка зрения решительного отказа от какой либо коалиции с соглашателями.

Меньшевики и эсеры, об'единившись в блок, выставили список № 3. Большевики выступили со своим списком № 5.

Чем дальше разгоралась борьба, тем все более ощутимой становилась та пропасть, которая была вырыта июльскими событиями между большевиками и соглашательскими партиями, вступившими на путь поддержки контрреволюции.

Каждый день приносил новые факты, доказывавшие, что своеобразное «двоевластие» первых месяцев революции кончилось, что сила перешла в руки контрреволюционной буржуазии, которая стремится ко все большему закреплению занятых позиций. Выборы (6 августа) происходили в обстановке сильнейшего правительственного давления и террора.

На ситценабивной фабрике Коншина меньшевики за два дня до выборов собрали общее собрание, на котором заявили, что если пройдут большевики, то железнодорожники прекратят подвоз угля и все фабрики станут. Угрозами они добились... постановления общего собрания о том, что все рабочие обязаны голосовать за список № 3, т. е. за блок меньшевиков и эсеров.

На Беляевской фабрике вели агитацию народные социалисты. Их агитаторша цинично заявила: «Если не будете голосовать за наш список, то мы не будем

давать муки». Рабочие эту агитаторшу привели в фабричный комитет и составили протокол. В сообщении серпуховской районной организации Московскому окружному комитету приводились все эти случаи. В этих сообщениях мы читаем: «Особенно усердствовал господин Шпаро, бывший юрист, теперь состоящий на военной службе». Шпаро в офицерской форме раз'езжал по фабрикам и заявлял, что все большевики — шпионы, продались немцам, что все голосующие за большевиков будут привлечены к суду вместе с ними. В войсках командный состав из меньшевиков и эсеров лично раздавал солдатам избирательные бюллетени блока меньшевиков и эсеров, предупреждая, что они должны голосовать только за этот список.

Большевики, ведя агитацию среди рабочих и солдат, открыто обвиняли Временное правительство и кадетов в контрреволюции и разоблачали меньшевиков и эсеров как пособников последней.

Серпуховским большевикам много помог в развертывании избирательной кампании Московский окружной комитет, организовавший в это время по уездам до 40 лекций и докладов на различные политические темы: о задачах революционной социал-демократии, о классах и партиях, о тактике большевиков в городском самоуправлении, о войне и революции и др. Помимо большой политической поддержки эти лекции помогли несколько пополнить скудную кассу серпуховской партийной организации. Лекции устраивались платные, причем за билет бралось от 15 до 30 коп. Несмотря на платность, Занарский народный дом, где главным образом читались лекции, всегда был набит битком. Слушатели забрасывали лектора вопросами и записками. Часто на эти лекции приходили и местные меньшевики, но вступать в прения с московскими докладчиками они не решались.

Выборы дали следующие результаты: список № 1 — общества фабрикантов и заводчиков — получил 208 голосов; список № 2 — народных социалис-

тов — 746 голосов; список № 3 — блок меньшевиков и эсеров — 8 065 голосов; список № 4 — кадетов — 2 229 голосов; список № 5 — большевиков — 2 697 голосов; список № 6 — беспартийных — 21 голос. Характерен провал беспартийного списка, показывающий большую степень обостренности политической борьбы. В сущности говоря, боролись три списка: кадетский список — буржуазной реакции, эсеровско-меньшевистский список — мелкобуржуазных соглашателей — и большевистский список — пролетарской революции.

Меньшевики и эсеры победили путем давления и террора. Получение нашей партией в момент разнузданной травли и открытой реакции 2 700 голосов было громадной политической и моральной победой. Больше всего большевики получили голосов в седьмом солдатском участке. Из 1 400 голосов солдат 1 258 были отданы большевикам. Кадеты, получившие по седьмому участку всего 2 голоса, при молчаливой поддержке меньшевиков и эсеров, подняли вопрос об отмене выборов по этому участку.

Меньшевики и эсеры добились того, что выборы по седьмому участку были кассированы и голоса солдат, поданные за список № 5 (большевиков) были об'явлены недействительными.

В Думе места были распределены так: народные социалисты — 2, меньшевики и эсеры — 33, кадеты — 8, большевики — 6.

Когда большевистская типография отказалась печатать агитационную выборную литературу меньшевиков и эсеров, эти социалисты подняли вопль о том, что рабочие типографии нарушают демократические свободы. Истерика «социалистов» не оказала на печатников никакого впечатления.

10 августа в Серпухов вернулся т. Кокушкин с VI с'езда партии, происходившего 26 июля—3 августа в Петрограде. Он сделал ряд докладов на фабрично-заводских ячейках о результатах с'езда. В резолюциях, принятых по докладам т. Кокушкина, говорилось, что пролетариату и крестьянству неизбежно при-

дется в открытой схватке столкнуться с буржуазией и что «нашей партии предстоит задача организации рабочих и крестьян для решительного наступления против буржуазии».

После VI с'езда партии серпуховская организация большевиков должна была перестроить свою работу. Выше уже приводились воспоминания крупных работников серпуховской организации, а также выдержки из официальных докладов товарищей из Окружкома, посещавших Серпухов, с указанием на большевистское настроение в совете рабочих депутатов и среди солдат. Но беда серпуховских большевиков была в том, что они не умели закрепить эти настроения. Этим пользовались меньшевики и эсеры.

В начале августа серпуховские советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов обсуждали вопрос о предстоящем Московском государственном совещании. Как известно, контрреволюция пыталась создать свой парламент, свой центр.

Задача заключалась в том, чтобы сорвать с совещания маску народного представительства, выставив на свет его контрреволюционную, противонародную сущность.

Необходимо было разоблачать меньшевиков и эсеров, прикрывавших это совещание флагом «спасения революции», организовать массовые митинги протеста против этой контрреволюционной махинации.

Этих указаний партии серпуховские большевики не сумели провести в жизнь. Они не вели никакой раз'яснительной кампании. В результате меньшевикам и эсерам удалось протащить через совет рабочих депутатов свою резолюцию по вопросу о Московском совещании. В ней говорилось, что предстоящее всероссийское совещание в Москве является «последней попыткой Временного правительства об'единить все живые силы страны», «*последней* очной ставкой революционной демократии с представителями буржуазии, в которой должна определиться возможность или невозможность сотрудничества этих двух групп населения». Тем

самым Серпуховский совет одобрил созыв Московского совещания.

К этим безусловно меньшевистским положениям Серпуховский совет прибавил те требования, которые необходимо пред'явить Временному правительству. Вот эти требования: во-первых, немедленный созыв конференции союзников и пересмотр договоров, существующих между Россией и ее союзниками, с целью отказа от аннексий и контрибуций и немедленного заключения мира на этой основе; во-вторых, безусловное признание Временным правительством и высшим командным составом революционных армейских и фронтовых комитетов, всех солдатских организаций в тылу и на фронте, предоставление этим организациям контроля над всей политической жизнью армии, над снабжением армии как продовольствием, так и боевыми припасами; в-третьих, отмена смертной казни, введенной Временным правительством; в-четвертых, укрепление советов как оплота революции.

Эти требования шли дальше тех задач, которые ставили себе меньшевики и эсеры.

На запрос Московского окружного комитета, была ли проведена в Серпухове забастовка протеста в день открытия Московского совещания (в Москве была проведена всеобщая забастовка), серпуховская большевистская организация официально ответила:

«Забастовки, как протест против Московского совещания, в Серпухове провести было нельзя, потому что фабрики не работали 4 дня. Устраивать демонстрацию с одними солдатами не захотели».

Почему фабрики не работали четыре дня, не указано, и никаких материалов по этому вопросу не удалось найти.

Вскоре в Серпухове особую остроту приобрел вопрос о бирже труда. Для доклада по этому вопросу из Петрограда приезжал специальный представитель от министерства труда, меньшевик. На заседании совета рабочих депутатов, обставленном меньшевиками с особой торжественностью, докладчик защищал проект

паритетных бирж труда, в правление которых должны входить по одному представителю от фабрикантов, от рабочих и один член правления по соглашению этих обоих представителей. В прениях после доклада выступал от меньшевиков Богатырев, от эсеров — Кустарев. Оба поддерживали паритетный принцип. Выступивший от большевиков т. Кокушкин раскрыл перед собранием всю подноготную паритетного начала. Равенством представительства от рабочих и фабрикантов маскируется сохранение права фабрикантов нанимать тех рабочих, которые им больше понравятся своей покладистостью.

При голосовании предложение меньшевиков провалилось. Почти единогласно было принято предложение большевиков о создании бирж труда, в правление которых входили бы только рабочие. Меньшевики не ожидали такого поражения и попытались аннулировать голосование, передав вопрос в президиум совета рабочих депутатов. Тогда члены совета потребовали перевыбора президиума. В переизбранный президиум совета рабочих депутатов вошли целиком большевики и сочувствующие им.

Это было в половине августа, когда в стране уже назревал корниловский заговор. В те дни контрреволюция, возглавляемая кадетами и генералами из Ставки, сдавала германцам Ригу, открывала фронт, чтобы сдать Петроград и этим окончательно задушить революцию. Серпуховский уездный комиссар прапорщик Макаров, которого рабочие насмешливо звали серпуховским Александром Федоровичем (так звали Керенского), вызвал в эти дни в Серпухов из Москвы отряд юнкеров.

В августе в Серпухов, кроме юнкеров, был прислан 900-й полк, почти сплошь состоявший из недавно призванных в армию крестьян, неграмотных и политически отсталых. Этими солдатами хотели заменить распропагандированные части Серпуховского гарнизона. Вообще, чем более левели серпуховские рабочие и солдаты, тем больше неистовствовала черная сотня, и на базарной площади открыто слышались угрозы распра-

виться с ненавистными большевиками. Черносотенцы повели агитацию среди новых войсковых частей и организовали в конце августа погром пивоваренного склада на Дворянской улице, по пути к вокзалу. Дня четыре продолжалась попойка. Какие-то неизвестные провокаторы приносили в казармы морской бригады и артиллеристов на заводы и фабрики полные ящики вина и пива, пытаясь втянуть в попойку рабочих и солдат. Серпуховская большевистская организация напрягала все силы, чтобы удержать малосознательных солдат и рабочих от участия в погроме винных складов, на который явно подстрекали черносотенцы. Агитация большевиков имела успех. В «морской бригаде», в учебной команде, в некоторых других частях и на фабриках провокаторы, приносившие вино, арестовывались, а принесенное вино и пиво торжественно выливались в помойную яму.

26 августа в Серпухове было об'явлено военное положение. В 11 часов дня были расставлены пулеметы по Московской улице и броневики на Дворянской улице. Юнкера патрулировали по городу, не позволяя проходить по улице группами. Специальный отряд был выставлен около мастерской бывш. Ильинской фабрики, где была расположена «морская бригада». Рабочим с окраины было воспрещено появляться в городе. Под прикрытием юнкеров местная черная сотня разнуздалась. Ходить по улицам было небезопасно, особенно депутатам совета. Военное положение продожалось несколько дней, до получения известий о ликвидации корниловского восстания. Корниловский заговор окончательно разоблачил замыслы Временного правительства. В дни корниловского мятежа прозрели самые отсталые из рабочих и солдат. Несмотря на военное положение и присутствие в городе юнкеров, на фабриках происходили тысячные митинги. Настроение рабочих было настолько возбужденным, что юнкера не решались сунуть свой нос на фабрики. Солдаты и рабочие на митингах требовали: «Долой кадетов и Корнилова!», «Долой Временное правительство!»

Президиум совета рабочих депутатов категорически потребовал увода юнкеров из Серпухова. Комиссар Макаров ответил, что войска вызваны для прекращения погрома винных складов и якобы даже не им, а «пятеркой», созданной для борьбы с контрреволюцией. Оказалось, что эту «пятерку» создали меньшевики и эсеры без ведома советов рабочих и солдатских депутатов. На деле она оказалась бессильной что-либо предпринять и служила лишь ширмой для гражданского комиссара.

Президиум совета рабочих депутатов потребовал, чтобы впредь без его согласия никакие передвижения войск не допускались. Для контроля над «пятеркой» совет рабочих депутатов выдвинул т. Кокушкина. Но «пятерка» уже прекратила свое существование и больше не собиралась.

Товарищ Сталин, подводя итоги борьбы с корниловщиной, писал в газете «Рабочий путь», выходившей вместо закрытой «Правды».

«Революция идет. Обстрелянная в июльские дни и «похороненная» на Московском совещании, она вновь подымает голову, ломая старые преграды, творя новую власть. Первая линия окопов контр-революции взята. Вслед за Корниловым отступает Каледин. В огне борьбы оживают умершие было Советы. Они вновь становятся у руля, ведя революционные массы» [1]

V

К концу августа Серпуховский совет рабочих депутатов окончательно был завоеван большевиками. В сентябре, после корниловщины, совет солдатских депутатов также работал под фактическим руководством большевиков.

Влияние эсеров на крестьянскую массу и на совет крестьянских депутатов в это время стало быстро падать. Политика Временного правительства все больше

---

[1] *Сталин*, На путях к Октябрю, стр. 168, Гиз.

революционизировала крестьян. Крестьяне на деле убеждались, что единственная партия, признававшая за крестьянами право на помещичьи, удельные и монастырские земли, была партия большевиков. Эсеры и меньшевики, наоборот, всячески стремились удержать крестьян от захвата земель и поддерживали Временное правительство.

Ко времени выборов в волостные и уездные земства, происходивших в сентябре, всякие иллюзии насчет Временного правительства были уже среди крестьян развеяны. Этому особенно содействовал московский губернский комиссар Временного правительства.

После того как телеграммы и приказы из Серпухова и из Москвы не смогли заставить Вельяминовский волостной комитет изменить свою линию, председатель Вельяминовского комитета Сальников был вызван лично телеграммой в Москву «для об'яснения по делам службы» и больше уже не возвращался.

3 августа 1917 г. на имя прокурора Московского окружного суда поступило отношение за подписью московского губернского комиссара, в котором говорилось: «Прошу привлечения бывш. председателя Вильяминовского комитета Сальникова к судебной ответственности за неподчинение законным распоряжениям власти и за превышение им самим власти».

В связи с арестом Сальникова в Вильяминовскую волость прискакал отряд казаков. Помещики его встретили и проводили с почетом и благодарностью. Крестьяне же получили наглядный урок аграрной политики Временного правительства.

Но не только помещиков защищало Временное правительство в деревне. По соседству с деревней Малое Образцово Белопесоцкой волости Серпуховского уезда находилось село Суково Коломенского уезда, где процветал кулак Лихачев. Крестьяне обеих деревень находились в полной кабале у Лихачева. В течение 20 лет он «арендовал» (за несколько ведер водки, поставленных «миру») все крестьянские леса и покосы.

Когда началась революция, крестьяне решили, что наступил конец кабале, и принялись сами косить свои луга и рубить свой лес. Но коломенские власти энергично выступили в защиту «прав» Лихачева[1]. Малообразцовские крестьяне не сдавались: «Коломна нам не указ, мы серпуховские»,—заявили они. Однако, и серпуховский уездный комиссар, вместо защиты малообразцовских крестьян, прислал в Малое Образцово карательный отряд, который отобрал у бедноты скошенное сено и срубленный лес и заставил крестьян на своих лошадях везти свое же добро в село Суково торжествовавшему кулаку.

Еще в половине июля Московская окружная конференция большевиков приняла резолюцию по вопросу о выборах в земства:

«Московская окружная конференция, обсудив план работ в деревне при выборах в местное самоуправление (волостное и уездное) и Учредительное собрание полагает: наше влияние в деревне может распространиться с одной стороны, через фабрики и фабрички, рассеянные повсюду в губернии, с другой — через рабочих, уходящих в деревни из городов на праздники».

По предложению Московского окружного комитета, выборы должны были проходить под лозунгом: «Организованный захват земли у частных владельцев и передача ее в пользование крестьянам». Выборы в волостные и уездные земства должны были об'единить беднейшее крестьянство вокруг большевистской программы. Только большевики могли провести в жизнь немедленный организованный захват земли у помещиков, не дожидаясь Учредительного собрания. Как и на выборах в городские думы, московская окружная организация запретила какие бы то ни было блоки и соглашения с мелкобуржуазными партиями.

Кампания по выборам в земства, несомненно, дала толчок к дальнейшему развитию аграрного движения в

---

[1] Мособлархив, ф. московского губернского комиссара, св. 4, д. № 40.

Серпуховском уезде. Во время этой кампании в виде предвыборного собрания был созван пленум совета крестьянских депутатов, на который с'ехалось много делегатов-крестьян с мест. Докладчиком выступил один из лидеров серпуховских эсеров, Кустарев. В своей речи эсер пространно описывал, каким образом Учредительное собрание разрешит вопрос о земле. После Кустарева от имени большевиков выступил т. Кокушкин, заявивший, что большевики предлагают крестьянам брать землю сейчас же, а как ею пользоваться, решат сами крестьяне, им виднее. Эта речь вызвала большое оживление. Крестьяне говорили, что они и сами так думали. Никаких дальнейших уговоров эсеров они не хотели больше слушать, так что Кустарев не мог даже закончить своего заключительного слова.

В дальнейшем при перевыборах крестьянского исполкома в него вошло много революционно настроенных крестьян с мест, которые позднее стали членами нашей партии. Крестьянские делегаты раз'езжались по деревням, распространяя лозунг захвата земель.

При выборах в губернское земство от Серпуховского уезда прошли большевики.

VI

Приближался Октябрь. Продовольственная разруха в Серпухове достигла высшей своей точки. Для всех было очевидно, что Временное правительство бессильно разрешить самые коренные, самые насущные вопросы: о хлебе, о производстве, о топливе, о земле, не говоря уже о войне и мире. Авторитет власти падал. Из Петрограда приходили беспрестанные сообщения о новых и новых реорганизациях Временного правительства. С фронта приходили вести о поражениях, распространялись тревожные слухи о том, что Временное правительство решило сдать германцам Петроград.

При громадной продовольственной разрухе, возбужденном и боевом настроении рабочих и крестьян граж-

данский комиссар в Серпухове и местная буржуазия чувствовали себя бессильными. Фактическая власть на предприятиях находилась в руках совета рабочих депутатов. Рабочие и солдаты местного гарнизона все чаще требовали открытого взятия советом власти.

На противоположном полюсе, выразителем которого была базарная площадь, издавна служившая средоточием черносотенства, росли монархические, погромные настроения. Гражданский комиссар беспомощно суетился, бросаясь за поддержкой то в земскую городскую управу, то в советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, угрожая анархией и требуя поддержки Временного правительства.

8 октября в Серпухове была получена телеграмма от московского губернского комиссара. В телеграмме в истерическом тоне говорилось о «развивающейся анархии, которая неудержимо влечет страну к гибели». Телеграмма была направлена против большевиков, однако, слово «большевики» в ней не упоминалось, и вся она была составлена в туманных выражениях: о родине, которая в опасности, о каких-то угрозах революции. В заключение предлагалось всем уездным комиссарам образовать «особые комитеты борьбы с анархией». При этом ясно предопределялся состав комитета из представителей городского и земского самоуправления, начальника местного гарнизона, начальника милиции и представителя судебной власти. Кончалась телеграмма указанием на необходимость пересмотреть кадры милиции и спешно укрепить ее «отборными, надежными людьми из числа военных чинов, увольняемых для этого от службы в армии».

Временное правительство готовилось дать отпор нарастающей пролетарской революции и мобилизовало для этого все силы. Однако, в Серпухове осуществить эту телеграмму долго не решались. Первое об'явление комитета по борьбе с анархией появилось на улицах Серпухова 21 октября. В нем говорилось:

«Воспрещается собирать митинги на улицах и пло-

щадях, а также созывать собрания в закрытых помещениях.

Лица, своими призывами или речами собирающие толпу, будут арестовываться и привлекаться к судебной ответственности...

Всякое нарушение общественного порядка или другие преступные выступления будут в корне пресекаться всякими средствами, вплоть до применения оружия».

Об'явление было составлено в стиле приказов царских генерал-губернаторов и градоначальников, в духе треповского «патронов не жалеть».

Об'явление вызвало настолько бурное возмущение рабочих и местного гарнизона, что уже на другой день комитет вынужден был бить отбой. 22 октября было расклеено новое об'явление:

«Комитет по борьбе с анархией об'являет, что распоряжение свое о запрещении собраний в закрытых помещениях он отменяет. Митинги же на улицах и площадях запрещаются».

Начав с чрезвычайно высокой ноты, с угрозы применения оружия, комитет сразу сорвался, а потом и окончательно стушевался.

Местные фабриканты каждодневно убеждались в бессилии власти. Правление товарищества мануфактур Коншина в Серпухове, находившееся в Москве, обратилось 19 октября к серпуховскому гражданскому комиссару с просьбой об охране своих предприятий. При этом правление оперировало такими аргументами:

«Необходимость обеспечения интересов подданных дружественных с нами держав в России,— писали они в своем обращении,— побудило, как известно, министерство внутренних дел предписать комиссарам принять самые энергичные меры к охране предприятий иностранных подданных, а также личной безопасности их самих и служащих» [1].

---

[1] В товарищество пайщиками входили лица, состоявшие в иностранном подданстве: великобританском (паи на сумму 2 840 тыс. руб.) и французском (паи на сумму 30 тыс. руб.). Паи эти составляли вместе 23% всего основного капитала.

Ссылаясь на это распоряжение министерства внутренних дел Временного правительства, правление Коншинского т-ва мануфактур требовало от гражданского комиссара немедленно направить военную силу для охраны прядильно-ткацкой, ново-ткацкой, ситценабивной и красильно-отделочной фабрик, на которых работало 12 тыс. рабочих. Но комиссар был уже бессилен исполнить эту просьбу. Даже аргумент об иностранном капитале, столь убедительный для правительства Керенского, не оказал влияния, ибо в руках гражданского комиссара не было военной силы. Он передал прошение комитету по борьбе с анархией, но и комитет ничего не мог сделать. Правление т-ва мануфактур Коншина получило накануне Октябрьской пролетарской революции от комитета по борьбе с анархией ответ, смысл которого сводился к следующему: позаботьтесь сами о себе, а мы ничего сделать не можем.

Никогда еще в истории не было столь ясного положения: дни соглашательского правительства были сочтены; власть должна была перейти либо к советам, т. е. к пролетариату, либо к генеральско-кадетской реакционной клике.

Часов в 11 вечера 25 октября в Серпуховский комитет большевиков явился представитель подольской организации. Товарищ заявил, что в Москве и Петрограде идут бои за власть советов, что в Подольске уже власть в руках советов и он приехал предупредить серпуховских товарищей, чтобы они не пропустили войск Временного правительства с юга, а подольчане со своей стороны уже предприняли ряд мер в этом направлении.

Во время этих переговоров из Москвы явился представитель Военно-революционного комитета с директивой о захвате власти, о посылке отрядов Красной гвардии в распоряжение Московского военного ревкома.

Получив эту директиву, наша организация приступила к действию: ночью на телеграф, телефон, вокзал, в казначейство, тюрьму и т. д. были назначены и

посланы большевистские комиссары — рабочие и солдаты.

26 октября в 12 час. дня открылся пленум советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов совместно с ФЗК, ротными и батарейными комитетами.

С информацией о положении выступил представитель Московского ревкома, а потом делегат подольских большевиков. Председательствовал на пленуме т. Кокушкин, секретарем был т. Аристов С.

Около восьми часов шли ожесточенные прения. Меньшевистские и эсеровские лидеры заклинали рабочих и солдат не голосовать за взятие власти, пугали, кричали о гибели революции, в истерике, захлебываясь словами, ругали всячески большевиков.

С достойной и твердой отповедью выступали большевики, Кокушкин и др., призывая рабочих и солдат захватить власть в руки советов. Меньшевики и эсеры потребовали поименного голосования.

К столу президиума подходили рабочие, солдаты и говорили твердо и просто: «взять власть в руки советов!»

Подавляющим большинством голосов серпуховские рабочие и солдаты постановили: отныне вся власть принадлежит советам!

Среди отдельных большевиков были колебания по вопросу о захвате власти, и они от голосования воздержались (Дядичев).

Но это были отдельные единицы. Огромное большинство работало не покладая рук день и ночь над утверждением нарождающегося советского строя.

Пока происходили выборы ревкома, из Серпухова сбежали гражданский комиссар прапорщик Макаров и начальник гарнизона, он же председатель комитета по борьбе с анархией, полковник Болотников. Таким образом, переход власти в Серпухове в руки рабочих произошел без всякой попытки вооруженного сопротивления со стороны буржуазии.

Военно-революционный комитет немедленно по взятии власти осуществил ряд мероприятий.

Он взял в свои руки казначейство, куда в качестве комиссара был направлен т. Казачков (погиб в январе 1920 г. от тифа). Благодаря честной работе старого специалиста, помощника начальника казначейства, работавшего на этом месте лет 20, финансы стали сильнейшим орудием в руках Серпуховского ревкома. Сразу же были предотвращены попытки буржуазии забрать свои вклады из местного отделения коммерческого банка. Выдача была ограничена 10 рублями в месяц, причем деньги выдавались только рабочим, крестьянам и беднякам-горожанам. Ревком издал постановление о конфискации сумм, принадлежащих церквам и монастырям, наследственных, дарственных, предназначенных для выдачи пенсии офицерам и генералам и др. В то же время было издано постановление о том, что все сбережения, заработанные личным трудом, остаются неприкосновенными и сохраняются за их владельцами. Деньги фабрикантов на выдачу зарплаты рабочим, а также суммы, принадлежащие земской и городской управам, выдавались только по разрешению члена президиума совета рабочих депутатов с целевым назначением, правильность которого контролировалась. Правильно налаженная работа казначейства в значительной мере подсекла возможность активной контрреволюции в Серпухове и поставила под контроль работу городской думы и уездного земства.

Другим мероприятием была организация вооруженных сил, на которые опирался ревком.

На тех фабриках, где не было еще отрядов Красной гвардии, они были созданы. Содержание Красной гвардии было возложено на фабрикантов. Наиболее организованной военной опорой являлись «морская бригада» и учебная команда. Первыми мероприятиями по военной линии были захват складов оружия и организация охраны совета. Спустя недели полторы-две были произведены перевыборы командного состава во всех частях гарнизона.

Серпуховским телеграфом перехватывались все посылаемые белогвардейцами отчаянные телеграммы о

высылке воинских частей на защиту Временного правительства.

27 октября был послан в распоряжение Московского военно-революционного комитета первый отряд Красной гвардии. 31 октября Серпуховский ревком получил приказ следующего содержания:

Октября 31, 1917 г.

Приказ Серпуховскому совету рабочих и солдатских депутатов.

Военно-революционный комитет приказывает вам во имя спасения революции немедленно прислать нам 300 человек солдат в полном вооружении и снаряжении.

Член Военно-революционного комитета (подпись).
Секретарь (подпись).

Печать: Военно-революционный комитет советов рабочих и солдатских депутатов.

На следующий день в Москву был послан второй отряд Красной гвардии. Кроме этого, был послан один маленький отряд в Подольск на усмирение милиции, не желавшей подчиняться ревкому.

В Москву были посланы часть «морской бригады» в 200 человек и 150 красногвардейцев из рабочей молодежи. Оба отряда перед от'ездом были выстроены у здания совета со своими знаменами и после речей, полных уверенности в победе, под звуки оркестра и пение «Интернационала» отправились на фронт борьбы за рабочую диктатуру.

На другой день после отправки второго красногвардейского отряда в Москву Серпуховский ревком получил сведения, что на станцию Тарусса (в 22 верстах от Серпухова) прибыли два эшелона сербских войск, направляющихся в Москву. Извещенный об этом Московский военно-революционный комитет дал распоряжение задержать насколько возможно эти войска, не пропуская их в Москву. В это время сербские войска, во главе которых было много офицеров, говоривших по-русски, прибыли в Серпухов. Офицеры заявили, что они едут в Архангельск для отправки оттуда на роди-

ну. Повидимому, они хорошо были осведомлены о борьбе, которая в этот момент шла в Москве, и Московский ревком имел основания не особенно доверять их нейтралитету. На станции Серпухов железнодорожники по распоряжению Серпуховского ревкома погоняли сербские эшелоны по запасным путям часа четыре, затем сообщили в Подольск, чтобы и там их задержали. За это время Московский ревком приготовился к «принятию» эшелонов: два или три дня их катали вокруг Москвы и потом отправили в Архангельск.

«Актив нашей организации разрывался на части»,— вспоминает т. Кокушкин о днях Октябрьской революции. В первые же дни революции совет рабочих депутатов приступил к проведению рабочего контроля на фабриках. Здесь первым делом нужно было решить вопрос о безработных. Значительную часть безработных немедленно распределили по фабрикам и приказали фабрикантам дать им немедленно работу. Остальным безработным начали выдавать пособия через профсоюзы. Далее, в волостях начали создаваться земельные комитеты для отобрания помещичьих земель и распределения их между крестьянами.

Наиболее трудным являлся продовольственный вопрос. Ревком обратился с воззванием к крестьянам сдать рабочим запасы хлеба, конфискованного в амбарах у помещиков. Это дало возможность наладить снабжение в самые трудные первые дни организации новой власти.

Происходившие в ноябре выборы в Учредительное собрание дали в Серпухове большевикам (проходившим по списку № 5) 90% всех поданных голосов.

Голосуя за большевиков при выборах в Учредительное собрание, массы тем самым голосовали против Учредительного собрания как формы буржуазной власти, за советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как форму власти пролетариата, опирающегося на весь трудящийся народ.

СОДЕРЖАНИЕ

Отв. редактор *И. Ворошилин*
Техн. редактор *Н. Тихонов*

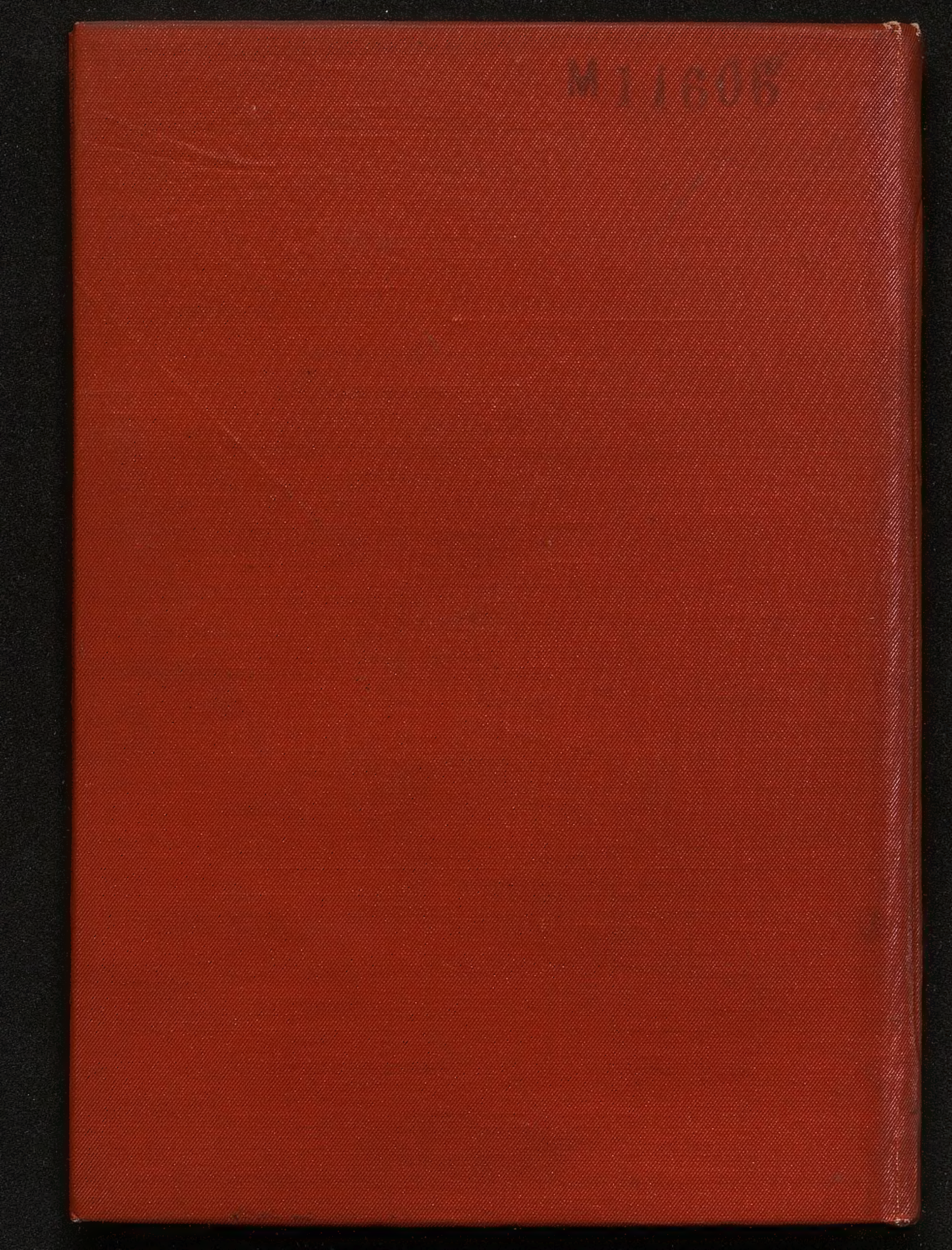
Переплет, форзац и титул работы художника
Е. И. Соколова
Гравюры на дереве работы художника
П. М. Кузаняна

Сдано в производство 23/VII 1937 г.
Подписано в печать 15/X 1937 г.
Московский рабочий № 94
Мособлгорлит № Б—5966
Формат бумаги 82×110
Об'ем 14½ печ. листов
В печ. листе 32.800 зн., уч. авт. лист., 11,8
Тираж 6 000 экз. Заказ 702

Цена 3 руб. 25 коп. Переплет 1 руб. 50 коп.

13-я типография и штемпельно-граверная,
Мособлполиграфа, Петровка, 17.

1917

M11608